

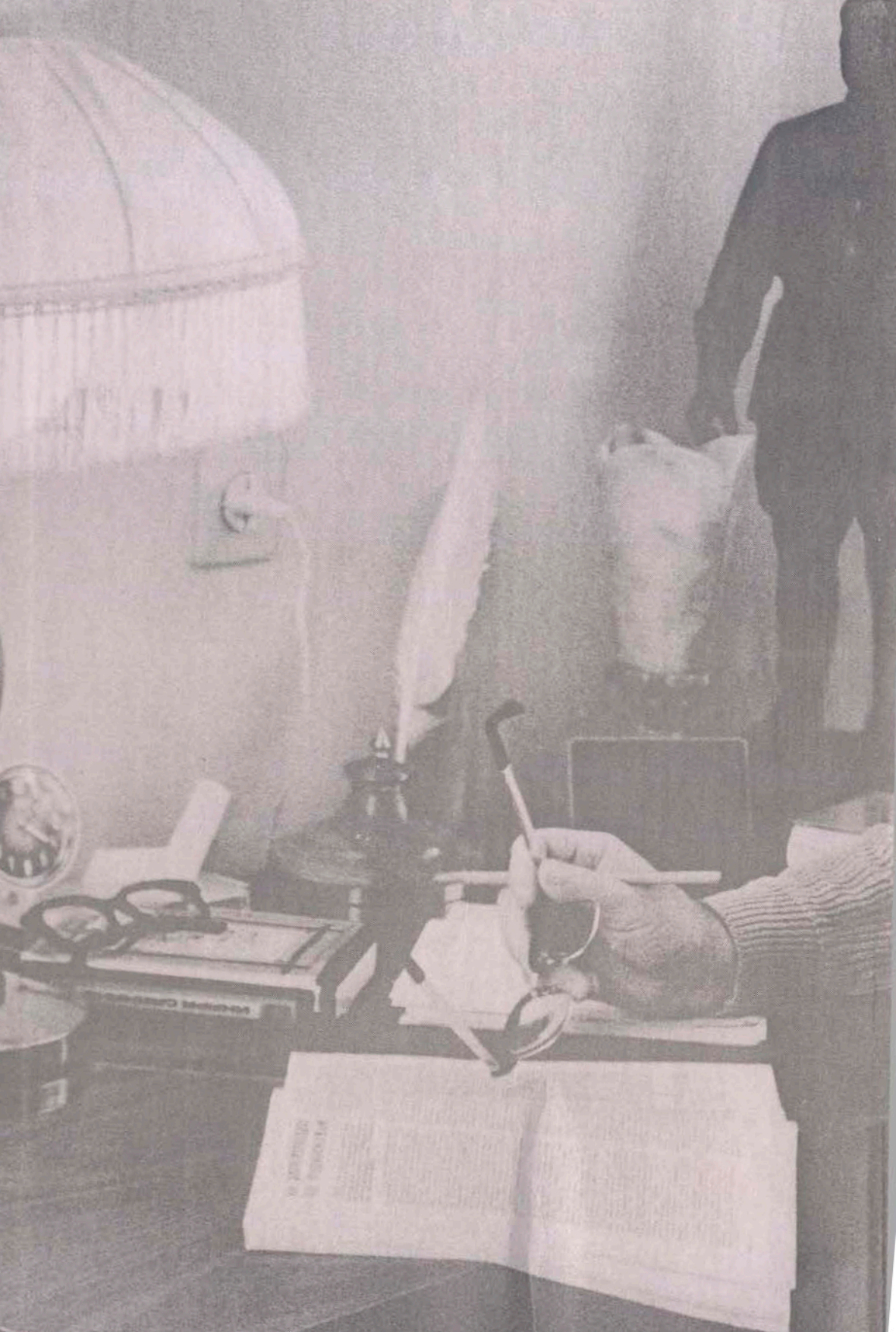
В.В. Соколов

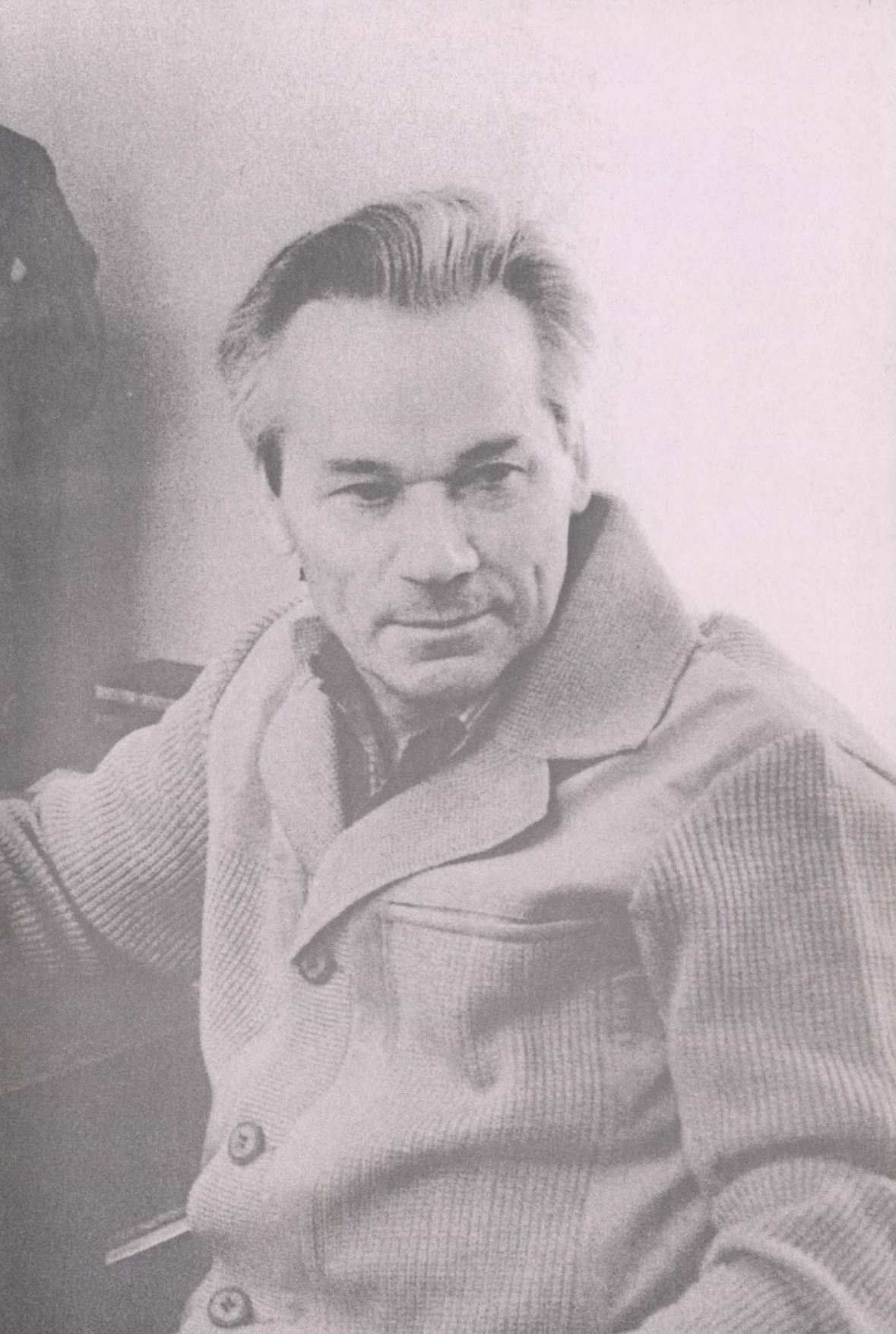
О дружбе и о себе

Нашей дружбе 40 лет. Много это или мало – судите сами. А я хочу рассказать о моем друге – Калашникове. О том, что близко и дорого нам обоим.

Нет идеальных людей. Но именно долгая дружба, по моему убеждению, учит быть терпимее, учит ценить и любить человека таким, какой он есть.

О друге и о себе

Б. Сопкин

В.В. СОКОЛОВ

О друге и о себе

Уважаемому
Ижевскому городскому
обществу слепых
на добрую память от автора
8.05.08г.

В. Соколов

Ижевск 2003

УДК 623(09)

ББК 68Д

С59

Литературная запись

Н.К. Швиндт

Соколов В.В.

С59 О друге и о себе. – Ижевск: Издательство ИжГТУ, 2003. – 276 с.: ил.

ISBN 5-7526-0155-X

Годы долгой дружбы связали Михаила Тимофеевича Калашникова и Валентина Владимировича Соколова. Эта книга – рассказ не о конструкторской деятельности, не о работе известного оружейника. В ней Михаил Тимофеевич предстает перед нами таким, каким его знает близкий друг – Валентин Владимирович Соколов. Нет идеальных людей. Но именно долгая дружба учит быть терпимее, учит ценить и любить человека таким, какой он есть.

Редакция и издательство не несут ответственности за характеристики героев, факты и описанные события, изложенные в соответствии с авторским замыслом.

ISBN 5-7526-0155-X

© Соколов В.В., 2003

© Издательство ИжГТУ, 2003

© Дизайн обложки Хлыбовой Е.А., 2003

Предисловие

Когда-то имя М.Т. Калашникова, конструктора известного на весь мир автомата АК-47, было «закрыто». Секретность распространялась не только на деятельность, но и на всю жизнь Михаила Тимофеевича. Сейчас все иначе: о М.Т. Калашникове пишут столько, что написанного не охватить. Кто же авторы? Вопрос почти риторический, поскольку в большинстве случаев это люди, которые незнакомы с Калашниковым, и даже более того, никогда его не видели.

Автор этого издания – Валентин Владимирович Соколов – близкий друг конструктора. Что означает выражение «близкий друг»? Для Михаила Тимофеевича и Валентина Владимировича это целая жизнь, связанная с работой, научной деятельностью, горькими утратами, многочисленными встречами и, конечно, увлечением охотой и рыбалкой. Книга «О друге и о себе» – это редкие и неповторимые моменты жизни друзей, изложенные в мемуарном жанре.

В 2001 году в издательстве «Акцент» вышла книга В.В. Соколова «Калашников. Мой друг, каким его знаю...». Наше издание – не копия этой книги. Это самостоятельное, неповторимое произведение, хотя читатель почувствует в ней отзвук первой работы В.В. Соколова.

В своих воспоминаниях Валентин Владимирович не пускается в длинные рассуждения о том, почему это было так, а это – иначе. Нет. Он предлагает факты, предоставляя читателю самому делать выводы и додумывать то, о чем сказано между строк. В повествование вводятся новые элементы – это забавные, порой анекдотичные истории из жизни друзей. Привнося в мемуары оживление, они подстегивают интерес.

Композиция книги выстроена так, что гармонично переплетены рассказы о Михаиле Тимофеевиче, о дружбе и о самом Валентине Владимировиче. Отдельная глава посвящена боевому пути самого автора. Здесь читателю не придется скучать. И не потому, что описаны героические подвиги, нет – военные будни, окопы, служба. Глава насыщена интересными фактами и приключениями.

Не обойдена стороной известность М.Т. Калашникова. В.В. Соколов не славит и не превозносит знаменитого на весь мир конструктора. Местами чувствуется критическое отношение, а где-то автор выражает понимание и поддержку.

Невозможно не сказать о страницах, посвященных охоте и рыбалке. И Калашников, и Соколов – люди, по долгу службы находящиеся всегда на виду, где приходится держать себя в узде. Но какие страсти иногда разыгрывались на охоте или рыбалке! Выплескивались и азарт, и неумемая энергия обоих друзей.

Немало строк уделено великолепию природы Удмуртии, Татарии. Ведь друзья встретили вместе не один рассвет, не раз приходилось ночевать под звездным небом, восхищаться искристым белоснежным покровом зимней природы.

Если сравнивать оба произведения одного автора, то можно с уверенностью сказать, что вторая книга — это более глубокий подход к пережитому. Пересмотрено отношение автора к некоторым фактам, внесены значительные дополнения в повествование, изменено композиционное построение, существенно откорректирован прежний иллюстративный материал.

Об авторе

Мой дом стоит на берегу оврага,
Где разливается ручей.
Там, возле старого забора,
Поет весною соловей.

Здесь пролетело мое детство
В затаях шумной кутерьмы,
На лоне милого мне края –
Чудесной нашей стороны.

Незатейливое стихотворение написано Валентином Владимировичем еще в далеком детстве, когда он и не предполагал, какая судьба ему уготована. Сколько непредсказуемых поворотов сделает она, с какими людьми сведет. Немало испытаний выпало на долю этого человека, и все они пройдены с честью. Испытания, честь... Высокие слова, но стоит только взглянуть на количество наград Валентина Владимировича, и многое ясно без слов. Среди них немало тех, которые омыты кровью совсем еще молоденького паренька, оказавшегося в безжалостном жерле войны. В.В. Соколов – кавалер двух орденов Отечественной войны, ордена Красной звезды и медали «За отвагу». Отмечен наградами и мирный труд. Среди них орден Ленина и орден «Знак Почета».

Жизненный путь этого человека знаменателен не только наградами, а еще и большой дружбой. Слушая рассказы Валентина Владимировича, удивляешься тому, как много замечательных людей – от простого бакенщика до государственных деятелей – встречалось на его пути. Дружба со многими из них длится десятилетиями.

Много лет назад произошла, казалось бы, обычная встреча двух человек, занятых в совершенно разных областях деятельности. Но из этой встречи выросла большая дружба. Михаил Тимофеевич Калашников и Валентин Владимирович Соколов немало пережили и испытали вместе. Ведь 40 лет – путь немалый.

Валентин Владимирович Соколов родился в 1925 году в Костромской области. Жил и мечтал, как все в ту пору. А в 1942 году из десятого класса семнадцатилетним пареньком был призван в армию. Учился в минометной школе, затем был отобран комиссией для службы в Кремлевском полку. Так впервые Валентин Владимирович попадает в Москву. А в 1944 году уезжает на фронт. Белоруссия, Польша, Восточная Пруссия, Германия – это та ратная дорога, которой шел Валентин Соколов. Начав ее в 17 лет, в 19 он был уже офицером, командиром взвода автоматчиков. Что интересно, некоторое время служил в той дивизии, которая вошла в историю не только подвигами мужества, но и песней «На Безымянной высоте».

Война закончилась, но служба молодого офицера продолжалась еще несколько лет. В Берлине был назначен сначала на должность командира взвода фельдъегерской связи, затем – начальника экспедиции штаба советской администрации в Германии. Служба, ответственная и беспокойная, была связана с доставкой секретной почты и прочей документации в подразделения штаба, во все воинские части группы советских войск, в Москву. Будни молодого лейтенанта были наполнены интересными встречами, необычными происшествиями и даже приключениями. Довелось повидать немало высоких чинов, представляющих не только наше, но и другие государства. Выполняя служебные обязанности, объездил всю территорию бывшей ГДР. Из Германии Валентин Соколов был направлен на Западную Украину, где свирепствовали бандеровцы. И только в 1948 году служба в армии закончилась.

На выбор гражданской профессии повлияли два ранения: после первого был поврежден позвоночник и правая нога, второе навсегда ослепило один глаз. Поэтому попытка поступить в Военно-техническую академию окончилась неудачей.

Выбрал Московский зоотехнический институт коневодства, который опекал легендарный командарм Гражданской войны С.М. Буденный.

Годы учебы запомнились многими интересными событиями. Может, время было такое, но жизнь буквально бурлила. Успевал все: был старостой курса и старостой группы, серьезно занимался научной работой, играл на гитаре и хорошо пел. Иногда даже прятаться приходилось, потому что настойчиво звали на все вечера: магнитофонов тогда не было, развлекали себя сами.

Повезло и с учителями. Одним из них был профессор К.И. Барулин, под руководством которого выполнял научные исследования. С ним и начался путь Валентина Владимировича в науке. Константин Иванович Барулин был не только учителем, но и наставником в жизни, другом.

В 1954 году В.В. Соколов с отличием окончил институт, поступил в аспирантуру. Перед молодым перспективным

Вот так красавица! Колхоз «Двигатель», 1957 г.

ученым открылось множество дорог. По направлению он приезжает в Ижевск в сельскохозяйственный институт. Его научная деятельность наполнена творчеством, новыми идеями. Будучи еще аспирантом, он работает в колхозе «Двигатель» Воткинского района Удмуртии, где создает опорный пункт по овцеводству, в который входят шесть близлежащих хозяйств. За время работы здесь В.В. Соколовым выполняется ряд научных исследований. А колхоз «Двигатель» становится сначала племенной фермой, затем приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации преобразовывается в племенной завод.

В течение 18 лет Валентин Владимирович являлся руководителем Совета по племенной работе с овцами породы прекос. Совет осуществлял селекционно-племенную деятельность на ведущих племзаводах России, Украины, Белоруссии. Порода прекос являлась самой многочисленной среди мясошерстных тонкорунных пород СССР. Ее численность составляла более 6 миллионов голов.

Более 20 лет В.В. Соколов являлся председателем научно-технического Совета по животноводству при Министерстве сельского хозяйства Удмуртской Республики и Удмуртского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И. Вавилова.

Приходилось заниматься и другой работой. Так, в какой-то период в нашей стране были построены несколько овцеводческих комплексов из бетона и стекла. Средства затратили немалые. Авторы нововведений получили Государственные премии. Но овцы стали болеть. И вот по заданию президиума ВАСХНИЛ в качестве руководителя комиссии для изучения причин заболевания романовских овец В.В. Соколов выезжает в крупные овцеводческие комплексы, которые находились в Марийской Республике, Ивановской и Ярославской областях. После всесторонних исследований становится ясно, что овцы не могут жить в отстроенных хоромах из бетона и стекла. Эти условия не соответствуют биологическим особенностям животных.

В 1961 году В.В. Соколова назначают заместителем министра сельского хозяйства Удмуртской Республики по животноводству. В 1962 году он защищает кандидатскую диссертацию и получает назначение на пост директора Удмуртской республиканской сельскохозяйственной опытной станции. Как и на каждом занимаемом посту, Валентин Владимирович достигает немалых успехов в развитии сельскохозяйственной науки, во внедрении ее результатов в производство республики. Вот всего один пример того, как принятое и выполненное решение повлияло на развитие животноводства в Удмуртии.

До 70-х годов в Удмуртской Республике разводили четыре породы крупнорогатого скота. Если пород много на небольшой территории, то это усложняет селекционно-племенную работу. Валентин Владимирович поднял этот вопрос в Министерстве сельского хозяйства СССР, предложив серьезно заняться разведением в Удмуртии еще одной породы – черно-пестрой. Был подготовлен приказ от 17 февраля 1971 года, и в план породного районирования крупного рогатого скота в Удмуртской Республике была включена черно-пестрая порода. Выделили деньги на покупку скота в Голландии. В республику привезли две партии животных по 100 голов, и с 1971 года в опытно-производственном хозяйстве «Уромское» начали разведение черно-пестрой породы. Со временем она почти вытеснила все остальные.

Исследованиями по проблеме выбора черно-пестрой породы для разведения в Удмуртии занимался Александр Иванович Любимов, ныне ректор ИжГСХА, профессор. По этой теме им была успешно защищена докторская диссертация «Состояние и перспективы развития молочного скотоводства в Западном Предуралье».

Несколько лет, с 1971 по 1974 годы, Валентин Владимирович Соколов работал первым заместителем председателя Совета министров УР. В это время ему пришлось активно заниматься проблемами строительства в Удмуртии крупных животноводческих объектов, в том числе свиноводческого комплекса на 108 тысяч голов.

В.В. Соколов был избран депутатом Верховного Совета СССР. В этом почетном и ответственном качестве он вновь оказался там, где совсем в юные годы начинал жизненный путь. Теперь кремлевские двери открывались перед зрелым человеком.

Много лет В.В. Соколов посвятил подготовке специалистов для сельского хозяйства, научно-исследовательской работе. Это было областью его занятий и в Удмуртском государственном университете, где он заведовал кафедрой технологии сельскохозяйственного производства, и в Ижевском сельскохозяйственном институте, теперь – Ижевской государственной сельскохозяйственной академии.

В 1981 году он с успехом защищает докторскую диссертацию в Кубанском аграрном университете. А одним из его оппонентов является Килыбай Усенович Медеубеков – президент Восточного отделения Академии наук СССР.

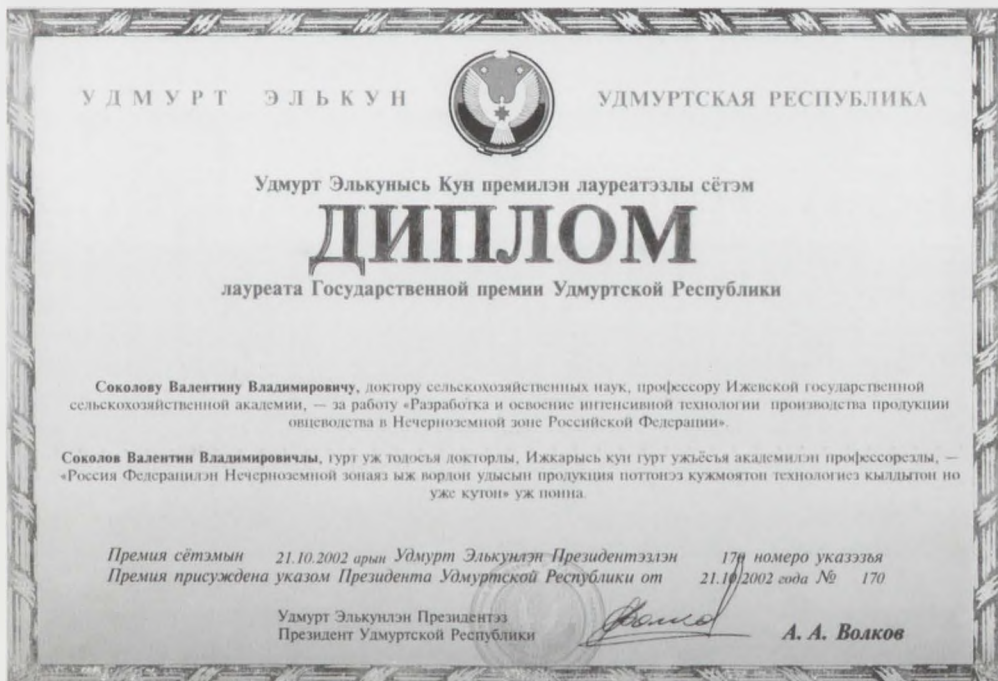
Сейчас В.В. Соколов – профессор, доктор сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки Удмуртии и России, академик Международной академии информатизации, Российской академии естествознания, заместитель председателя диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций, член президиума Удмуртского отделения Российской технологической академии, член Международной славянской академии науки, образования и искусства, научный руководитель научно-производственного предприятия «Руно».

Валентин Владимирович обладает замечательным талантом: так организует коллектив, с которым работает, что результаты будут наилучшими. Много лет В.В. Соколов был научным руководителем селекционно-племенной работы в одном из крупнейших племенных заводов страны – Москаленском Омской области. За период его работы два чабана были удостоены звания Героя Социалистического Труда. Результаты деятельности коллектива племенного завода были одобрены выездным заседанием Госкомитета СССР. И это стало основанием для создания отраслевой научно-исследовательской лаборатории по овцеводству при Ижевском сельскохозяйственном институте.

Здесь под руководством профессора В.В. Соколова проведен ряд технологических, селекционных (с использованием ЭВМ), проектных, конструкторских и экономических исследований, которые были внедрены в ряде регионов страны. Одним из главных достижений ученого можно считать разработку и освоение интенсивной технологии производства продуктов овцеводства в Нечерноземной зоне, на Урале и в Западной Сибири, которая была дважды одобрена Минсельхозом России. По заключению Всесоюзного научно-исследовательского института овцеводства и козоводства, данная технология обладает новизной, теоретически обоснована и соответствует мировому уровню, широко апробирована производ-

В день вручения Госпремии Удмуртской Республики В.В. Соколову
1 ноября 2002 г.

ством. За внедрение этой технологии в производство заведующий овцеводческой фермой колхоза «1-е Мая» Малопургинского района УР Дмитрий Алексеевич Ермаков в 1990 году стал лауреатом Государственной премии СССР. Немного раньше за участие в создании племенного завода в колхозе «Двигатель» Воткинского района УР старший чабан Генриетта Семеновна Злобина была награждена звездой Героя Социалистического Труда – единственная в этой отрасли в Удмуртии.

Неоднократно поощрялись дипломами, премиями научно-технического общества, золотыми медалями ВДНХ и ВВЦ собственные работы В.В. Соколова. За разработку и освоение интенсивной технологии производства продуктов овцеводства в Нечерноземной зоне России в 2002 году Валентин Владимирович становится лауреатом Государственной премии Удмуртской Республики.

Валентин Владимирович Соколов – автор более 200 научных и 50 учебно-методических работ, в числе которых 40 книг. Одна из них – «Мировое овцеводство» – не имеет аналогов в мире. Он является руководителем авторских проектов, многих дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций. Среди его учеников можно назвать профессоров П.А. Акузина, И.Г. Кубашева, А.В. Теплякова, Г.Н. Бурдова, А.Г. Шмакову, Л.Н. Игнатьеву, Х.М. Араева, кандидатов сельскохозяйственных наук А.В. Филичкина, Р.М. Петирова, О.В. Неклюдову, кандидата биологических наук А.Ф. Храмова, доцентов Л.А. Орехову, Е.М. Кислякову и других.

И если своего друга Калашникова автор называет Мастером, то самому В.В. Соколову с полным правом можно дать звание Учителя.

Н.К. Швиндт

Он — просто мой друг

Долгими вечерами у охотничьего или рыбацкого костра, оставаясь вдвоем, о многом переговаривали мы с Михаилом Тимофеевичем. Глядя на языки пламени, порой рассказывали друг другу о сокровенном.

Нашей дружбе 40 лет. Много это или мало — судите сами. А я хочу рассказать о моем друге — Калашникове. О том, что близко и дорого нам обоим.

Нет идеальных людей. Но именно долгая дружба, по моему убеждению, учит быть терпимее, учит ценить и любить человека таким, какой он есть.

У истоков

Еще в детстве у Миши Калашникова очень часто возникало желание что-то придумать, смастерить. Порой это желание приводило к трагическим ситуациям, которые, к счастью, заканчивались благополучно. Времена были непростые — не достать даже куска проволоки, чтобы прикрепить ее на деревянные коньки. В шестилетнем возрасте Миша пытался сделать их сам. Помогал старший брат. Один конек изготовили общими усилиями, а на второй не хватило подручных средств. И все же, чувствуя себя совершенно счастливым, прикрыв его к валенку, мальчик отправляется к реке. Пытаясь скатиться по обледенелому склону на лед, попадает прямехонько в прорубь...

Спасла от страшных последствий шуба старшего брата, надетая на малыша: раскрывшись куполом, словно парашют, она удержала его на поверхности воды. Ребятишки, оставшиеся на берегу, подняли крик, стали звать на помощь.

Совершенно промокшего и окоченевшего мальчика раздели и положили на печь, где сушился овес. Возможно, это и спасло юного конькобеж-

да от непоправимых последствий. Хотя однажды подносили перышко к носу ребенка, чтобы определить: жив ли еще. Уж и сосед-плотник с прутиком стоял, снимал мерки для гробика, да все обошлось. Мама в этот момент погладила сына по голове. Может, и спасло тепло ее рук. Позже она говорила соседкам, что Миша в рубашке родился.

А вообще детство Миши Калашникова нельзя назвать безмятежным: и времена были сложные, и жизненный уклад был совсем иным. Родина родителей – Краснодарский край, вблизи станицы Отрадное. В поисках свободной земли родители переехали в Алтайский край, где позже были раскулачены и сосланы в Казахстан. Отец, Тимофей Александрович, закончил два класса церковно-приходской школы. Мать, Александра Фроловна, грамоты почти не знала. Но родительское сердце подсказывало, что образование детям необходимо, поэтому стремление к учебе, книгам, трудолюбие всегда опирались в семье. Забот у родителей было немало: девятнадцать человек, из них семнадцать – дети. Конечно, выжили не все. Голод, болезни в 20-30-е годы, от которых не спастись, сделали свое дело. Осталось шесть братьев и две сестры.

У детей была суровая школа жизни, для баловства не было времени – росли помощниками по хозяйству в крестьянском труде. Быть может, это и развило в маленьком Мише конструктивный аналитический ум. Хотя с детства мечтал стать поэтом. И в школе любимым предметом была русская литература. Любил учительницу по этому предмету – Зинаиду Ивановну, поэта Некрасова, свою одноклассницу – красивую девочку Зину, писал стихи и даже пьесы. Его шаржи и пародии звучали на школьных вечерах. Это увлечение не прошло и в армии.

Судьба не раз предлагала Михаилу Калашникову попробовать себя в разных делах. Словно испытывала на перепутье: что выберет молодец? Так, в юности он умел даже откармливать телят по науке. А вдохновила на это любовь все к той же девочке Зине. И звали ее как любимую учительницу, и собой хороша, и коса до пояса. А тут еще занялась научным выращиванием своего теленка. Вот и взял парень с нее пример (на радость маме): решил принять участие в этом соревновании и вырастить теленка по имени Красавчик.

Надо сказать, что Калашников всегда доводил начатое дело до конца, причем не абы как, а с надлежащим упорством. Так что, когда пришел час показывать своего питомца, краснеть не пришлось ни Мише, ни его маме. «Хорошего вы вырастили теленка», – сказала Зина. И похвала была адресована Красавчику. Обрати Зина внимание не только на Красавчика, но и на его кормильца, может, и трудился бы тогда Михаил Калашников на ином поприще.

Да другая тяга взяла верх – «железки» всегда влекли непреодолимо. Если в руки Михаила попадал какой-нибудь механизм – любопытству не было предела. Так, произошла одна история, изменившая его судьбу по-

настоящему, заставив сразу повзрослеть. Эта история связана с браунингом, подброшенным двум мальчишкам войной 1914 года. Втоптаный временем в землю, поржавевший, тяжелый от этой ржавчины и груза времени, он оказался в руках двух любознательных пареньков. Миша оттирал его битым кирпичом, смазывал конопляным маслом каждую деталь, пытаясь постичь устройство металлического механизма, который привораживал не только взгляд, но и сердце.

Конечно, ребята таились, никому не рассказывали о находке, но дело все же дошло до милиции, и мальчишек посадили под замок. Держали в камере, допрашивали очень настойчиво и серьезно. А времена были нешуточные: ослушаешься – не поздоровится. Но с удивительным упорством отрицали все и Михаил, и его друг. Сестры приходили к Михаилу в слезах, умоляя его отдать опасную вещь. Казалось, что судьба двух пареньков решена, как вдруг их отпускают, но настоятельным тоном предлагают принести и сдать пистолет. Пистолет так и не сдали. Оставалось одно – уйти из родных мест.

Вместе с другом отправились в путь. Торопились. Им казалось, что погоня должна мчаться по пятам. Шли в метель, заблудились в степи. Плутать зимой по степи – равносильно смерти. Чтобы переждать непогоду, вырыли берлогу. Но мороз коварен: чтобы не уснуть, пели песни. Метель немного стихла. Выбрались из укрытия и вдруг вдали заметили огонек. Он-то и оказался путеводной звездой, которая вывела ребят на небольшой поселок. Путешествие по степи так их вымотало, что идти дальше были способны только через несколько дней. Позже добрались до станции Матай в Казахстане, где Михаил Калашников устроился на работу в депо техническим секретарем, откуда и ушел в армию.

Первые шаги

Наверное, не раз спрашивали Калашникова: а как же все начиналось? Как же ему, старшему сержанту, удалось пробиться, да еще в те самые времена?

Я не раз был свидетелем того, как Михаил Тимофеевич умудряется создавать различные бытовые шедевры, облегчающие работу по дому, на даче, на рыбалке. При этом чаще всего использует материал, который «лежит под ногами». Такой он всю жизнь. Этот-то изобретательский дар и вывел его на широкую дорогу еще в армии.

Осенью 1938 года Михаила Калашникова призвали на службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию – РККА – в танковые войска. Техника могучая, интересная, но пока несовершенная. Многое дорабатывалось уже в действии. Как-то в части был объявлен конкурс на создание счетчика моторесурса танкового двигателя. И что же? Молодой боец Красной

Армии Михаил Калашников справился с задачей лучше других. Это и стало началом его большого пути. Сам командующий Георгий Константинович Жуков наградил его за это изобретение часами и фотоаппаратом. А на доработку и изготовление прибора Калашникова направили на завод в город Ленинград. Там и застала его война. Сразу на дальний план ушли мечты об учебе, о какой-то другой жизни, связанной с техникой, прибором, заводом. Уезжал из Ленинграда в войска. Конечно, хотелось вернуться к своим ребятам, но где они сейчас?

...Состав подошел к Харькову. Михаил вышел из вагона и увидел на следующей платформе эшелон с танками. Потянуло к ним. Он перепрыгивал с рельса на рельс, думая о том, как хорошо тем, кто среди своих. Направляясь к эшелону с техникой, Калашников смутно надеялся узнать у сопровождающих, где сейчас его полк.

Ему действительно везло! Оказалось, что это его ребята сопровождают танки. Более того – весь экипаж. Они на заводе получали новые машины. Так Калашников снова оказался среди своих.

Фронт. Бои. Страшные поражения и горькие потери...

Г Е Р О И - С О В Р Е М Е Н Н И К И

В. Ж У К О В

Второе рождение

Дорогой Валерий Владимирович!
Во время нашего первого
наблюдения в районе "Ветер"
я маленькую козочку и кролика зину
у нас уже счас конструктором.
Я. Калашников
7.10.75г.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1963

Это одна из первых книг
о М.Т. Калашникове

Михаил Тимофеевич рассказывал мне, что в экипаже между собой они решили: в случае тяжелого ранения кого-то из них застрелить раненого, чтобы, не дай бог, не попасть в плен.

И вот ранен Михаил осколком брони, прошившей плечо после прямого попадания снаряда в танк. Линия фронта неясна. Положение серьезное. Немцы всюду. Но не решились ребята добить своего товарища...

Среди тех, кого везли в санчасть, его ранение было полегче, многие вообще не могли передвигаться. Машина шла по проселочной дороге. Было неизвестно, где наши, где немцы. В сумерки подъехали к одной из деревень. Военврач принял решение произвести разведку местности. Отправил шофера, лейтенанта с обожженными руками и Калашникова. Отошли от машины довольно далеко, а через некоторое время раздались автоматные очереди. Когда вернулись к машине, то перед ними открылась страшная картина: добили всех до одного. Кровь струйкой стекала сквозь пол кузова. Не зря все-таки когда-то мать сказала, что Миша родился в рубашке: в который раз избежал неминуемой гибели.

Но теперь предстояло добираться до своих, пробираясь через линию фронта. Шли по ночам. Давали о себе знать ранения: бинты почернели от крови и грязи, раны гноились. От голода темнело в глазах. Если бы не шофер Коля – не дойти. Можно сказать, что этот человек вынес двоих раненых на себе, оставшись до конца верным солдатской заповеди: сам погибай, а товарища выручай.

А еще помогали простые русские люди. Ведь передвигались по оккупированной территории. Помощь бойцам могла стать губительной для всей деревни, не говоря уже о семье того, кто помогал. С особой теплотой рассказывал мне Михаил Тимофеевич о том, как выхаживал их сельский фельдшер, как прятал на сеновале. Но до сих пор жалеет, что потеряна связь с этими людьми, что не запомнил фамилию Коли, не помнит имени фельдшера.

Вышли из окружения и, наконец, попал Михаил в госпиталь. Долгими ночами не раз заново переживал происшедшие события. Солдатский сон чуток. А в госпитальной палате, где каждый со своей болью, плохо спится. Что снится солдату, заглянувшему в лицо смерти? Кому-то слышатся автоматные очереди, кто-то видит погибших товарищей. На войне происходит много такого, что потом не дает уснуть. Вот и Михаил вновь и вновь переживал последний бой, выход из окружения, горечь потерь.

И на фронте, и в госпитале приходилось слышать ему о том, что не с таким бы оружием воевать. Немец с автоматом, а мы с чем? Да и к самому эти мысли приходили не раз. Ведь скольких бед и потерь можно было бы избежать, будь на вооружении у нашего русского солдата автомат, а не трехлинейка. Все эти рассказы, размышления откладывались и, видимо, ждали своего часа. Лежа на госпитальной койке, Михаил, сначала в мыслях, а потом, пусть в неумелых, но чертёжах, стал создавать желанный авто-

мат. И когда после ранения его отправили в отпуск долечиваться, у него были определенный замысел и цель. А еще лежала в вещмешке заветная тетрадка с чертежами.

Поехал он не к родным и близким, по которым изныло сердце, а на станцию Матай, где работал в депо перед службой в армии. Здесь Михаил мечтал осуществить свою дерзкую мечту. И верил, что его друзья-товарищи помогут. Конечно, не сразу согласились. Но воодушевление, напор и надежда, звучавшие в словах Калашникова, убедили всех. Принялись за

работу. Прошло три месяца упорного труда, и задуманное воплотилось в реальный механизм.

А сколько происходило всего потом. Даже на гауптвахте сидел. Дело было так. Когда все-таки работу над образцом завершили, нужно было куда-то ехать и показывать свое изобретение. На местном уровне испытали, собрали Михаила в дорогу и отправили в Алма-Ату. В военкомате, раненый старший сержант с самодельным автоматом вызвал подозрение. Даже к военкому не попал, а по команде адъютанта был взят под стражу до выяснения обстоятельств. Нельзя сказать, что выяснили быстро. Вспомнили о старшем сержанте только на третьи сутки. И не просто вспомнили, а на машине доставили к секретарю ЦК КП(б) Казахстана К. Кайшигулову. А там закрутилось-завертелось. Совершенно

Молодой конструктор

неожиданно для Калашникова его судьба вновь сделала поворот. В то время в Алма-Ате находился эвакуированный Московский авиационный институт. Вот туда и отправили старшего сержанта совершенствовать изобретательский талант. Первый вариант автомата вообще забраковали, как не имеющий перспективы.

Михаил Калашников находился только в самом начале пути к успеху. И путь этот был нелегок. Но были цель и упорство. Наверное, немало тех, кто может придумать какое-нибудь новшество, приспособление. А вот завершить работу над целой конструкцией, да так, чтобы всю ее от начала до конца выдержать в лучшем виде, не всякому дано. Катастрофически не хватало технических знаний. Конечно, рядом были инженеры, чертежники, другие специалисты, которые помогали, учили. Много читал сам об истории оружейного дела, перелопачивал учебники по математике, физике. В цеху

принимал участие во всех процессах и понял, что без умелых рук слесарей, сварщиков, других рабочих не было бы создано ни одного механизма.

Так случалось на каждом этапе становления Калашникова-конструктора, что рядом оказывались люди равнодушные, заинтересованные в судьбе очередного изобретения. Когда молодой сержант представил свой первый автомат начальнику Артиллерийской инженерной академии им. Дзержинского академику А.А. Благонравову, тот, внимательно ознакомившись с конструкцией оружия, понял, что имеет дело с уникально талантливым человеком. Давая письменный отзыв на новое оружие, академик высказал пожелание, чтобы его автор непременно получил высшее техническое образование.

Михаил Тимофеевич считает, что именно Анатолий Аркадьевич Благонравов определил его жизненный путь. Документы, которые академик отправил секретарю ЦК КП(б) Казахстана К. Кайшигулову, а также в Военный совет Среднеазиатского военного округа, сыграли решающую роль в судьбе молодого изобретателя.

М.Т. Калашников вспоминает первую встречу с А.А. Благонравовым: «...Сердце готово вырваться из груди. Благонравов умелыми движениями начал разбирать оружие и тут же, по ходу, стал рассматривать чертежи, описание. Он столь уверенно разбирал образец, что мне показалось, будто профессор до этого не один раз держал его в руках».

По прошествии многих лет заслуженный деятель науки и техники, профессор, генерал-майор А.А. Благонравов, увидев почти все образцы стрелкового оружия, созданные под руководством М.Т. Калашникова, убедился в том, что дал молодому сержанту верное направление в жизни.

Обыкновенный человек

Мне приходилось встречаться с разными людьми: много ездил, много работал, много дружил. Самая крепкая и многолетняя дружба связала меня и мою семью с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым и его семьей. Порой нам кажется, что чем известней человек, тем необычнее он должен быть и внешне, и внутренне, и жизнь его должна отличаться от жизни обычного человека чем-то особенным. Теперь уже много написано о М.Т. Калашникове, но я взял на себя смелость рассказать о своем близком друге, и хотелось бы, чтобы его образ не выглядел идеальным, а таким, какой он есть. Несомненно, Михаил Тимофеевич – личность незаурядная. И характером отличается непростым. Сейчас часто обращаются к гороскопам. Так вот, М.Т. Калашников – Скорпион по гороскопу, а еще пишут, что Скорпион грызет самого себя.

Мой друг – принципиален и требователен, прежде всего к себе. Главными чертами его характера считаю упорство, настойчивость, одержимость

в любом начатом деле и целеустремленность. Отличают его незаурядный ум, смекалка. Возможно, все эти качества и позволили ему, старшему сержанту, победить в соревновании с титулованными и именитыми конкурентами – конструкторами оружия. Успех в жизни – это ведь не просто талант, данный свыше, это упорный труд, часто – лишения.

С виду Михаил Тимофеевич простой и доступный человек. Но он из тех, о ком говорят: сам себе на уме. В споры с людьми иных взглядов вступает крайне редко. Правоту не станет доказывать «с пеной у рта», а сумеет проявить сдержанность, оставшись при своем мнении. Секретов своих не выдает, важные мысли и идеи хранит при себе.

М.Т. Калашников. 1993 г.

Михаил Тимофеевич очень разборчив в общении. Другом его может стать далеко не каждый, но друзьям, с которыми свела его судьба, верен. Может поддержать и защитить друга в любой ситуации. Однажды обстоятельства сложились так, что это стало испытанием нашей дружбы. Когда я ушел с поста первого заместителя Председателя Совета Министров Удмуртии, многие сочли, что это недобровольный шаг. Люди, которые когда-то передо мной шапку за версту снимали, в друзья набивались и ими себя называли, стали относиться ко мне более чем прохладно. Михаил Тимофеевич свое отношение не изменил. Наша дружба осталась искренней и крепкой. Мы по-прежнему многое доверяем друг другу, но никогда наши взаимные откровения не становились достоянием других.

А о заветной мечте моего друга, которая осуществилась, расскажу. М.Т. Калашников очень хотел получить звание генерала. Жизнь его складывалась так, что не было возможности учиться как многие, постепенно расти в звании. Сначала время торопило, а потом его на это не осталось. Ходатайства о присвоении ему звания генерала трижды направлялись в Москву, но Министерство обороны всякий раз оставляло их без удовлетворения, ссылаясь на то, что М.Т. Калашников не имеет специального военного и даже общего высшего образования.

Мечта исполнилась в 75-летний юбилей, когда президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин лично вручил ему погоны генерал-майора. А на 80-летнем юбилее в 1999 году по указу Бориса Николаевича министром обороны РФ Игорем Сергеевым были вручены погоны генерал-лейтенанта.

Сейчас на торжественных мероприятиях Михаил Тимофеевич появляется чаще всего в генеральской форме. Иногда на рыбалку ездит в бушлате с генеральскими погонами. Мечта, хоть и не сразу, но осуществилась, и Михаил Тимофеевич гордится этим.

Уважительно относится Калашников к любому человеку, независимо от его ранга, но никогда не доверит малознакомому своих замыслов, не говоря уже о чем-то сокровенном. Немного словнистый, умеет внимательно выслушивать других, проявив искреннюю заинтересованность. Очень ценит людей трудолюбивых, доводящих начатое до логического конца. Он и сам такой. Все, что касается мужской работы дома, на даче, делает самостоятельно.

Если Калашников кем-то или чем-то недоволен, то неудовольствие выражает своеобразно: бывает, что долго бурчит по этому поводу, высказывая претензии несколько раз, но друзья, зная эту черту, на него не обижаются, потому что попадает от него только за дело, зря никого не обидит.

Много лет Михаил Тимофеевич живет без жены, но в одежде всегда аккуратен, небрежности и неопрятности себе не позволяет. Не любит ярких и броских вещей. Чаще всего завтраки и ужины готовит сам. В еде неприхотлив. Но любимые блюда, конечно, есть и у него: бульон из лосятины, асада из бараньего бока. Любит квашеную капусту, а что касается ее приготовления, то Калашников справедливо считает, что умеет приготовить ее, пожалуй, лучше всех. Из спиртных напитков лучшим считает русскую водку. В компании с друзьями, на охоте или рыбалке может пропустить рюмочку-другую. Но такого, чтобы Михаил Тимофеевич перебрал, не случается. Где бы мы ни бывали: на рыбалке, в лесу, на праздниках в компании друзей, я знаю, что он не позволит себе лишнюю рюмку. Знает и он, что я себе этого не позволю, несмотря ни на какие уговоры.

Очень нравится ему все, что готовит моя жена, при этом всегда хвалит за вкус и качество, говорит, что после яств Серафимы Павловны ничего не болит. На рыбалке мы всегда отдаем предпочтение ухе, сваренной Калашниковым. А вот его любимую асладу готовим редко, за что Михаил Тимофеевич не раз выговаривал мне: книгу «400 блюд из баранины» написал, а баранину по своим рецептам не готовлю.

Несмотря на то, что этот человек занимается мужским делом, серьезной работой, в душе он остался романтиком. Его любимая музыка – романсы. Песни – народные. Любимая певица – Лидия Русланова. Особенно любит гитару. Часто напевает себе что-то. Иной раз, придя из гостей, позволит мне, и слышу в трубке: «Соколовский хор у яра был когда-то знаменит, Соколовская гитара до сих пор в ушах звенит». Это он намекает на мою любовь к гитаре.

А вообще в молодости Михаил Тимофеевич мечтал стать поэтом. Можно сказать, что эта мечта частично осуществилась уже в зрелые годы. М.Т. Калашников принят в Союз писателей России. Им написано три книги, они о жизненном пути, соратниках и друзьях. Когда он готовил первую

книгу, мы очень подробно обсуждали каждую главу, и мои замечания он терпеливо выслушивал, иногда поправляя написанное. Сейчас издано три книги. Во время работы над третьей мои замечания ему были уже не нужны. Мне его книги нравятся, думаю, что они интересны и читателю.

О достоинствах моего друга можно рассказывать очень много. У нас в республике о нем говорят: «Человек слова и дела». И это справедливо. Нетерпящий обмана, непостоянства, редко прощает необязательность человеку любого уровня. Дал слово – держи.

Не чуждо Михаилу Тимофеевичу трепетное отношение к женской красоте, обаянию, душевной привлекательности. Вспоминается забавный рассказ самого Калашникова. С детства у Михаила Тимофеевича плохая зрительная память на лица. Познакомившись с девушкой, запоминал не лицо, а ее наряд. И частенько боялся, что не узнает девушку, если та придет в другом наряде.

Как ни странно, по всю жизнь плохо запоминает имена людей, даже тех, с которыми приходится встречаться не один раз. Чтобы не казаться некорректным, при встречах с малознакомыми людьми произносит невнятно и довольно тихо что-то, похожее на имя-отчество.

Плохо ориентируется на местности. Выезжая на охоту или рыбалку в одни и те же места, он редко запоминает дорогу. Даже терялся на охоте. Зная это, я старался быть поближе к нему и в лесу не терять его из виду.

Охота и рыбалка – это та настоящая страсть, которой отдаешься раз и навсегда. Мы с Михаилом Тимофеевичем как раз те люди, которые преданы этой страсти.

М.Т. Калашников крепок физически, вынослив, уверен в себе, уравновешен. И болеет, к счастью, редко. А в детстве не было болезни, которой бы он не переболел. Сейчас, если прихворнет, лекарства принимает с уговорами, под давлением врачей и близких, уколов боится, но когда прижмет, терпит.

Калашников по-крестьянски бережлив, экономен. Рос в большой семье. Да и в его собственной семье не всегда был достаток. Известность, а с ней и материальное благополучие пришли не сразу. Потому цену каждому заработанному рублю Михаил Тимофеевич знает. Может, поэтому не был щедр на подарки ни близким, ни знакомым. Возвращаясь из интересных поездок, демонстрировал нам подарки, сувениры, но ему не приходило в голову поделиться ими с друзьями. Трудно выпросить у него какую-нибудь фотографию. Бывает рассеян и забывчив: может забыть о дне рождения близкого человека, не навестить заболевшего друга, прийти с пустыми руками в гости.

Когда я перестал выезжать с ним на охоту из-за проблем со здоровьем (а Калашникову ежегодно выделяли лицензию на отстрел лося), ему и в голову не приходило прислать другу кусочек лосятины. Хотя после каждой удачной охоты при разделе туши между охотниками Михаилу Тимофеевичу отдавалось две части, а не одна, как всем остальным.

Быть может, и не стоило писать о подобных чертах характера моего друга. Но мне не хотелось бы, чтобы книга выглядела торжественной одой знаменитому конструктору. Ему, как и всем нам, присущи самые обыкновенные человеческие недостатки.

Нельзя не сказать и о том, что родился он в религиозной крестьянской семье, был крещен в православной церкви. Где, как ни в таких семьях, закладывается высокоправственное воспитание. Михаил Тимофеевич в церковь не ходит, а православные праздники встречает вместе с нами. К верующим людям относится с уважением.

Но вот однажды с ним произошел совершенно неожиданный случай. Было это в один из визитов на Восток. Визит подошел к концу. В аэропорт Эр-Рияд Калашникова сопровождал молодой майор. Восток известен своим гостеприимством, вежливостью и благожелательностью к гостю. Уже почти попрощались, и вдруг красавец-майор произнес пылкую речь, повергшую в смятение знаменитого конструктора. Молодой человек предложил Калашникову подумать над тем, чтобы принять мусульманство, мотивируя отпущением грехов, которые тяжким грузом лежат на плечах создателя оружия. Конечно, для Михаила Тимофеевича это было неожиданным предложением, и он деликатно дал понять, что не может его принять. По возвращении в Ижевск Калашников побывал в мечети. В Ижевске он провозглашен почетным мусульманином.

Я приоткрыл лишь небольшую страничку, рассказывающую о характере моего друга. В книжные строки не уложить четыре десятилетия дружбы. Можно лишь очертить какие-то качества, описать какие-то эпизоды. Но скажу одно – это жизнелюбивый, целеустремленный человек, обладающий оптимизмом и чувством юмора. Он – просто мой друг.

Екатерина Викторовна

С будущей женой Михаила Тимофеевича свела общая работа. Впервые с Екатериной Викторовной он встретился на подмосковном полигоне, где она работала чертежницей-копировщицей и жила со своей маленькой дочерью Нелей.

Екатерина Викторовна была красивой женщиной, одевалась со вкусом, вела дом, держала семью в своих руках. Это была незаурядная энергичная личность, которую отличали эмоциональность и общительность.

Муж, всегда загруженный производственными делами, дети, дача – все то, что мы называем бытом – не сделали ее жизнь замкнутой. Говорили, что по природной одаренности Екатерина Викторовна могла быть кем угодно, но карьере предпочла семью, идеально устроенный дом, отступая в тень перед талантом мужа. Именно она была душой компании, которая собиралась дома или на даче у Калашниковых, умела принять многочисленных

посетителей мужа. Любила природу, музыку, да и вообще любила жизнь, несмотря на то, что была серьезно больна инфекционным полнартритом и не могла жить без лекарств.

Семья была большой. Три дочери – Неля, Лена, Наташа и сын Виктор. Праздники отмечали весело. Новогодняя елка всегда была инициативой мамы. Она брала с собой кого-нибудь из детей, прикручивала елку к санкам и везла домой – сама, без помощи ординарцев, положенных мужу. То же касалось и воспитания детей: грозилась рассказать отцу лишь тогда, когда не хватало аргументов. Иногда по ее просьбе отец в воспитательных целях произносил одно или два предложения.

Несмотря на большую занятость по дому, Екатерина Викторовна любила выезжать на природу, нередко бывала с нами на рыбалке, ездила за грибами. Ее открытость, доброжелательность, незабываемое гостеприимство и общительный характер привлекали окружающих, и их дом был постоянным местом встреч друзей. Однако при случае она могла любому высказать критическое замечание, хотя критика была не злой, не обидной. Даже будучи уже серьезно больной, Екатерина Викторовна оставалась жизнерадостной и веселой женщиной, беззаветно любящей детей и внуков.

Часто вспоминала она жизнь на полигоне. Рассказывала о ней. Видимо, события тех лет были ей дороги. По работе она была связана со всеми

Михаил Тимофеевич с женой и дочерью Наташей

Екатерина Викторовна с Леной (слева) и Нелей (справа)

конструкторами-оружейниками, поскольку занималась чертежами и копированием разрабатываемых ими образцов. Из всех конструкторов, с которыми ей приходилось работать, особенно часто вспоминала конструктора стрелкового оружия майора Алексея Судаева, рано ушедшего из жизни.

Это был талантливый оружейник. Находясь уже в больнице, он обратился к Екатерине Викторовне с просьбой прислать его чертежи. Она отправила чертежи с одним из конструкторов. Тот, придя в больницу, не застал Судаева живым – жизнь Алексея Судаева внезапно оборвалась. А вот чертежи к Екатерине Викторовне так и не вернулись, и что с ними произошло – неизвестно.

Как жена депутата Верховного Совета Екатерина Викторовна имела право на некоторые льготы. Это касалось путевок в санатории и на курорты. Возвращаясь из поездок, она описывала их очень красочно и откровенно. Михаил Тимофеевич, присутствуя при этом, не вступал с ней в споры, не пытался одернуть. Но возникало ощущение, что поступает он так, чтобы не вызвать ответной реакции с ее стороны. Супруга Калашникова была эмоциональным человеком, в порыве могла сказать лишнее.

К сожалению, беда не обходит стороной ничьи семьи. Заболела Екатерина Викторовна в самом расцвете лет очень серьезным и неизлечимым заболеванием – инфекционным полиартритом. Врачи честно объяснили ей, что в данном случае есть два варианта дальнейшей жизни: лечиться симптоматически, то есть беречь себя, не прибегая к «тяжелой артиллерии» – сильнодействующим лекарственным препаратам. В этом случае больные живут долго, но чаще всего к старости бывают прикованы к постели и остаются пожизненными инвалидами. Второй вариант заключался в том, чтобы

жить обычной жизнью, как все, а свое спосное состояние обеспечивать постоянными дозами сильнодействующего лекарства – преднизолона. Однако этот способ борьбы с болезнью означал сокращение срока жизни. И отвели ей доктора всего-навсего 25 лет. А она – жизнелюбивый человек – решила, что уж за 25 лет все успеет, что этого времени на все хватит...

Екатерина Викторовна выбрала второй путь: решила поддерживать хорошее самочувствие лекарством и жить, ничем не ограничивая себя.

Таблетки всегда были при ней. Принимала она их по определенной схеме и, куда бы ни собиралась, если забывала преднизолон, то обязательно возвращалась за своей «лекарственной» сумочкой. Она понимала, что при такой болезни одни только лекарства ей не помогут, поэтому часто ездила в санатории и на курорты, лечилась в стационаре. Как жена депутата Вер-

ховного Совета и дважды Героя Социалистического Труда Екатерина Викторовна проходила курсы лечения и в кремлевской клинике. Помню, как мы с Михаилом Тимофеевичем навещали ее в «кремлевке», и Екатерина Викторовна, по характеру общительная и коммуни-кабельная, познакомила нас с маршалом Баграмяном, который лечился там в это же время.

Болезнь прогрессировала. Все чаще приходилось лежать в больницах. Порой не было сил передвигаться самой. Тяжелые физические страдания начали откладывать отпечаток на внешности. Екатерина Викторовна не хотела фотографироваться, реже общалась с друзьями. Все труднее становилось мириться с болезнью, с тем, как неумолимо время и страдания искажают черты некогда прекрасного лица. Она строго отбирала все фотографии, оставляя лишь те, где

С дочерьми Нелей и Наташей, внуками Игорем и Женей

выглядела привлекательной и милой.

Наступил момент, когда никакие лекарства не могли облегчить ее страдания. Ее направили в Москву, в клинику, где виднейшие специалисты в области медицины пытались найти причину резкого ухудшения здоровья. Мы провожали ее вместе с Виктором Михайловичем (сыном Калашникова), заезжая в спецвагон на носилках. Проводились самые разные диагностические исследования, вплоть до проверки изотопами в связи с подозрениями на злокачественную опухоль. Подозрения на рак не подтвердились, а смерть наступила от абсцесса головного мозга. Очевидно, под действием преднизолона ее организм потерял способность сопротивляться инфекции, которая поразила мозг.

Я помню последний Новый год при ее жизни, который мы встречали у Калашниковых дома. Она собрала всех своих друзей, очевидно, для прощания. Мне запомнились глаза, и были они словно не ее. Екатерина Викторовна заставила меня петь ей романсы. Я пел, а она плакала. Я прекращал пение, но она настойчиво просила меня продолжать. Я не мог не выполнить ее просьбу, но и петь плачущему человеку было нелегко. Эти моменты мне запомнились на всю жизнь. Весной она умерла.

Ушла Екатерина Викторовна в возрасте пятидесяти пяти лет. На похоронах было много друзей Михаила Тимофеевича, родственники, знакомые. Гроб на руках пронесли по центральной улице Ижевска, и огромная толпа людей провожала в последний путь верную спутницу конструктора. На ее могиле был установлен памятник из черного мрамора. Михаил Тимофеевич не мог даже предположить, что через несколько лет рядом с матерью будет похоронена его младшая дочь — Наташа.

Вдовцом Михаил Тимофеевич остался в пятьдесят семь лет, а Екатерина Викторовна запомнилась нам красивой, жизнерадостной и общитель-

Екатерина Викторовна. 1975 г.

ной, горячо любящей мужа, детей и внуков. Без них она не представляла своей жизни. К сожалению, не пришлось ей увидеть государственного и мирового признания Михаила Тимофеевича. Не дожила она и до материального благополучия семьи.

Дети

Виктор – единственный сын Михаила Тимофеевича. И хотя техническое образование получили дочери Лена и Наташа, но по стопам отца пошел только Виктор. Он стал последователем отца в создании стрелкового оружия. Поэтому у Калашникова-старшего есть вера в то, что дело его в надежных руках, а династия Калашниковых-оружейников будет жить долго.

До 15 лет Виктор и не слышал об Ижевском машиностроительном заводе. Не планировал стать оружейником, а мечтал строить самолеты. Но с удивительным упрямством судьба направляла его по другому пути. Как-

то однажды на вопрос, не жалеет ли Виктор, что не пришлось строить самолеты, ответил: «Жизнь сложилась так, как должна была сложиться».

Судьба не сразу привела Виктора Михайловича к оружейному делу. Был поиск, немало увлечений, иногда казалось: вот оно – то, что надо. Но...

В последние годы появилось много публикаций о Викторе Михайловиче. Часто ему задают вопрос: как он стал оружейником. Думают, что с детства был окружен конструкторами оружия и слышал только их разговоры. Это не так.

В 1941 году Михаил Тимофеевич после лечения в госпитале в связи с тяжелым ранением был отправлен долечиваться по месту жительства – на станцию Матай Талды-Курганской области Казахской ССР. А 16 июля 1942 года родился Виктор.

Его мать, Екатерина Даниловна Астахова, была уроженкой Алтайского края. В 1943 году Калашникова направили на работу в город Алма-Ату, где находился эвакуированный Московский авиационный институт, позднее – на Щуровский полигон под Москву. В Казахстан он больше не вернулся, и Виктор с матерью остались вдвоем. Естественно, никаких разговоров об оружии в детстве ему слышать не приходилось. Мать работала, Виктор учился, участвовал в занятиях драмкружка, играл в духовом оркестре. Пос-

**Астахова Екатерина
Даниловна – мать Виктора**

ле окончания школы мечтал поступить в авиационный институт и конструировать самолеты.

И вдруг в привычную, размеренную жизнь врывается горе. В декабре 1957 года мать погибает, попав под колеса маневрового поезда. Виктору было тогда 15 лет, родственников в Казахстане не было, и знакомые отправили телеграмму отцу. Так судьба делает первый поворот.

Привез его отец в Ижевск, в свою семью. У них с Екатериной Викторовной уже три дочери: Неля, Лена и Наташа. Виктору приходилось нелегко: горе недетское пережить и в новой семье определиться. С отцом особой близости так и не возникло: как начал к нему на Вы обращаться, так до сих пор эта дистанция осталась между ними, хотя Виктор перешагнул уже шестой десяток. Сложные отношения всегда были с Леной. А вот с Наташей дружили.

Жизнь не стоит на месте. Учился в 30-й школе, увлекся спортом. О работе отца имел смутное представление. В 1961 году после окончания средней школы поступал в Казанский авиационный институт, но не хватило одного балла. Подал документы в Ижевский механический. Так и стал студентом Ижевского механического института. Учился на машиностроительном факультете по специальности «Проектирование и производство стрелкового оружия». Это был второй поворот в судьбе.

После окончания института по распределению пошел в конструкторский отдел автозавода. Но, проработав там всего год, понял, что это не для него. В 1967 году после разговора с главным конструктором Ижевского машиностроительного был включен в состав группы, которая занималась разработкой опытных автоматов под новый 5,45-миллиметровый патрон и участвовала в конкурсе по созданию нового автомата. Так и стал оружейником. В 1974 году по итогам конкурса на вооружение был принят автомат АК-74. Всех участников конкурса отметили правительственными наградами. Калашников-старший стал дважды Героем Социалистического Труда, а Калашникову-младшему вручили орден «Знак Почета». С тех пор началась активная работа по созданию новых образцов оружия. В 1975 году совместно с М.Е. Драгуновым был разработан охотничий карабин СОК-308, позднее – несколько вариантов пулеметов с комбинированным питанием.

В 1980 году Виктор Михайлович защитил кандидатскую диссертацию по своей специальности. Вскоре после этого был объявлен конкурс по созданию автомата повышенной кучности. Конструктором Никоновым был разработан «Абакан», в настоящее время поставленный на вооружение нашей армии. Виктор Михайлович работает в этом направлении и предлагает ряд образцов автомата со сбалансированной автоматикой. Автомат АКБ занял на конкурсе второе место.

Но тут в жизнь вмешалась перестройка, и финансирование опытных работ было прекращено. Коллектив КБ начал разработку гражданского

оружия и специального – для МВД России. Совместно с А.Е. Драгуновым был разработан ряд образцов газового оружия. Газовый револьвер «Бизон» изготавливается на предприятиях городов Москвы и Амурска. Для Министерства внутренних дел была предложена целая серия пистолетов-пулеметов «Бизоп-2», один из которых приняли на вооружение органы внутренних дел. За свои разработки Виктор Михайлович получил 21 авторское свидетельство и 7 патентов.

В 1995 году Виктор Михайлович Калапников был избран членом-корреспондентом Инженерной академии Удмуртской Республики. В настоящее время КБ занимается разработкой импульсной установки пожаротушения на базе автомата АК, макет которой был представлен в Москве.

За время работы Виктору не один раз удалось побывать за границей. В Китай и Иран он ездил по приглашению с отцом, а на Филиппины, в Бразилию и другие государства, где демонстрировалось наше оружие, – по заданию Росвооружения в служебные командировки. В 2001 году он с супругой Любовью Яковлевной и Михаил Тимофеевич с Файрузой Узбековной вместе отдыхали на курорте в Анталье.

Если выдается свободное время, то Виктор отправляется на рыбалку или охоту. Охотиться предпочитает на некрупного зверя. Любит повозить-ся на даче.

Виктор Михайлович с женой Любовью Яковлевной и сыном Сашей

Дружная семья

У него дружная семья: двое сыновей, две невестки, внуки. С женой, Любовью Яковлевной, Виктор познакомился в 1964 году. В то время она училась на вечернем отделении механического института. Через год сыграли комсомольскую свадьбу. По распределению попала на Ижевский радиозавод, где и работала до ухода на пенсию.

В 1966 году у них родился сын Саша. После окончания школы он поступил в Ижевский механический институт на машиностроительный факультет по специальности «Проектирование стрелкового оружия». Окончив его, работал на «Ижмаше», но увлечение радиоэлектроникой взяло верх, и сейчас Александр – специалист по обслуживанию вычислительной техники. В 1988 году старший сын женился, его жена Марина работает бухгалтером. Дочь их – Сашенька – школьница.

В 1971 году родился второй сын, называли его в честь деда – Михаилом. После окончания школы он успешно учился в Ижевском техническом университете по специальности «Менеджмент и маркетинг» и создал, правда, вопреки воле деда, фирму «Калашников и К^о» по продаже охотничьего и пневматического оружия.

Как говорит сам Виктор, судьба дала все – любимую работу, хорошую семью, общение с интересными людьми, верных друзей.

В 2002 году Виктор Михайлович отметил 60-летие. Мы с Серафимой Павловной были приглашены на торжество, но по состоянию здоровья не могли там присутствовать.

Не так давно, весной 2003 года, Виктору Михайловичу Калашникову присвоено звание заслуженного изобретателя РФ.

Из дочерей Михаила Тимофеевича старшая – Неля. Это приемная дочь. Пожалуй, она больше всех может рассказать о Екатерине Викторовне и Михаиле Тимофеевиче, потому что помнит и жизнь на полигоне, когда размещались в маленькой комнатке, где могла уместиться только тумбочка и кровать, и то, что отец был всегда дома, словно в гостях, из-за постоянной занятости и командировок.

Неля очень похожа на Екатерину Викторовну: женственная, обаятельная, она приветлива и доброжелательна со всеми, замечательная мать и хозяйка. Да и сама Неля считает, что пошла в маму – домашняя. В детстве

Неля

мечтала стать врачом, поступила в медицинский институт, но не закончила его. Смерть матери – горькую утрату – переживала очень тяжело. Та была не только моральной ее опорой, помощницей в воспитании детей, но и выручала материально. Михаила Тимофеевича Неля часто навещает. Кроме того, в Ижевске у нее есть близкая подруга юности, с которой она до сих пор поддерживает хорошие отношения, и, бывая в городе, останавливается у нее.

В момент нашего знакомства с семьей Калашниковых Неля жила в Томске, где вышла замуж. Позднее вместе с мужем Владимиром они уехали в город Электросталь, где появились на свет две дочери – Женя и Саша. При жизни матери семья Нели часто гостила в Ижевске. Екатерина Викторовна очень любила внуков и зачастую всю заботу о них брала на себя.

Сейчас Неля живет в Москве. Младшая, Саша, – студентка. Старшая, Женя, с семьей живет в Колумбии, где теперь у Михаила Тимофеевича растет правнук.

Когда семья Калашниковых приехала в Ижевск, у них было уже две дочери. Лена родилась в подмосковной Коломне. Впервые я увидел Лену, когда она заканчивала среднюю школу. Поступив в Ижевский механический институт, она хорошо училась, успешно защитила диплом. Сейчас работает в фирме «Удмурттелеком». Ни внешне, ни по характеру Лена не похожа ни на мать, ни на отца. Поскольку Лена живет в Ижевске, то популярность отца, конечно, коснулась ее. К тому же она является руководителем фонда им. М.Т. Калашникова.

С тех пор, как юбилей Михаила Тимофеевича стали отмечаться широко, незадолго до празднования создается оргкомитет по организации юбилейных торжеств. Лена всегда входит в его состав. Помогает Михаилу

Тимофеевичу в подготовке торжеств, приеме высоких гостей, она же общается с российскими и зарубежными корреспондентами. Организаторские способности дочери ярче всего проявляются в решении многочисленных хозяйственных и бытовых проблем. Она неплохо владеет английским языком, а потому иногда сопровождает Михаила Тимофеевича в зарубежных поездках. Ездит за рубеж и самостоятельно. Но, признаться, частенько Лена пользуется фамилией и авторитетом отца в своих целях, и по этому поводу между ними случались продолжительные размолвки.

Со мной Лена всегда была в хороших отношениях, но тем непонятнее была для меня перемена с ее стороны. Как-то произошла одна история, связанная с публикациями о М.Т. Калашникове. Определенную роль в этом случае сыграла Лена. В 1999 году корреспондент «Комсомольской правды» Г. Сапожникова готовила серию статей для своей газеты. В это время активно шла работа над моей книгой «Калашников. Мой друг, каким его знаю...». Г. Сапожникова попросила о встрече со мной, беседовали о М.Т. Калашникове. Затем она встречалась с Леной, пробыв у нее не один час. Видимо, шла речь о моей книге и обо мне, потому что позже до меня дошли слова Лены о том, что Соколов – не тот человек, который может писать о Калашникове.

На издание книги к 80-летию Михаила Тимофеевича деньги были выделены правительством республики. К моему удивлению, Лена всячески старалась воспрепятствовать выходу книги в свет. Первоначально книгу предполагалось издавать в издательстве УдГУ. Но деньги отозвали, и договор был расторгнут. Нужно было искать средства. Ко мне обратилась редактор издательства «Акцент» Т.С. Невская. С ней мы и пришли на прием к депутату Ю.Д. Маслюкову по этому вопросу. Я был лично знаком с Юрием Дмитриевичем. (При разговоре присутствовал депутат Госдумы РФ Сапожников.) Между нами произошел такой диалог:

– Как относится к изданию книги Михаил Тимофеевич? – спросил Ю.Д. Маслюков.

– Это можно услышать от него самого, – ответил я и продиктовал номер телефона своего друга.

С Михаилом Тимофеевичем мы не раз обсуждали содержание моей книги. Ведь писалась она по его инициативе, причем не раз высказанной публично. Совершенно точно мне было известно, что М.Т. Калашников поддерживает меня и ждет выхода книги в свет так же как и я.

Маслюков набрал номер. На противоположном конце Михаил Тимофеевич поднял трубку. Ему был задан вопрос. М.Т. Калашников ответил примерно так: «Я работаю над своей книгой. Все опишу. Издавать книгу Соколову сейчас нет необходимости». Трубку у Калашниковахватила Лена. Ее речь сводилась к утверждению: «Я тоже против». Что-то было сказано о том, что отец такой великий, и не каждый достоин писать о нем.

Я все слышал... Разумеется, сказать, что я был шокирован или расстроен, это ничего не сказать. Вечером этого же дня у меня с Михаилом Тимофеевичем состоялся не очень приятный разговор.

А в газете «Комсомольская правда» от 12 ноября 1999 года была опубликована статья «О том, как поссорился Михаил Тимофеевич с Валентином Владимировичем». В ней от имени Лены есть такие слова: «...это уровень плохого школьного сочинения». А от имени корреспондента Сапожниковой есть ирония по поводу моей слепоты, теперь уже полной, по поводу того, что я горжусь дружбой с Михаилом Тимофеевичем. Только я не понимаю, что зазорного в том или другом. Почему, например, нельзя гордиться дружбой с каким-то человеком? А за 40 лет дружбы с Калашниковым я ни разу не слышал от него, чтобы он сказал: «Я великий».

В дни празднования 80-летнего юбилея в Ижевске было немало журналистов. Газета «Комсомольская правда» опубликовала статью «Любимые женщины Калашникова». Для тех, кто знает семью Михаила Тимофеевича, было странно, что среди близких ему женщин, кроме дочерей, не были упомянуты даже имена его сестер. Ничего не было сказано о жене Виктора, о правнучке – самой маленькой.

Скорее всего, с корреспондентом беседовала Лена, которая в семье Калашниковых контролирует все, что касается информации об отце, о родственниках. Лена составляет списки тех, кто будет приглашен на юбилей отца, разумеется, на свое усмотрение. Она решает, что, где и как опубликовать; кто и когда может прийти в дом Калашникова.

Лена умеет преподнести себя, ей многое дано природой и известностью отца. Она любит находиться в центре внимания, выслушивать комплименты и получать подарки. Впрочем, какая из женщин этого не любит?

Чаще всего с Леной мы виделись у Михаила Тимофеевича дома и на даче, когда собирались его друзья. Рыбалку Лена не любит, а вот за грибами с нами ездила. Накануне ее свадьбы с Владиславом Красновским удачно прошла медвежья охота, и, естественно, медвежатина была на столе одним из экзотических угощений. Но судьба свела молодых ненадолго. Владислав сейчас живет в Париже. Лена никуда из Ижевска не уезжала. После рождения сына в 1972 году она жила с родителями. Забота о ребенке легла не столько на плечи Лены, которая не оставила работу, сколько на бабушку Екатерину Викторовну. Летом мальчик чаще всего был на даче у деда и бабушки, ездил с Михаилом Тимофеевичем за грибами. Рос Игорь добрым, общительным мальчиком, с покладистым характером. Бабушка и дедушка были очень привязаны к нему, искренняя любовь и привязанность к внуку сохраняются у Михаила Тимофеевича до сих пор. Игорь и сейчас живет с дедом. После организации фонда им. М.Т. Калашникова, руководителем которого является Лена, Игорь стал непосредственным помощником матери. В его руках финансовые дела фонда. Когда решился вопрос о строительстве новой дачи для Калашникова, внук взял на себя обязанно-

сти прораба и неплохо справился с ними. Иногда сопровождает деда в зарубежных поездках. Вместе они выезжали в Америку, Германию, побывали во Франции.

В любой семье, сколько бы ни было детей, каждый занимает свою нишу. Так и у Калашниковых. И все же речь о младшей дочери Наташе – это отдельный рассказ уже потому, что ее нет в живых.

Младшая в семье, небольшого росточка – метр пятьдесят четыре, тоненькая, нежная, хрупкая. «Дочь моя Наташа, милый мой ребенок. Балериной стала сразу из пеленок», – сочинил когда-то про нее шутивную эпиграмму Михаил Тимофеевич. У Наташи с детства была мечта стать балериной. Училась в Перми в балетной школе. Говорят, что причиной ухода из училища стали обмороки. И хотя мечта не сбылась, даже после окончания механического института девушка продолжала думать о танцах. И добилась своей цели: Наташу Калашникову приняли в танцевальный коллектив. Она танцевала самозабвенно, много репетировала. Ездил с коллективом на гастроли по республике и в другие области. Нам нравились концерты с участием ее танцевального коллектива, и мы всегда искренне радовались ее успехам. Но танцы все-таки пришлось бросить. Наташа устроилась на работу в патентный отдел Ижевского механического института. И лишь потом мы догадались, что Наташе, живой, романтической и творческой натуре, наверное, скучно было там работать. Но она никогда не жаловалась.

Наташа Калашникова

После смерти матери жила с отцом. У нее была своя небольшая комната, и это ее вполне устраивало. Хочется подчеркнуть еще раз, что Наташа была неприхотлива и нетребовательна. Никогда не донимала отца пустыми капризами, не просила денег даже на одежду и женские безделушки, ведь в былые времена семья Калашниковых жила скромно. Из ближайших родственников она предпочитала общаться с семьей брата Виктора. Дружила с его женой Любой.

Мы с Серафимой Павловной очень любили Наташу, и она была к нам привязана. Частенько прибегала посекретничать к Серафиме Павловне. Делилась с ней девичьими впечатлениями и тревогами, доверяла романтические тайны.

Личная жизнь как-то не складывалась. Хотя влюбленных поклонников было достаточно. Время шло, друзья и подруги устраивали свою жизнь: женились, выходили замуж. А Наташины романтические истории так и оставались незаконченными. Быть может, поэтому и решилась она на операцию...

Тот день остался в памяти навсегда. Наташа прибежала пошутничать с Серафимой Павловной. На этот раз проблема была серьезной: делать или нет косметическую операцию. Многие отговаривали Наташу. Она была очень симпатичной и обаятельной девушкой. Однако, несмотря на внешнюю хрупкость, младшая дочь Михаила Тимофеевича имела, как и отец, сильный характер – не металлический стержень, а стебелек, но он многого стоил. Переубедив всех и настояв на своем, она получила направление Министерства здравоохранения республики в лучшую московскую косметическую клинику и собралась лететь в столицу.

Но судьба словно предостерегала ее, всеми силами сопротивляясь Наташиным замыслам. В день отправления в Москву – нелетная погода. Рейсы отменяли дважды, и дважды Наташа возвращалась из аэропорта домой. Наконец она решила ехать в Москву поездом и в третий раз отправилась в кассы аэропорта, на этот раз для того, чтобы сдать билет. За компанию с ней поехал племянник Игорь.

В семье Калашниковых было заведено: если кто-то уезжает, перед выходом из дома надо обязательно присесть на дорожку. Два дня приса-

Наташа была любимцей

живались, а на третий Наташа с ходу открыла дверь, и они с Игорем быстро спустились вниз. Все было как-то не так в тот раз...

Билет сдали и той же машиной возвращались в Ижевск. Дорога была покрыта льдом. Автомобиль, в котором они ехали, на полной скорости несясь под гору... Вылетев на шоссе, водитель уже не смог ничего сделать: они мчались наперерез тяжелой грузовой машине. Наташа сидела именно с той стороны, куда пришелся страшный удар.

Говорят: слушайся голоса судьбы. Но знать бы, что это именно тот голос... Не пострадали ни водитель такси, ни Игорь: только Наташа, которая так рвалась в Москву, хотя многие отговаривали ее.

После столкновения машин жизнь еще теплилась в теле девушки. Возможно, был шанс на спасение. Но тут в ее судьбу вмешались люди. Хотя – нет, они как раз не вмешались, они равнодушно позволили ей умереть.

В первой больнице – поликлинике «Ижмаша», – куда Наташу привезли на попутной машине, врачи даже не взглянули на пострадавшую. Довольно грубо было отказано в помощи. И умирающую девушку повезли в дежурную больницу на другой конец города. Пульс в это время еще слабо прослушивался, но в дороге уходили бесценные минуты, вместе с ними – надежда на спасение. В дежурной больнице коротко сказали: «Везите в морг»...

Игорь вернулся домой. Его не взяли в машину, на которой увезли умирающую Наташу. Деду он сказал, что произошла авария. Скорее всего, мальчик просто не смог объяснить Михаилу Тимофеевичу, что случилось

К младшей дочери Михаил Тимофеевич относился по-особому

на самом деле. Он видел, как незнакомые люди поместили Наташу в автомобиль, и тот уехал. В какую больницу увезли Наташу, Игорь не знал.

Михаил Тимофеевич начал обзванивать городские клиники. Все безрезультатно. В больницу «Ижмаша» звонил дважды. И дважды обезумевшему от отчаяния и неизвестности отцу в грубой форме отвечали, что пострадавшая Калашникова не поступала. Ответы приемных других больниц были столь же неутешительны.

Где же искать дочь? Куда обращаться?

Он позвонил одному из близких друзей – Николаю Ивановичу Неверову, генералу КГБ. Тот дал номер телефона дежурного по Министерству внутренних дел. И чужой равнодушный голос сообщил Михаилу Тимофеевичу, что в сводках МВД есть сообщение о том, что в городской морг доставлен один неопознанный труп. «Неопознанный труп, – сказали и добавили: – То ли мальчика, то ли девочки».

Михаил Тимофеевич немедленно поехал в морг. С ним были сын Виктор и Н.И. Неверов. До последнего мгновения никто не верил в случившееся несчастье.

«Неопознанный труп то ли мальчика, то ли девочки...» Не может быть, что это его Наташа – его маленькая, хрупкая и жизнелюбивая Наташа. На руке под браслетом записка: «Неопознанный труп 15–17 лет».

...Похоронили Наташу рядом с могилкой мамы. Две утраты – одна за другой. Два самых близких и любимых человека. Когда умерла Екатерина Викторовна, что-то надломилось в семье. Теперь не стало Наташи – снова пустота в душах тех, кто ее любил.

После гибели дочери – 13 ноября 1983 года – по-другому стали встречать дни рождения Михаила Тимофеевича. День 10 ноября теперь навсегда окрашен в цвета траура...

На берегу заводского пруда, за городом, в небольшом дачном поселке Калашников поселяется каждый год. Сам выросший в лесных краях, Михаил Тимофеевич любит лес. И довольно часто с охоты или рыбалки привозит небольшие саженцы. Увидит одинокое деревце, кустик, бережно выкопает и переселяет на свой участок.

Так, однажды попалась на глаза удивительно стройная невысокая березка. Посадил Михаил Тимофеевич ее у самой калитки. Имя дал – Наташа. словно почувствовало деревце любовь и внимание – через три года березка стала высокой и стройной. В жаркие и сухие дни специально приезжал поливать ее.

Как-то весной Михаил Тимофеевич с внуком приехали на дачу. Машина остановилась у калитки, глядь, а березки-то нет. Где Наташа?! Чья-то безжалостная рука срубила деревце под корень. Игорь подошел к оставшемуся пенечку, потрогал его: «Смотри, деда... Сок так сильно течет, наверное, ее только что срубили».

– Это не березовый сок, это слезы. Наташины слезы. И мои...

Файруза Узбековна Бурганова

Познакомились они в поездке по рекам Каме и Волге, когда теплоход «Виктор Халзунов» медленно шел от города к городу. (Об этом замечательном путешествии я расскажу позже.) На одной из зеленых стоянок у нас проходил праздник Нептуна. Веселье увлекло всех, и у Михаила Тимофеевича было прекрасное настроение – на какое-то время заботы и проблемы отошли на второй план. Среди нас была молодая, жизнерадостная женщина по имени Файруза, а по-русски – Фая. Чем-то она привлекла внимание Михаила Тимофеевича. Файруза была удивлена, когда узнала, что простой и общительный человек и есть знаменитый на весь мир конструктор. Разговорились. Возможно, что впервые за многие годы в душе Михаила Тимофеевича зажегся огонек, и Фая не осталась равнодушной к новому знакомому.

По возвращении в Ижевск знакомство не оборвалось, а переросло в крепкую дружбу. Они часто бывали вдвоем. Ходили на рынок за фруктами, гуляли по городу, вместе путешествовали. Мы с Серафимой Павловной радовались этому общению, потому что после смерти Екатерины Викторовны Михаил Тимофеевич впервые по-настоящему заинтересовался женщиной, к тому же привлекательной и жизнерадостной.

И теперь Файруза Узбековна занимает немалое место в жизни Михаила Тимофеевича. Только ей он позволяет собирать и провожать себя в дорогу, она встречает его из поездок, содержит квартиру в порядке, готовит что-то вкусненькое. На наш взгляд, Михаил Тимофеевич стал даже чаще улыбаться.

Но довольно длительное время он прятал от всех нас свою подругу. Если мы где-то собирались, то он приходил без нее. Не поддерживал разговоры на эту тему. Но мы с Серафимой Павловной решились поговорить с ним об этом и предложили приходить к нам вместе с Фаей. Так постепенно и она вошла в нашу компанию. Потом мы уже и праздники вместе справляли, и различные поездки совершали вместе.

Файруза Узбековна в течение 20 лет является для Михаила Тимофеевича другом, советчиком, единственной, по-настоящему нужной ему женщиной. К сожалению, непросто складываются ее отношения с членами семьи Михаила Тимофеевича, и особенно с Леной, но для него Фая – светлый лучик в его напряженной жизни.

Первая встреча

Думаю, что пришло время рассказать о том, как мы познакомились с Михаилом Тимофеевичем, как начиналась наша дружба. Курьезные приключения, интересные случаи, душевные беседы – это нескончаемая история. Конечно, я опишу лишь небольшую часть. Но знаю точно, что кроме меня об этом некому написать. Многих близких друзей уже нет в живых, а настоящих друзей бывает немного...

Еще учась в аспирантуре после окончания Московского зоотехнического института коневодства, я довольно долгое время работал в колхозе «Двигатель» Воткинского района. Там я проводил исследования и руководил опорным пунктом ИжСХИ. В 1961 году меня назначили заместителем министра сельского хозяйства Удмуртской Республики по животноводству. Пришлось переезжать в Ижевск.

Я покидал замечательные места не без сожаления. Может быть, потому, что я по-настоящему пристрастился к охоте. Уезжая в Ижевск, не смог оставить своего верного друга – собаку Ингу породы лянг-харт. Когда-то я привез ее из Москвы, она обладала прекрасным чутьем, была хорошо поставлена на водоплавающую, болотную и боровую дичь. На республиканских выставках охотничьих собак неизменно получала высокие оценки.

Видимо, равнодушный к охоте Михаил Тимофеевич Калашников прослышал обо мне и моей Инге от охотников и знатоков охотничьих собак и попросил, чтобы нас познакомили, тем более, что у Михаила Тимофеевича был охотничий пес Гаяр породы драт-харт, вот он и решил показать мне как специалисту своего легавого.

В те времена Калашников жил в обыкновенном, но очень просторном деревянном доме, при котором были гараж, небольшой участок под огород и садик фруктовых деревьев. Мне показали дом: все просто и скромно. Кстати, этот дом и сейчас стоит на том же месте, совсем рядом со строящимся музеем Калашникова.

Пса Гаяра я осмотрел очень внимательно и понял, что для охоты он, к сожалению, не годится. Никто с ним серьезно не занимался, а время для обучения уже упущено. Пес был в возрасте и потерял охотничьи задатки. Свое мнение от Михаила Тимофеевича я скрывать не стал.

Эта встреча с Калашниковым произошла в 1964 году. Я отчетливо помню тот день, большой деревянный дом, у дверей которого меня встретили невысокий энергичный хозяин и его жизнерадостный пес Гаяр. Михаил Тимофеевич как-то сразу покорила меня своим жизнелюбием и обаянием. Я ведь знал, с кем мне предстоит знакомство. Знал, что Калашников «за-секречен и закрыт» не только для внешнего мира, но и для большинства жителей Ижевска. Его очень уважали в верхах, к тому времени Калашников был уже Героем Социалистического Труда, и это свидетельствовало о том, что государство по достоинству ценит труд конструктора.

Михаил Тимофеевич Калашников понравился мне с первой встречи своей простотой. Он был легок в общении, ничуть не кичился своими заслугами. Я узнал, что он любитель охоты и рыбалки, не может жить без этого. Конечно, этим он меня покориł сразу. Именно общее увлечение – охота и рыбалка – стало одной из главных основ нашей будущей дружбы.

Михаил Тимофеевич познакомил меня с женой Екатериной Викторовной. В это время у них уже было три дочери – Неля, Лена, Наташа и сын Виктор. Виктор был студентом механического института, Лена и Наташа учились в школе, старшая – Неля – жила с мужем в Томске.

Прощаясь с Михаилом Тимофеевичем после первой встречи, я пригласил его порыбачить. Он принял мое приглашение. И в ближайшее воскресенье мы выехали на пруд деревни Бугрыш, расположенной на территории опытно-производственного хозяйства «Уромское». С нами были жены: Серафима Павловна и Екатерина Викторовна. Поскольку ехали с ночлегом, то поставили палатки. Наловили немного карасей. Эта поездка позволила нам ближе познакомиться с Михаилом Тимофеевичем и его женой. Я понял, что и знаменитым людям не чужды человеческие увлечения, а главное, мне пришлось по душе, что Калашниковы – очень простые люди без намека на высокомерие. Очевидно, мой характер тоже понравился Михаилу Тимофеевичу, потому что постепенно знакомство перерастало в дружбу, мы стали чаще встречаться, сдружились семьями.

Команда молодости нашей

Сдружившись с Михаилом Тимофеевичем, мы с Серафимой Павловной, конечно, попали в семейное окружение. Это были друзья, с которыми его связывала общая работа. С некоторыми из них он был знаком еще по работе на полигоне в Подмосковье. Среди самых близких были инженер-полковник Степан Яковлевич Сушицкий с женой Анастасией Васильевной, инженер-подполковник Павел Иванович Парапичев с Александрой Васильевной, инженер-подполковник Семен Наумович Фурман с Тамарой Дмитриевной. Коллегами Калашникова были люди неординарные, поэтому уделю им отдельное внимание. К этому времени у Михаила Тимофеевича сложились дружеские отношения и с сослуживцами в Ижевске.

Степан Яковлевич Сушицкий – статный красавец-мужчина с голубыми глазами и открытым взглядом. Он был из тех, о ком говорят: светлая голова. Сушицкий занимал должность районного инженера Министерства обороны. Фактически это означало, что Степан Яковлевич был руководителем всех военных представительств уральских оружейных заводов, выпускающих стрелковое оружие. Образованность, эрудиция, тактичность, вы-

держанность и в то же время – сильный характер и непримиримая принципиальность отличали Степана Яковлевича. Он неплохо владел английским языком, играл на музыкальных инструментах. Можно сказать, что С.Я. Сухицкий стоял на страже качества образцов оружия, изготавливаемых для армии. Поэтому не всегда его позиция как заказчика совпадала с мнением изготовителей оружия. Михаил Тимофеевич по этому поводу сочинил: «Ты порой завод корежишь, как тебя радикулит...»

Когда в Министерстве обороны было принято решение о производстве АК-47 в Ижевске, то вместе с конструктором автомата на Ижевский машиностроительный завод приехали сильные специалисты в области стрелкового оружия, имеющие инженерную подготовку, энтузиасты этого дела С.Я. Сухицкий и Л.С. Войнаровский. Сроки были определены сжатые. Автомат Калашникова ждали в армии. Степану Яковлевичу в то время приходилось работать по 16–18 часов в сутки. Самоотверженный труд всех специалистов и тех, кто отвечал за организацию производства, позволил выполнить заказ в назначенные сроки: АК-47 был поставлен на поток.

В дружной семье Сухицких выросли дочери Люся и Светлана, сын Владимир. Уже давно повзрослевшие дети живут в Ижевске.

Степан Яковлевич и Анастасия Васильевна Сухицкие

Павел Иванович Параничев – руководитель военной приемки на «Ижмаше» и правая рука С.Я. Сухицкого. Окончив инженерно-артиллерийскую академию им. Дзержинского, Павел Иванович считался авторитетным профессионалом в своей области. Это был интеллигент в самом высоком смысле этого слова.

У Параничевых было два сына, один из которых – Владимир – учился в Ижевском механическом институте вместе с Виктором Калашниковым – сыном Михаила Тимофеевича. Впоследствии Владимир Павлович остался работать на том же заводе, где и отец. Он занимался приемкой военных изделий, но со стрелковым оружием это не было связано.

Семен Наумович Фурман был очень уважаем коллегами, которые всегда прислушивались к мнению этого человека в обсуждении профессиональных проблем. Неоднократно Семена Наумовича отмечали правительственными наградами за различные конструкторские разработки. Его изделия часто отправлялись на выставки союзного значения, где награждались дипломами и грамотами. У Фурманов было двое детей: Юра и Марина. У Марины растет сын Семен, названный так в честь деда.

Калашниковы, Сухицкие, Параничевы, Фурманы и Соколовы – это была наша крепкая и дружная компания. Вместе мы отмечали праздники и дни рождения. Конечно, особенно хочется отметить роль Екатерины Викторовны. Она была душой нашей компании, организатором праздников. У нас даже список существовал, в который записывалось какой праздник в чьей семье мы справляем. Что примечательно: застолья никогда не превращались в банальные пирушки, хотя ассортимент вин и закусок всегда отличался большим разнообразием. Изюминка была в другом: веселых беседах, оригинальных тостах, песнях, музыке. Михаил Тимофеевич не играл на музыкальных инструментах, но всегда с удовольствием пел сам, а также любил слушать и романсы под гитару, и музыкальные дуэты – гитару с мандолиной. Это были замечательные времена.

**Павел Иванович
Параничев**

**Александра Васильевна
Параничева**

Семен Наумович Фурман

**Тамара Дмитриевна
Фурман**

Происходили на этих встречах и события, запомнившиеся надолго. Однажды, во время встречи Нового года, Михаил Тимофеевич почувствовал себя плохо. Оказалось, это приступ почечно-каменной болезни. Можно себе представить, какую он испытывал боль, но праздника никому не испортил. А наутро, когда камень «похоронили», мы продолжили встречу уже наступившего нового года.

Остался в памяти еще один Новый год. В ту зиму морозы в Удмуртии достигали 48 градусов, собраться было не просто, а раздеться в нашей квартире, где и в более теплые зимние дни веяло прохладой, совсем невозможно. Поэтому за прекрасно сервированным новогодним столом все сидели в шубах и валенках, но, как всегда, веселые и счастливые.

Не стало Екатерины Викторовны, и в нашей компании что-то словно надломилось, встречи происходили все реже. Отношения были уже не те. Начали болеть друзья. Теперь мы с Серафимой Павловной все чаще стали видеть их, посещая в больницах. Не знаю, почему, но Михаил Тимофеевич не навещал друзей, когда те болели. Может быть, ему было тягостно видеть их в таком состоянии, может, были другие причины. Теперь мы встречались на похоронах, когда друзья стали умирать один за другим. Из жизни уходили самые близкие: Сухицкие, Фурманы. Параничева Александра Васильевна уже два года не встает с постели, муж ее умер. Эти люди были верными друзьями и преданными помощниками Калашникова.

Хочется рассказать еще об одном человеке, который часто бывал в нашей компании, хотя и жил далеко от Ижевска – в Москве. Сре-

ди друзей Михаила Тимофеевича полковник Владимир Сергеевич Дейкин занимал особое место. Он был главным специалистом Министерства обороны СССР по стрелковому оружию. Авторитет и должность В.С. Дейкина были таковы, что он являлся важным определяющим звеном в том, какое оружие будет принято на вооружение нашей армией. Его голос был определяющим при оценке образцов оружия.

Калашниковы и Соколовы. 1975 г.

Владимир Сергеевич видел в Калашникове выдающегося конструктора и был убежден, что лидирующему положению и успехам Калашникова необходимо помогать. Возможно, если бы не особое отношение Дейкина к Калашникову, то его конструкторская карьера не была бы такой успешной.

В.С. Дейкин часто приезжал в Ижевск по вопросам военных заказов стрелкового оружия, ночевал у Калашниковых. Вместе мы не раз ездили на охоту и рыбалку. Владимир Сергеевич отличался очень доброжелательным характером. Это был «легкий человек». Эти качества плюс остроумие привлекали к нему людей. В его компании было легко и приятно.

Дейкины и Калашниковы дружили семьями, и Михаил Тимофеевич, приезжая в Москву, нередко бывал у них в гостях. Размолвка в их отношениях произошла, когда Владимир Сергеевич серьезно заболел – случился инфаркт. А Михаил Тимофеевич, будучи в Москве, почему-то не навестил своего друга, соратника и помощника в делах, объяснив тем, что не захотел его расстраивать. Владимир Сергеевич больше не поднялся. А после смерти В.С. Дейкина его родственники обиделись на Михаила Тимофеевича за то, что он не приехал проводить друга в последний путь. Так дружба Калашникова с семьей Дейкиных прекратилась.

Среди близкого окружения Михаила Тимофеевича хочется вспомнить и Александра Андреевича Малимона. Еще на подмосковном полигоне он придирчиво испытывал первые образцы АК-47, а в Ижевске занимался контролем опытно-конструкторских работ по изделиям Калашникова. От его заключения об испытанных образцах многое зависело – А.А. Малимон давал им путевку в жизнь. Небольшим тиражом в свет вышла его книга «Автоматы».

Позднее к нашей компании присоединялись еще друзья Михаила Тимофеевича, в основном это были военные специалисты. Так, в ближайшем окружении Калашникова появился председатель Комитета государственной безопасности Удмуртии генерал-майор Николай Иванович Неверов. Он был грубоват, мог и крепкое словцо вернуть, но очень любил охоту, рыбалку и, кроме того, был соседом Михаила Тимофеевича по даче. Именно на этой почве они и подружились. На природе Николай Иванович мог быстро смастерить шалаш, столик, организовать пикник. С Неверовым мы вместе отдыхали на теплоходе в поездке до Астрахани и обратно. Он активно способствовал присвоению М.Т. Калашникову звания генерала. А когда случилась трагедия – погибла младшая дочь Наташа, – Николай Иванович был рядом с Калашниковым. Н.И. Неверов ушел из жизни несколько лет назад.

Иногда в компании бывал полковник Анатолий Федорович Ракетский с супругой. Он был профессиональным военным. А его любовь к военной форме порой становилась причиной наших беззлобных шуток. Когда мы с ним познакомились, он был в отставке, но все равно везде появлялся только в форме. Их с женой уже нет в живых.

Интересна биография Анатолия Федоровича: солдатом служил в Смольном и охранял В.И. Ленина. А когда-то в городе Глазове принимал участие в процедуре приема в члены КПСС маршала К.К. Рокоссовского. Когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю.В. Андропов, Анатолий Федорович был приглашен к нему на встречу как член КПСС с полувековым стажем. На память о встрече у него остался именной подарок – часы. Об этом нам рассказывал сам Ракетский, причем умел это делать очень интересно.

В 1972 году на пост районного инженера назначают полковника Н.Н. Шкляева. Его предшественник – С.Я. Сухицкий – был выпускником инженерной академии им. Дзержинского; Николай Николаевич технического образования не имел. В настоящее время он является референтом Калашникова и, конечно, их общение стало постоянным. Н.Н. Шкляев исполнитель, выдержан, немногословен. М.Т. Калашников доверил ему ведение и систематизацию всего архивного дела по подготовке к передаче материалов в музей Калашникова. Фактически Николай Николаевич – правая рука Михаила Тимофеевича, при необходимости отвечает на письма, помогает готовить тексты выступлений и т.п.

В домашней обстановке

Давно уже стал прадедушкой

Михаил Тимофеевич с дочерью Леной и внуком Игорем

Игорь часто сопровождает деда

Михаил Тимофеевич
и Файруза Узбековна

Оружие в добрых и сильных руках

А.Н. Ульянов и М.Т. Калашников в гостях у Соколовых

Многие требуют внимания. А.Н. Ульянов в своей стихии

Как и Калашников, он страстно любит охоту и рыбалку. Стал полноправным членом нашей охотничьей команды. Жена, Татьяна Борисовна, провожает его на охоту всегда с полной сумкой продуктов, обязательно готовит вкусные пирожки. Николай Николаевич хорошо стреляет, поэтому его ставят на номер, где особенно велика вероятность встречи со зверем. Промазывает он редко, и ездить с ним на охоту бывает интересно. Однако Михаилу Тимофеевичу не раз приходилось выражать недовольство по поводу того, что его «правая рука» может позволить себе лишнюю рюмку.

Когда был учрежден фонд им. М.Т. Калашникова, Николай Николаевич вошел в его руководящий состав.

У Михаила Тимофеевича есть еще близкие друзья за пределами Ижевска. Среди них хочется назвать двух докторов наук, профессоров Алексея Николаевича Ульянова из Краснодара и Амсара Хакимовича Фазульзянова из Казани. А.Н. Ульянов – земляк родителей Калашникова, он родился в станице Отрадной. Это крупный ученый с мировой известностью, создатель новых пород и типов сельскохозяйственных животных, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор книг и многих научных трудов. А.Н. Ульянову неоднократно присуждали высшие награды на выставках. В Краснодаре он известен не только как животновод, но и как селекционер-садовод. В его саду пятьдесят сортов винограда, много разных сортов других плодовых деревьев. Михаил Тимофеевич бывал у него на даче.

Алексей Николаевич еще и прекрасный специалист-кулинар, это он впервые угостил нас знаменитой асадой – блюдом из баранины, которое стало для Михаила Тимофеевича одним из самых любимых. Для его приготовления Калашников даже изобрел специальную вилку. Сделав лишь три образца таких вилок, одну из них он подарил Алексею Николаевичу, другую – мне. Алексей Николаевич с женой (уроженкой Ижевска) бывают в гостях у Михаила Тимофеевича дома и на даче. Приезжал Ульянов и на юбилей друга.

Амсар Хакимович Фазульзянов тоже желанный гость Калашникова. Будучи и сам очень радушным человеком, он с большим желанием приезжает пообщаться с Михаилом Тимофеевичем. Не раз Фазульзянов организовывал нам поездки в Татарию, в том числе и на охоту, где мы проводили незабываемые дни на природе в кругу интересных людей.

Михаил Тимофеевич, бывая в Казани, останавливался в гостеприимном доме Фазульзяновых. Купив в Москве «форд», вместе с Файрузой Узбековной и водителем Толей Перевошиковым они ехали через Казань. Там остановились у своего друга. Был Калашников приглашен и на 60-летний юбилей Амсара Хакимовича. А однажды Амсар Хакимович организовал для друга прогулку по Волге на катере президента Татарстана.

На даче Михаила Тимофеевича бывали часто

У нас с Михаилом Тимофеевичем было так заведено, что мои друзья становились его друзьями, а тех, кто бывал у него, он знакомил со мной. Это хорошее правило сохранилось на всю жизнь, и сейчас у нас много общих друзей.

Но иногда случались забавные ситуации. Я всегда много работал, занимал ответственные должности и, конечно, среди моих друзей и знакомых были люди известные. Как-то А.Х. Фазульзянов познакомил меня с директором ВНИОКа из Ставрополя, человеком, занимающим серьезную должность и положение. Вечером он был у нас в гостях. Я позвонил Михаилу Тимофеевичу Калашникову на работу, пригласил его прийти к нам. Серафима Павловна накрыла прекрасный стол. Поставила напитки. Гость знал, что скоро должен подойти знаменитый Калашников. Подразумевалось, что мы дождемся его и вместе сядем за стол. Возможно, гостю не терпелось отведать горячительные напитки, и он взялся активно поглощать их в одиночестве. А тут звонок в дверь, открываем – на пороге еще гость – председатель одного из местных колхозов. Гости наши знакомы не были, но общий язык нашли очень быстро. Пир за столом набирал обороты. Прошло совсем немного времени и гости, как говорится, «дошли до кондиции». Конечно, никакой Калашников им уже был не нужен. И такое между друзьями было взаимопонимание, что стали они обниматься и клясться в веч-

ной дружбе. В этот самый момент и пришел Михаил Тимофеевич. Что делать? Извинился я перед ним, Серафима Павловна пригласила его на кухню, покормила, и званый гость ушел. Вскоре откланялся и председатель колхоза, а вот с любителем напитков нам пришлось помучиться – возлияния не прошли бесследно.

Нельзя обойти вниманием еще одного человека, который работал возле М.Т. Калашникова многие годы своей жизни. В течение семнадцати лет Михаила Тимофеевича возил Анатолий Перевопиков. Был его помощником и по даче. Знал несколько моделей машин, умел их обслуживать. Долгое время служебной машиной Калашникова был «москвич», сейчас это «орбита». До Анатолия, только на моей памяти, у Михаила Тимофеевича было несколько водителей. Чаще всего они уходили из-за низкой заработной платы и отсутствия жилья. Толя задержался не случайно – болен той же болезнью, что и Михаил Тимофеевич, – охотой. Он был полноправным членом нашего охотничьего коллектива.

На Анатолия почему-то чаще всего выходил лось, но наш водитель – человек горячий, торопливый, и часто мог промазать, огорчая этим Михаила Тимофеевича, который за каждый очередной промах лишал горе-охотника оружия. Бывало и такое, что Толя иногда бросал свой номер без разрешения, а это связано с риском для других участников охоты. Хорошо, что Калашников – человек отходчивый, быстро прощал промахи и снова брал Толю на охоту.

К Толе я относился с уважением. Но иногда он бывал «провокатором». Проводя долгие часы в дороге на охоту или рыбалку, мы, конечно же, разговаривали на всевозможные темы. Михаил Тимофеевич сидел всегда впереди рядом с водителем и под шум мотора не всегда слышал, о чем мы говорим. Бывало, что в адрес Михаила Тимофеевича я отпускал какую-нибудь шутку. А Толя, прибавив от себя процентов на девяносто, «переводил» мои слова, при этом шутка приобретала иногда совершенно иной, порой обидный смысл. «Где мой пистолет, я его пристрелю», – с серьезным видом говорил Калашников. Конечно, он тоже шутил, но если бы не вмешательство Толи, его ответ не был бы таким резким.

Среди ближайших помощников Михаила Тимофеевича в его конструкторской деятельности были не только инженеры, конструкторы, но и люди других профессий. Евгений Богданов и Павел Бухарин – слесари, сотрудничество с которыми продолжалось долгие годы. От работы таких мастеров во многом зависит решение практических задач. Нелегко было им с Михаилом Тимофеевичем, поскольку он очень требователен и часенько выражал неудовлетворенность тем, что сделано. Но они терпели, выполняя то, чего он добивался, сотни раз переделывая образцы в стремлении к совершенству.

Евгений Богданов в составе официальной делегации «Ижмаша» ездил в Алтайский край на открытие бюста Михаила Тимофеевича. Павла

Бухарина я частенько встречал в доме Калашниковых. Да и Михаил Тимофеевич ездил иногда к нему на огород.

Рассказывали, что, работая с этими слесарями, Михаил Тимофеевич часто напевал одну и ту же песенку: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим автоматом не приходится тужить...» А когда человек поет? Если он занимается любимым делом, если он счастлив.

Путь к успеху — это труд

Талант, сильный духом

Создание нового образца оружия — это множество замыслов, проектов, расчетов, чертежей. Если бы я не знал достоверно, не поверил бы в то, что самое популярное в мире стрелковое оружие создано человеком, не имеющим специального или какого-то другого технического образования. Я уже рассказывал и о первом приборе, за который сам маршал Г.К. Жуков наградил молодого конструктора, и о первом образце автомата, который создавали в депо на станции Матай. Не буду повторяться, да и сам Михаил Тимофеевич повествует об этом в своих книгах, но считаю, что одного изобретательского таланта и одержимости было бы недостаточно, и М.Т. Калашников это прекрасно понимал. Знал он и то, что путь к намеченным высотам будет тернист, но отступить не в его характере.

Хочется рассказать о том, в какой борьбе происходило становление конструктора-самоучки, ценой каких усилий в этой борьбе он добивался успеха рядом с признанными корифеями-оружейниками и специалистами. Выдержать все это мог только сильный по духу, волевой и уверенный в своей правоте конструктор. Как правило, Михаила Тимофеевича считают сдержанным человеком с жестким характером. Не понаслышке знаю об этом и я. Но приходилось видеть друга и сомневающимся, и негодующим, в моменты, когда кажется, что неправ, что окружающие не понимают. Тупиковые ситуации случаются у всех нас, важно то, как мы из них выбираемся. Могу сказать одно: Калашников — боец и борец по натуре.

Вооружением армии занимаются не конструкторы. Решение о том, какое оружие дать в руки солдату, принимает ответственная организация, имя ей — Главное ракетно-артиллерийское управление (ГРАУ). Путь оружия от замыслов и чертежей до реального механизма в руках солдата очень

долог. Количество провалов знаменитого конструктора Калашникова лишь немногим меньше его побед, по крайней мере, в первой половине карьеры. Учиться приходилось на своих ошибках. А как известно, не ошибается тот, кто ничего не делает.

Неудачи не останавливали М.Т. Калашникова. После очередного фиаско он возвращался в свое КБ и искал другие пути, варианты или начинал все сначала. Доставалось и его помощникам.

Если бы образцы оружия М.Т. Калашникова при испытаниях шли с фамилией автора, перечислением его регалий и званий, то трудностей

М.Т. Калашников. 1976 г.

в постановке изделий на серийное производство было бы не счесть. Даже имея соответствующие титулы и звания, начинающий конструктор вряд ли смог бы сразу одержать безусловную победу, ведь путь к настоящему успеху не бывает легким. Но Калашников всегда упорно шел вперед, стремясь к поставленной цели. Можно назвать немало людей, которые, так или иначе, были поддержкой для Михаила Тимофеевича. Назову два имени, сыгравших в становлении конструктора важную роль: профессор, генерал-майор Анатолий Аркадьевич Благодоров и полковник Владимир Сергеевич Дейкин. А мудрое изречение: «Терпение и труд все перетрут» стало девизом М.Т. Калашникова.

Разговоры о том, что В.С. Дейкин предвзято относится к Калашникову в пользу его образцов, дошли до руководства. И перед очередными испытаниями стрелкового оружия Владимира Сергеевича вызвал к себе начальник ГРАУ. Дейкину было сказано, что если он еще раз допустит необъективную оценку в пользу Калашникова, то головы ему не сносить. Но несмотря даже на такие угрозы со стороны руководства, В.С. Дейкин вновь и вновь отдавал предпочтение изделиям Михаила Тимофеевича. И это скорее говорит об объективности, чем наоборот.

Сейчас, когда Калашников так знаменит, трудно представить, сколько волнений и переживаний выпало на его долю в те годы, когда решалась судьба того или иного образца. Сколько было споров у Михаила Тимофеевича с военными из Министерства обороны, когда решался вопрос перехода с калибра 7,62 на 5,45-миллиметровый патрон. Только после кропотливой и тщательной проработки всех деталей конструктор перешел на создание новой модели.

Не раз я слышал от Михаила Тимофеевича о том, что сделать «стрелялку» ума большого не надо, а вот создать совершенное универсальное оружие – дело архисложное. Оружие должно быть простым в обращении и безотказным в деле. Этого можно достичь, если каждая деталь автомата выполнена безукоризненно. Не всем нравилось, что оружие М.Т. Калашникова вытесняло и вытесняет конкурентов. Но время раз за разом подтверждало, что Мастер прав.

На стрельбах Калашникову приходилось слышать, как высокие начальники Министерства обороны хвалят образцы его конкурентов. Михаил Тимофеевич – человек очень самолюбивый, но всегда умеет принять критику, достойно ответить на нее и пережить обиды. Опускать руки не станет. Как-то возвратился он из Москвы серьезно озабоченный: на показательных стрельбах новых образцов стрелкового оружия генерал армии В.Ф. Толубко, испытывая автомат Константинова, передал его другому авторитетному военному начальнику и в присутствии Калашникова сказал: «Вот это вещь!» Этим он, казалось бы, заранее обозначил приоритеты. Но испытания в войсках не подтвердили преимущества автомата Константинова перед АК. В подобных ситуациях Михаилу Тимофеевичу приходилось бывать не раз, но пока его образцы выдерживают конкуренцию и испытаны временем. Сейчас именно его автомат служит надежным спутником солдат многих армий мира. И лучшего пока нет.

Время от времени звучат похвалы некоторым новым образцам. Сейчас на слуху «Абакан». Идут разговоры об автоматах, созданных в Туле и на Украине. Михаил Тимофеевич уже в годах, но не сдается – борьба продолжается.

Нельзя не сказать несколько слов о полигоне, который служил отправной точкой для новых изделий и изобретений не только Калашникова, но и других оружейников. Подмосковный полигон в Щурово был основан еще при царе, в 1906 году. Сюда с разбросанных по всей Российской империи оружейных заводов и опытных мастерских посылали для испытания образцы оружия. К концу Второй мировой войны полигон, некогда состоявший из пары стрельбищ в лесу, превратился в небольшой военный городок со своими мастерскими и конструкторским бюро, убежищами, жилыми домами для семей работников, гостиницей для посетителей высокого ранга и музеем, в котором хранилось множество опытных образцов и проектов, потерпевших неудачу на испытаниях. В этом же музее было немало образцов трофейного, иностранного оружия. Можно сказать, что музей являлся кладезем источника идей для оружейников.

Каждый, кто что-то представлял собой в советской оружейной индустрии, приезжал в Щурово – место, где можно было обменяться замыслами и идеями. Именно здесь многие образцы получали завершающие штрихи. На этом же полигоне были подразделения, которые занимались разработкой подсумков для патронов, амуниции, армейских рюкзаков и т.д.

В 1960 году полигон был закрыт. А оружейная коллекция переместилась в Ленинград (Санкт-Петербург) в Музей артиллерии, инженерных войск и связи. Там хранится 40 000 образцов оружия, в том числе варианты АК.

Чаще всего имя Калашникова связывают только со всемирно известными автоматами АК-47 и АКМ. Видимо, это связано с недостаточной информированностью. Стрелковое оружие, конструктором которого является Михаил Тимофеевич, представляет собой целый комплекс различных видов вооружения разного назначения, применяемых в армии. Калашников – автор ручных и танковых пулеметов, другого оружия. Его оружием оснащены не только сухопутные войска, но и морские соединения. Под руководством одного человека создан богатейший и многоконструктивный арсенал. Это достойно удивления и восхищения. А Михаил Тимофеевич очень благодарен коллективу своего конструкторского бюро за огромную работу и большую помощь в создании этого арсенала.

«Просто и надежно...»

«Просто и надежно – под таким девизом я работал всю жизнь. Если кто-то сделает проще и лучше моего, я первый пожму его руку». Это известная фраза М.Т. Калашникова подтверждена не раз. Для любого оружия единственное настоящее испытание – война. Сейчас слишком много по всему миру локальных войн, вооруженных столкновений. Поэтому вряд ли можно выделить роль оружия в каком-то отдельном конфликте.

В ноябре 2002 года в Ижевске состоялись торжества по случаю 55-летия знаменитого на весь мир АК-47.

На сегодняшний день автоматы Калашникова различных модификаций официально приняты на вооружение в 55 армиях мира. По сведениям различных источников, число стволов превышает 8 миллионов штук. Еще около 2 миллионов находится в руках различных военных формирований (в том числе и незаконных). Когда Советский Союз принял решение об участии своей армии в афганской войне, на вооружении был АК. Непростые климатические условия, особенности ведения боя в горной местности – все это явилось серьезным испытанием для автомата.

В этот период Михаила Тимофеевича часто вызывали на совещания в Москву, в Министерство обороны, где обсуждались вопросы эффективности того или иного оружия при ведении военных действий в сложных природных условиях Афганистана. Некоторые виды оружия приходилось модернизировать, приспособлять к местным условиям. Ясно, что давалась оценка и оружию М.Т. Калашникова, которое практически являлось основным в руках наших солдат.

В ходе анализа боевых действий афганской антитеррористической кампании 2002 года, а также операции «Буря в пустыне» технические специалисты НАТО обращают внимание командования на многочисленные сбои, отказы оружия и боевой техники стран НАТО. Вот некоторые данные, попавшие в британскую прессу: «...Многие боевые машины, используемые Североатлантическим альянсом, выходят из строя уже через несколько часов эксплуатации в условиях пустыни. Их двигатели просто не выдерживают жары и попадания в них песка и пыли».

Особую озабоченность у экспертов вызывает стрелковое оружие НАТО. Автоматические винтовки «Эс-Эй 80» не стреляют при малейшем попадании в их механизм песка, а американские штурмовые винтовки «...хорошо стреляют до первого перегрева». Именно поэтому американские военнослужащие, задействованные в операции в Афганистане, при первой возможности меняют свои М-16 на надежные и безотказные трофейные автоматы Калашникова.

Современные средства информации предоставляют нам возможность видеть то, что происходит в местах боевых действий. Сейчас мы можем сами наблюдать, в каких сложных климатических условиях армия Ирака противостояла вооруженным силам Североатлантического альянса, оснащенным электроникой и другим суперсовременным оружием. Конечно, против самолетов и тяжелой техники с автоматом воевать не просто. Но мы могли видеть песчаные бури, покрывающие мглой все вокруг. В таких условиях не каждый механизм сможет действовать. Я не оцениваю политическую ситуацию, сложившуюся вокруг Ирака, а лишь хочу подчеркнуть надежность АК, с которым воюют иракцы.

Но нельзя не сказать и того, что, видимо, значение стрелкового оружия в целом во время ведения боевых действий сильно изменилось. Этот факт доказывают последние события в Ираке: чуть ли не все население страны вооружено автоматами, но исход дела решают другие, более мощные и современные виды оружия, и в первую очередь, авиация, ракетная техника. Конечно, Вьетнамская, Афганская и многие другие локальные войны продемонстрировали непревзойденное качество оружия, созданного под руководством М.Т. Калашникова. Не случайно даже криминальные структуры, осуществляющие террористические и разбойные операции, отдают предпочтение автомату Калашникова как самому надежному оружию. Но, видимо, что-то меняется в мире. Технический прогресс – имя этим переменам.

Несколько лет назад произошла такая история. Удмуртский НИТИ получил от своего руководства задачу: изучить ряд стрелкового оружия различных иностранных государств и сделать вывод о преимуществах и недостатках перед аналогичными видами нашего российского оружия. Исследования провели, и в докладной записке было сказано, что у некоего

немецкого оружия есть преимущества перед АК. Михаил Тимофеевич каким-то образом узнал об этом, напросился в гости в институт. Была организована встреча с коллективом этого подразделения.

Конструктор предложил исследователям разобрать и собрать то оружие, которое отмечалось в заключении экспертной комиссии как имеющее преимущество. Кто-то вызвался, но не сразу, а потом еще и заминка произошла при сборке-разборке.

И тогда конструктор АК сказал примерно такие слова: «Мое изделие тем хорошо, что оно простое. В этом его надежность».

Автомат Г.Н. Никонова «Абакан»

Время от времени в прессе появляется информация о том, что в России создан новый автомат, который превосходит АК по поражаемости цели. Недавно с Украины прозвучало заявление, что создано оружие, превосходящее по характеристикам АК. Как правило, об этом я узнаю от Михаила Тимофеевича. Его возмущает не возможная конкуренция, а та поспешность, с которой делаются подобные заявления официальными лицами государства.

Завод «Ижмаш» принимал ответственную делегацию. Демонстрировались новые образцы, шла речь о новых проектах. Советника президента М.Д. Малюка пытались убедить в целесообразности серийного производства нового автомата «Абакан» конструктора Г.Н. Никонова с целью завоевания мирового рынка торговли оружием. После этого визита советник президента Б.Н. Ельцина предсказал большое будущее новому изобретению.

Михаил Тимофеевич, ознакомившись с докладной запиской Малюка, дал ответ, в котором выразил опасение в том, что новые образцы автомата рекламируются преждевременно. «Во всем мире, – писал М.Т. Калашников, – торгуют тем, что уже создано и проверено, а не тем, чего еще нет». Мнение Калашникова списывали на ревность автора АК к новому автомату. Пресса подхватила идею о создании более совершенного автомата «Абакан». Одному из авторов статьи, опубликованной в газете «Известия», Михаил Тимофеевич даже сгоряча отправил телеграмму, в которой поздравил того с «брехней на весь мир».

Попытки заменить АК другим оружием не прекращаются. В марте 2000 года в Ижевске побывал министр обороны России маршал Игорь Сергеев. Основная цель этой поездки состояла в том, чтобы определиться с размещением заказа министерства на оборонных предприятиях Удмуртии. На стрельбище Игорь Сергеев лично испытал «Абакан». По результатам поездки предприятия Ижевска и Воткинска получили правительственный заказ на производство военной техники, а «Ижмаш» – на серийный выпуск автомата Никонова. И. Сергеев отметил, что по техническим ха-

рактистике он в полтора раза превосходит АК. В настоящее время «Абакан» принят на вооружение армии. И хотя Михаил Тимофеевич по-прежнему считает, что с внедрением нового автомата спешить не следует, возможно, и пришло время «пожать руку» своему последователю.

А вот фрагмент интервью Г.Н. Никонова газете «Аргументы и факты».

— Геннадий Николаевич, как вы думаете, суждено ли АН-94 вытеснить в скором времени автомат Калашникова?

— Сложно делать прогнозы, особенно в наше время. В ближайшем будущем, наверное, нет. По своей специфике более сложного и дорогого оружия АН-94 пока будет предназначаться самым подготовленным, элитным боевым подразделениям.

Совсем недавно, в мае 2003 года, после продолжительной болезни ушел из жизни талантливый конструктор стрелкового оружия Г.Н. Никонов. Геннадий Николаевич мог бы еще многое сделать в области стрелкового оружия, и об этом говорят его достижения и заслуги. На счету конструктора 47 авторских свидетельств и патентов. Он являлся доктором технических наук, заслуженным изобретателем РФ, заслуженным изобретателем УР, лауреатом Государственной премии РФ. Имя этого русского оружейника прославило нашу страну.

Охотничье оружие

В последнее десятилетие спрос на автоматическое стрелковое оружие стал падать. Возможно, это связано с изменившейся расстановкой сил на международной арене. А может быть, рынок стрелкового оружия уже перенасыщен. Сейчас растет интерес к нарезному охотничьему.

С давних пор заводы Удмуртии производили охотничье оружие, совершенствуя и модернизируя его. Ижевский механический и «Ижмаш» славятся своими изделиями. На «Ижмаше» налажено производство нарезных ружей «Лось», «Барс», «Тигр». В конструкторском бюро М.Т. Калашникова на базе АК был создан охотничий карабин «Сайга», имеющий оптику и патронник на пять и десять патронов. Вскоре он занял свое почетное место в ряду охотничьего оружия. Стрельба из него ведется только по крупному зверю — медведю, лосю, кабану.

Михаил Тимофеевич продолжает поиск и ведет разработку новых образцов охотничьих карабинов с более высокой убийной силой и современным дизайном. По итогам 1997 года Союзом дизайнеров коллектив создателей охотничьего оружия «Ижмаша» был удостоен Государственной премии Российской Федерации. М.Т. Калашников, Н.А. Безбородов, Е.Ф. Драгунов (посмертно), А.И. Нестеров, Г.Н. Никонов, В.Д. Стронский, В.Ф. Суслонarov и В.В. Фарафомин, кроме изящной, под золото, статуэтки Виктории, получили премию в размере двадцати тысяч долларов.

В начале 2001 года Михаилу Тимофеевичу было присвоено звание «Легенда века». В Москве ему была вручена статуэтка позолоченного Пегаса весом около 8 кг.

А не так давно, на 30-й юбилейной выставке спортивного и охотничьего оружия, снаряжения и амуниции в Нюрнберге «IWA & OutdoorClassics-2003», концерн «Ижмаш» выставил сорок моделей спортивного и охотничьего оружия, несколько образцов пожей. Глава Российского агентства по обычным вооружениям Александр Ноздрачев сказал, что столица Удмуртии достойно показала себя в Германии.

Стенд нашего оружия вызвал большой интерес не только профессионалов в оружейном деле, но и рядовых потребителей. Чем же так привлекательны изделия наших мастеров-оружейников? Во-первых, это надежность: на стенде демонстрировался видеоролик, когда вывалянные в грязи карабины «Сайга» успешно поражали цели. Во-вторых, значительные эксплуатационные резервы, заложенные нашими конструкторами. Была у наших изделий еще одна особенность: оружие, созданное на базе АК и СВД, несло на себе отпечаток имен тех, кто их сконструировал – Михаила Тимофеевича Калашникова и Евгения Федоровича Драгунова. Определенное сходство есть у самозарядного охотничьего карабина «Тигр» со снайперской винтовкой, а в модельном ряду «Сайги» можно увидеть мотивы автомата Калашникова. Главный конструктор «Ижмаша» Н.А. Безбородов сообщил корреспондентам, что модельный ряд обновляется каждый год, появляются новые образцы.

Сейчас в столице Удмуртии готовятся к важному событию. В августе 2003 года в Ижевске пройдет очередной форум РОСТ-2003.

Мастера-оружейники

Оружейное дело на Руси всегда славилось своими мастерами. Конечно, наш знаменитый земляк – не единственный из них. Со многими конструкторами Михаил Тимофеевич тесно сотрудничал, поддерживал дружеские отношения.

Известный конструктор стрелкового оружия Ф.В. Токарев жил и работал в городе Туле. Дело в том, что первое оружие, которое я узнал на войне и с которым воевал, – это винтовка СВТ конструктора Токарева. С ней у Мавзолея Ленина долгое время стояли кремлевские солдаты. Винтовку эту ценят еще и за красоту исполнения. Михаил Тимофеевич был знаком с Токаревым и высоко ценил его деловые и профессиональные качества. Провожал его в последний путь. Вернувшись с похорон домой, он рассказывал о прощании с конструктором, о том, что, бросая в могилу горсть земли, подумал: «А кто же будет следующим?», имея в виду конструкторов-оружейников.

В 1997 году в Вятских Полянах широко отмечалось 100-летие со дня рождения оружейника Шпагина. Михаил Тимофеевич был приглашен и ездил на юбилей признанного, но не дожившего до этой даты конструктора. Все, кто воевал в Великую Отечественную, хорошо помнят его автомат. С ним воевал и я.

Нельзя не вспомнить нашу русскую трехлинейку. 14 апреля 1999 года исполнилось 150 лет со дня рождения С.И. Мосина – создателя знаменитой винтовки. В городе оружейников – Туле – прошли торжества в связи с этой датой. М.Т. Калашников ездил на юбилей, можно сказать, русской истории. В годы Великой Отечественной войны на Ижевском машиностроительном заводе было изготовлено более 11 миллионов этих винтовок. В сутки собиралось от 10 до 12 тысяч. Этого хватало на то, чтобы вооружить целую стрелковую дивизию. Винтовка капитана Мосина еще живет, а вместе с ней живет и память о талантливом русском конструкторе.

Михаил Тимофеевич высоко ценит заслуги всех, чьими трудами создавалась слава нашего Отечества – сильнейшей оружейной державы. Среди этих людей Иван Ефимович Семеновых – главный конструктор стрелкового оружия завода. Его труд не раз отмечен государством. Он – лауреат Государственной премии Совета Министров СССР. Был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени.

М.Т. Калашников у чертежной доски. 1947 г.

Рядом с М.Т. Калашниковым трудились и замечательные специалисты своего дела – лауреаты Ленинской премии А.Д. Крякушин, В.В. Крупин, Е.Ф. Драгунов; генеральный директор Ижевского машиностроительного завода дважды Герой Социалистического Труда И.Ф. Белобородов; конструкторы В.Н. Пушин, В.П. Кавер-Камзолов и другие. С каждым из этих людей я был знаком лично.

В прошлом В.В. Крупин занимал должность заместителя главного конструктора «Ижмаша», с Михаилом Тимофеевичем был связан по работе. Смерть В.В. Крупина была неожиданной и нелепой: он погиб от рук хулиганов, возвращаясь вечером домой. Для всех нас это была тяжелая потеря.

В.П. Кавер-Камзолов был еще и лауреатом Государственной премии. Жизнь этого человека интересна поворотами и изгибами судьбы. История XX века не раз испытывала его на выживаемость. Родился в 1914 году. Отец, П.И. Кавер, погиб в Гражданскую войну. Воспитывал его М.И. Камзолов. Отсюда и двойная фамилия – Кавер-Камзолов. Потом судьба забросила Валентина Петровича в Ижевск и связала его с Ижевским машиностроительным. В годы войны он активно участвовал в конструкторской работе по улучшению боевых характеристик оружия. После войны занимался еще и научной работой, был среди тех, кто проектировал ижевский автозавод. В военные и послевоенные годы совместно с Ф.Д. Устиновым и его заместителем В.Н. Новиковым решал важнейшие проблемы Ижевского машиностроительного, стоял у истоков мото- и автопроизводства Ижевска. В интересной и ответственной трудовой деятельности рядом с ним работали выдающиеся технологи производства и конструкторы: Дегтярев, Рябов, Козлов, Фишер, Калашников.

Все соратники Калашникова по работе были выдающимися людьми. И жизнь каждого из них может служить примером. Это те люди, которые вошли в историю российского государства и останутся в ней навечно. Помнят многие и талантливого гравера-оружейника, работающего на Ижевском механическом, Васева. Работы этого мастера находятся в экспозициях многих музеев мира.

Из жизни уходит целое поколение конструкторов-оружейников – настоящих Мастеров. На смену приходят молодые талантливые специалисты, которые в своей работе, несомненно, опираются на богатейший опыт российского оружейного дела.

Родная стихия

Если человеку дан талант конструктора, то он проявляется во всем. Михаил Тимофеевич и в обычной жизни смотрел на все конструктивным взглядом создателя. Меня всегда удивляло, что смекалку он проявлял в самых неожиданных случаях. И это доказывает, что М.Т. Калашников – конструктор от бога. По его рассказам, в детстве разбирал каждый попавшийся ему в руки механизм, чтобы проверить его содержимое. И всю жизнь он что-то изобретает, мастерит.

Однажды кто-то изрезал тент на его первом «газике», открыв дверцу машины. Калашников, конечно, был очень огорчен тем, что машина закрывается ненадежно и в нее может попасть кто угодно. Никому не говоря ни слова, он смастерил такой замок для дверей машины, что не только хулиганы, но и никто из друзей не мог попасть в нее, не зная секрета. Кстати, может быть, повторюсь, но Михаил Тимофеевич никогда не сообщал о своих замыслах, тем более не делился секретами.

Однажды, придя к Калашниковым домой, я застал хозяина за работой. Михаил Тимофеевич предложил мне отгадать, что он делает. Я, естественно, не мог догадаться. А когда в очередной раз мы отправились на шашлыки, то он преподнес нам свое изобретение уже в готовом виде. Это оказалась очень необычная по конструкции ручка, при помощи которой все шампурсы переворачиваются на углях одновременно и нет необходимости вращать каждый в отдельности. Очень удобно и безопасно.

Бывало, что на костре мы готовили его любимое блюдо – баранью асаду. Он решил, что процесс этот тоже необходимо усовершенствовать, поскольку крутить руками или с помощью железных прутьев баранью грудку очень неудобно. Вскоре Михаил Тимофеевич изготовил вилку со специальной ручкой, вращая которую можно установить кусок баранины в любое нужное положение.

Мы с ним заядлые рыбаки. На рыбалку выезжали на несколько дней, с пачками. Конечно, любили полакомиться блюдами из рыбы. Тем более, что Михаил Тимофеевич сам мог приготовить замечательную уху. Однажды на берегу Камы мы не могли найти палки-рогатины, чтобы повесить котелок. М.Т. Калашников выказал по этому поводу молчаливое недовольство. Но на этом дело не остановилось: для таких выездов им было создано еще одно оригинальнейшее устройство. На следующей рыбалке наш конструктор достал из чехла легкий пустотелый штатив и, воткнув его в землю, представил нам простое и очень удобное в обращении приспособление для подвешивания котелков, чайников и сковородок на любом уровне от земли. После этого мы уже не пользовались примитивными палками, готовя пищу на костре, а его изделие до сих пор у нас в обиходе. Подобные ситуации только доказывали, что Калашников – поистине великий конструктор.

За годы нашей дружбы мне часто приходилось видеть его оригинальные изобретения. Он сконструировал такую косилку для скашивания травы на даче, что ее вполне можно запустить в производство. А для езды по плохим дорогам приспособил на свою машину цепи с лопастями, и теперь никакое бездорожье не пугает. На выдумки Михаил Тимофеевич – большой мастер. У него есть изречение – «все надежное – просто». И оправдано оно делами.

Конечно, я описал лишь несколько изобретений. Думаю, что в решении технических вопросов для дома, для семьи у Миханла Тимофеевича проблем нет и никогда не будет.

Не только оружие

Депутаты Верховного Совета

В 1970 году мы с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым были избраны депутатами Верховного Совета СССР. Я избирался в первый раз, а Михаил Тимофеевич уже имел опыт депутатской работы. Это были времена, когда слово депутат не вызывало негативной реакции. Внутренняя политика государства отличалась от того, что происходит сейчас. И для нас депутатская работа была высокой честью и почетной обязанностью. Редкий гражданин мог быть избран депутатом несколько раз, но считаю, что по отношению к Калашникову это оправдано и справедливо.

Михаила Тимофеевича назначили в постоянную комиссию по машиностроению вместе с первым секретарем Удмуртского обкома КПСС В.К. Мариновым, меня — в комиссию по сельскому хозяйству. Комиссии работали в Москве подолгу: на них рассматривались проекты планов развития народного хозяйства страны на очередной год или следующую пятилетку.

Работа в Верховном Совете стала для нас хорошей школой. При обсуждении экономического положения страны депутаты основательно изучали ситуацию в своей отрасли, определяли перспективы ее развития. Члены комиссии высказывали предложения по финансированию, капиталовложениям, развитию приоритетных отраслей хозяйства, которые затем вносились в проект государственного плана для обсуждения в Верховном Совете. На пленарных заседаниях палат мы могли ознакомиться с положением всех отраслей и с перспективами развития государства в целом. В работе комиссии Михаил Тимофеевич принимал активное участие, часто высказывал свое мнение, вносил предложения, работал над проектами.

В это время Калашников знакомится с одним из членов нашей сельскохозяйственной комиссии, выдающимся селекционером, создавшим луч-

**Первая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва.
Москва, Кремль, 1970 г.**

шие сорта озимой пшеницы, академиком Павлом Пантелеймоновичем Лукьяненко – человеком удивительной судьбы. Дорого было Михаилу Тимофеевичу знакомство с белорусским рабочим, слесарем-инструментальщиком, бывшим тогда членом Президиума Верховного Совета СССР Евгением Климченко. Это был не только мастер высокого класса, но и человек с активной жизненной позицией. Михаил Тимофеевич высоко ценил его деловые качества. Е. Климченко приезжал к Калашникову на 60-летие.

Был в гостях в Минске и Калашников, друзья вместе охотились на лося. Одержимость в работе, талант, желание делать все своими руками – качества, присущие обоим, сближали их.

Не один год работая в Верховном Совете, встречаясь с новыми людьми, Михаил Тимофеевич учился видеть проблемы в государственном масштабе и старался использовать свои знания, опыт в работе с избирателями, в оказании помощи правительству Удмуртской Республики в решении стоящих перед ним задач. Не секрет, что его фамилия и авторитет Героя Труда играли большую роль при решении каких-либо вопросов, особенно в развитии Ижевска и промышленности республики.

Депутат Калашников обращался к руководителям республики по самым различным проблемам. Авторитет знаменитого конструктора не позволял оставить его просьбы без внимания, и часто по ним принимались положительные решения. Михаил Тимофеевич старался не оставлять без внимания и просьбы избирателей. Были среди них и осужденные. Если к нему обращались за ходатайством о смягчении приговора, он старался помочь.

Депутатские годы запомнились не только работой. Депутаты Верховного Совета пользовались некоторыми льготами: имели возможность бывать в театрах Москвы, посещать выставки и музеи. Мы старались побывать везде. Большой популярностью пользовался вновь открытый театр на Таганке, там выступал Владимир Высоцкий. Хотелось послушать оперу, посмотреть балет в Большом театре, сходить на оперетту.

А когда в Египте у власти был Насер, в Москву привезли египетское сокровище – гробницу фараона Тутанхамона. Гробница демонстрировалась на Волхонке в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Попасть туда помог депутатский билет. Нам с Калашниковым удалось увидеть сокровища юного фараона. Зрелище впечатляло: удивило не только богатство, но и очень высокая культура цивилизации того периода.

Встречались мы и со многими знаменитыми на весь мир государственными деятелями: Фиделем Кастро, Эрихом Хонеккером, Гамалем Абдель Насером, Джавахарлалом Неру и другими. Посчастливилось побывать на торжествах, посвященных 50-летию СССР. Прибыло много зарубежных гостей. Мы с Михаилом Тимофеевичем посетили все главные мероприятия. Кстати, хочется отметить, что работа в Верховном Совете, частые выезды в Москву, проживание в одной гостинице еще больше сблизили нас. Между нами появилась духовная близость, а у меня – ответственность за жизнь и здоровье друга, которого знал уже весь мир. Но однажды это чувство повышенной ответственности за него подвело меня, послужив поводом для казуса, произошедшего с Михаилом Тимофеевичем именно в дни празднования 50-летия СССР.

Еще по дороге в Москву Калашников пожаловался мне на боли в животе, причиной могло быть выпитое перед отъездом молоко. Боль не проходила и по приезде в Москву. Мне как-то хотелось помочь другу, ведь

через день планировались все юбилейные торжества. В медпункте я попросил каких-нибудь лекарств. Озабоченные недомоганием депутата Верховного Совета, медработники решили сами осмотреть его. Михаила Тимофеевича увели на осмотр, но неожиданно для нас обоих положили в изолятор. Калашников, разумеется, был в ярости, ведь «заточение» грозило ему тем, что он пропустит все грандиозные торжества. Он связался по телефону с первым секретарем Удмуртского обкома КПСС В.К. Марисовым и пожаловался, что лучший друг «упрятал» его в изолятор. Доктора, сделав необходимые анализы, сочли, что у Михаила Тимофеевича нет ничего серьезного, ипустили его.

Мы побывали на всех юбилейных торжествах, впечатления о которых сохранились до сих пор. А мир между нами был быстро восстановлен.

Книги конструктора

Я уже упоминал, что в детстве Михаил Тимофеевич мечтал быть поэтом. И способности были. Писал всегда для себя, конечно, но иногда, как говорится, выдавал на-гора. Удаются ему эпиграммы. Не каждый может в четыре строки вложить суть и с юмором подать. Может, это и есть та отдушина, которая необходима каждому, чтобы остаться наедине с самим собой. Ведь слывет Михаил Тимофеевич человеком с суровым характером. Не очень он и разговорчив, особенно с малознакомыми людьми. А вот душа у него ранимая. С годами многое накопилось в этой душе. Начал понемногу писать.

Помню, как нелегко давалась ему первая книга «Записки конструктора-оружейника», вышедшая в свет в 1992 году. Мы с ним тогда обсуждали каждую главу.

Книга Михаила Тимофеевича, на мой взгляд, получилась неплохой. Доводил ее «до кондиции» заместитель главного редактора газеты «Красная Звезда» полковник М.М. Малыгин, текст набирала моя лаборантка О.В. Кашина. Михаил Тимофеевич серьезно подходил к написанию книги, работал над каждой фразой, ответственно отнесся и к изданию. Автор представил нам свой взгляд на тот путь, который уже пришлось пройти. Это история создания легендарного автомата.

Можно сказать, что вторая книга далась ему легче. «От чужого порога до Спасских ворот» — само название говорит о ее содержании. Может быть, выскажусь высокопарно, но, по-моему, это — книга-исповедь. В ней Михаил Тимофеевич откровенен с читателем, сообщает о таких фактах своей жизни, которые умалчивались по разным причинам и были неизвестны не только лучшим друзьям, но и жене Екатерине Викторовне. Со страниц издания мы, близкие и друзья Михаила Тимофеевича, узнали, что его семья была раскулачена и сослана в Казахстан. Книга написана простым,

незамысловатым языком. Автор правдиво рассказывает о деревенской жизни в трудную годину. Ведь долгие годы многие тонкости нашей советской жизни умалчивались. Такие были времена. Я думаю, что в этой книге раскрылась душа моего друга.

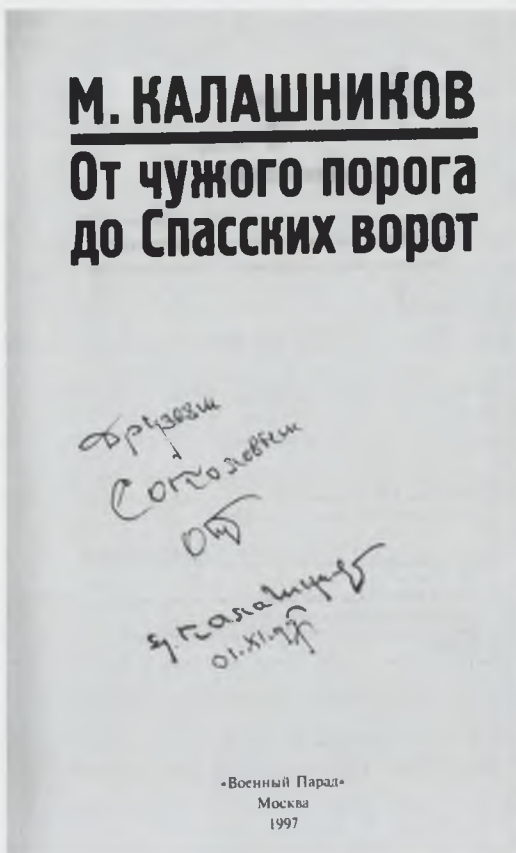
Ее редактором был писатель Гарри Немченко. Многие помогали Михаилу Тимофеевичу в создании книги. И хотя не всегда то, что делали помощники, нравилось автору, однако согласие было найдено, и книга вышла в свет. Издана она в 1997 году.

Недавно издана третья книга «Я с вами шел одной дорогой». Здесь Калашников вспомнил и оставил для потомков имена всех, кто помогал ему в нелегкой конструкторской работе и судьбе, в том числе и тех, кто руководил машиностроительным заводом и другими предприятиями, с которыми сотрудничал знаменитый конструктор.

Как раз в это время я работал над своей книгой о Калашникове. Материалы и готовые страницы рукописи показывал Михаилу Тимофеевичу. Конечно, и он вносил лепту своими замечаниями, хоть я и не всегда с ним соглашался. А однажды попросил у меня несколько фрагментов моей книги, чтобы использовать в своей. Я отказал. Может быть, он просто не ожидал моего отказа, но был явно недоволен.

Научные звания

Во многом моя жизнь и жизнь Михаила Тимофеевича похожи. Мы — одно поколение. Когда мы были молоды и полны сил, другая политика проводилась в государстве. Может быть, просто время было такое, но нашими достижениями двигало не чувство корысти, не стремление к материальному достатку, а желание идти вперед во всем: в науке, технике, искусстве. Конечно, и материальное, житейское нам не чуждо, но, как сейчас говорят, приоритеты были другими.

У Михаила Тимофеевича свой трудовой путь, у меня – свой. Но иногда наши пути и здесь пересекались. Деятельность М.Т. Калашникова требовала непосредственной связи с наукой. И я ею занимался, будучи еще студентом. Хочу рассказать несколько эпизодов, связанных с получением ученых званий.

Шло время. М.Т. Калашников стал ведущим конструктором стрелкового оружия страны, и многие его образцы были приняты на вооружение. И вот Михаилу Тимофеевичу предлагают защищать докторскую диссертацию. Хотя положено сначала получить степень кандидата наук, но для Михаила Тимофеевича сделали исключение. Конечно, материал для докторской был богатый. И через некоторое время для защиты диссертации по совокупности выполненных работ Михаил Тимофеевич с Екатериной Викторовной отправились в Тулу по приглашению Тульского политехнического института. Защита прошла успешно, ученый совет вынес решение о присуждении М.Т. Калашникову докторской степени.

Как правило, вручение диплома в Москве проходит без всякой пом-

пы, но на этот раз все было по-другому. Мы с Михаилом Тимофеевичем приехали на очередную сессию Верховного Совета СССР, его пригласили в высшую аттестационную комиссию для торжественной церемонии вручения диплома доктора технических наук. Руководители комиссии уже ждали Михаила Тимофеевича и стоя, громкими аплодисментами встретили знаменитого конструктора.

Калашников стал доктором наук, а позже многие академики страны присвоили ему почетное звание академика.

И хотя трудно было даже сомневаться в том, что защита пройдет успешно, все-таки в глубине души Михаил Тимофеевич волновался перед защитой. А свое беспокойство он выдал лишь двумя строчками стихотворения, написанного по дороге в знаменитый город ору-

Удивительна природа Краснодарского края

жейников: «Как нас встретит блошиная Тула: подкует или выгонит вой?». Не выгнала.

Не раз путь М.Т. Калашникова лежал в славный город Тулу. Приезжая туда, он встречался и с губернатором области В.А. Стародубцевым. Михаил Тимофеевич рассказывал нам, что жители области к своему губернатору относятся с большим уважением. И это совершенно оправдано. Я тоже был знаком со Стародубцевым. Еще в доперестроечные времена он был председателем колхоза в Тульской области. Колхоз гремел на всю страну своими успехами и достижениями. Отличался он и особой организацией труда. В.А. Стародубцев – настоящий хозяин своего края, и неудивительно, что люди выбрали его губернатором.

Расскажу немного и о своей защите. Шла подготовка к установке бюста дважды Героя Социалистического Труда М.Т. Калашникова на его родине в Алтайском крае. Михаил Тимофеевич пригласил меня на эти торжества, дав мне слово, что поддержит меня морально в ответственный момент защиты моей диссертации. Я должен был защищаться в Кубанском сельскохозяйственном институте (ныне агроуниверситете), самом крупном сельскохозяйственном вузе в СССР, а ныне и в РФ. В диссертационном совете в то время состояло двадцать три доктора наук.

В октябре 1981 года мы с Серафимой Павловной самолетом, а Михаил Тимофеевич из Москвы поездом прибыли в Краснодар. Мы встречали его. На перрон кроме нас прибыли еще два незнакомых официальных лица, сообщивших, что Калашникова ждет первый секретарь крайкома партии С.Ф. Медунов, который распорядился, чтобы Михаила Тимофеевича устроили по высшему разряду.

Мне пожелали успешной защиты, а моего друга Калашникова увезли в крайком, где представили ему программу пребывания в Краснодарском крае. Защита моей диссертации прошла успешно, жаль только, что

**К.У. Медеубеков и Соколовы в Краснодаре
в период защиты диссертации**

Михаил Тимофеевич на ней не присутствовал. Но потом все-таки побывал в институте, фотографировался с его руководителями, посетил военную кафедру. Для Калашникова организовали увлекательную экскурсию по Краснодарскому краю, показали лучшие хозяйства области и все, что могло заинтересовать знатного гостя. Теплые воспоминания остались у него от этой поездки, кроме того, он был доволен, что побывал на родине своих родителей.

Это было время, когда банкеты не поощрялись, но два таких серьезных события – приезд конструктора М.Т. Калашникова и мой успех – решили отметить. Профессор А.Н. Ульянов (а о нем я уже рассказывал), предложил провести это мероприятие на его даче. Собрались все члены диссертационного совета и оппоненты, среди которых был президент Восточного отделения АН СССР К.У. Медеубеков. Присутствующие хвалили соискателя, но в центре внимания был Калашников. Наша дружба – дружба людей далеко не родственных профессий – всех удивляла и трогала.

Михаил Тимофеевич вернулся в Ижевск, а мы с Серафимой Павловной еще долго жили в Краснодаре, занимаясь подготовкой необходимых документов для высшей аттестационной комиссии.

Не могу не рассказать о своем оппоненте – Килыбае Усеновиче Медеубекове. Многие удивлялись, узнав, что официальным оппонентом по моей докторской является человек такой высокой должности, и предлагали отказаться, потому что были уверены, что на защиту он все равно не придет.

И вот назначено время защиты. Председатель диссертационного совета получил телеграмму от моего важного оппонента с сообщением о прибытии. В положенное время самолет сел, все пассажиры вышли, а моего гостя нет. Я решил обратиться в справочное бюро. Смотрю, по залу ходит Килыбай Усенович, под мышкой – моя диссертация. А разминулись мы так: летчики провели через служебный вход именитого начальника.

Был я на 50-летнем юбилее К.У. Медеубекова. Эти торжества я могу охарактеризовать двумя словами: величайший банкет. Все было организовано в казахском стиле. Яств и напитков не перечислить. По этому поводу у меня есть краткая история.

Стол буквально ломился от всевозможных угощений и напитков. Я не стремился попробовать все, что видел. Это удивило моих соседей-казахов по столу, на что я ответил, что если все это пытаться съесть и выпить, то, говоря по-русски, упадешь лицом в салат. Но оказалось, что у казахов существует такой чудодейственный напиток – шубай. Можно есть, пить все подряд, и если время от времени прикладываться к этому напитку, то не будет ни переедания, ни опьянения. А шубай готовят из молока верблюдицы.

Испытание славой

Стал известным – держись

Есть ли в мире другой такой конструктор стрелкового оружия, изделия которого столь долгое время держались бы на рынке и были востребованы в вооружении армий разных стран. Трудно точно назвать количество автоматического оружия и число стран, где пользуются этим автоматом. К популярности человека, автомат которого получил столь широкое признание, нет однозначного отношения ни со стороны конкурентов и завистников, ни со стороны обычных людей, ни со стороны прессы. А вообще пресса – это отдельная история в жизни Калашникова. Но таково бремя славы.

Открытость для мира, известность влекут за собой определенные последствия, иначе не скажешь. Сейчас о М.Т. Калашникове написано столько, что, пожалуй, всего не собрать воедино и не отследить. К сожалению, довольно часто происходит так, что пишут о Михаиле Тимофеевиче люди, которые не только ничего не знают о нем, но даже и не видели его никогда. Сочиняют настоящие небылицы. Мы все, знающие Михаила Тимофеевича и его семью, просто диву даемся: ну как такое в голову придет!

За сорок лет нашей дружбы и мне не однажды приходилось общаться с людьми, которые порасскажут... Сказочники, да и только. Причем сплетни пересказывают и молодые, и пожилые, и люди с положением, и самые обыкновенные. Сам Калашников не раз получал письма от «самозванцев», которые причисляли себя к авторству АК, либо сообщали, что помогли припять его образцы на вооружение.

Бывают и послания, содержащие рациональное зерно. Чаще всего это замечания военных и солдат, которым приходится использовать оружие, сконструированное Калашниковым. Михаил Тимофеевич всегда ста-

рается усовершенствовать свои изделия, учитывая эти замечания и пожелания.

Есть и другая категория людей, которым не по душе авторитет Калашникова, – завистники, недоброжелатели. Одним кажется, что при создании и разработке отдельных образцов их участие было недостаточно оценено, и это порождает обиду. Другим он невольно перешел дорогу, поскольку на вооружение принято именно его оружие. Это и есть та почва, на которой рождаются нелепые слухи, сплетни и домыслы. Между тем, известность Калашникова растет.

А те, кому порядком надоела популярность Михаила Тимофеевича, ждут не дождутся, когда имя конструктора будет отправлено в историю. Быть может, у них вызывает обиду то, что при жизни ему открывают бюст на родине, а в Ижевске строятся музей его оружия? В честь М.Т. Калашникова в Удмуртии, на Алтае, в соседних областях и республиках проводятся лыжные и военные спортивные соревнования, чемпионаты по боксу, и даже детская игра «Зарница» посвящается знаменитому оружейнику. Но давайте спросим себя: что плохого в том, что государство и общественность ценят заслуги человека, состоящего у него же на службе? Думаю, время расставит все по своим местам.

Сплетен и бредовых идей, связанных с именем конструктора, не перечесть. Так, очень часто мусолится тема плагиатства. Вот Михаил Тимофеевич, будучи необычайно хитрым, подсматривает в чертежи талантливейших иностранных конструкторов и ворует идею создания АК. А вот с обвинениями выступает некий земляк Калашникова, полковник, между прочим: оказывается, он видел на фронте у немцев такой же автомат. В действительности сплошь и рядом все происходит с точностью до наоборот: многие конструкторы разных государств не просто позаимствовали некоторые идеи нашего Калашникова, а буквально скопировали его. Израильский автомат «Узи» – фактическая копия АК, но его автор присвоил без зазрения совести чужую идею и назвал автомат своим именем. Еще некоторые государства производят автоматы, аналогичные АК. Может быть, для популярности конструктора надежного оружия это и сыграло определенную роль, но государство наше в целом понесло немалые потери.

Подобное положение дел стало возможно еще и потому, что долгое время автомат АК не был запатентован. Президент Б.Н. Ельцин на юбилее Михаила Тимофеевича обещал решить вопрос с патентом. Наконец, это было сделано. Что ж, лучше поздно, чем никогда.

Несколько лет назад в Ижевске побывала собственный корреспондент газеты «Либерасьон» в России Вероник Суле. А поводом для приезда стала интересная акция, проводимая газетой «Либерасьон» – одной из трех крупнейших парижских газет. Было решено подвести итоги уходящего века, осветив 36 (по числу букв французского алфавита) важнейших открытий XX столетия, определивших пути развития современной цивилиза-

ции. Напротив французской буквы «К» появилась русская фамилия Калашников. Точнее, автомат калашников.

Интерес к жизни Михаила Тимофеевича велик. Пишут о работе, достижениях, новых проектах. Бывают нелестные и скандальные статьи. Кто-то склонен считать его виновником человеческих бед и смертей и на страницах газет обвиняет его в этом. Сам конструктор считает, что, создавая свое оружие, он думал о Родине, чтобы ее военная мощь была непревзойденной. И если придется русскому человеку брать в руки оружие, то оно должно быть надежным.

М.Т. Калашников – занятой человек, но ему часто приходится давать опровержения на различные материалы, с которыми он не согласен. Михаил Тимофеевич часто недоумевает по поводу того, что о нем пишут. Газета «Удмуртская правда» за ноябрь 1994 года предлагает интервью Михаила Тимофеевича: «...Я все четко и ясно говорю, отвечаю на заданные вопросы откровенно, но, читая публикации о себе, теряюсь. И костюм-то при поездке в Америку был плохонький, хотя он был лучший на фоне одежды людей, сопровождавших и встречавших меня; и никуда-то меня не пускают, когда я совершал достаточно поездок, в том числе и заграничных. И что получается: идут сочувственные отзывы, вот из Финляндии прислали Библию и говорят, мол, откройте Богу душу. Зачем? Это мне не надо. Я иду своей русской тропой, не хочу быть в скорлупе, люблю и понимаю юмор, шутку. Я – русский».

А с того момента, когда имя конструктора АК стало открытым, нет отбоя от приглашений в различные государства. Для многих Михаил Тимофеевич – интересный человек, незаурядная личность. Им хочется увидеть знаменитого конструктора, услышать рассказы о его жизни, а может быть, и лично поблагодарить человека, который вооружил многие армии мира надежным оружием.

Нам с вами приходится жить на рубеже веков: а это время, когда переоцениваются факты истории, начинается борьба за сферы влияния в мире. Все это происходит как в больших, так и в малых масштабах. Конечно, автомат Калашникова – это масштабы небольшие. Но поскольку речь идет о моем друге, а значит, не чужом мне человеке, то не могу обойти эту тему. Тема щекотливая, поэтому своей оценки давать не буду, а представлю на суд читателя еще один взгляд на историю создания АК-47.

Газета «Московский комсомолец» от 1 марта 2002 года опубликовала статью «Легендарный Калашников – не оружейник, а подставное лицо» под рубрикой «Тайна XX века». Статья объемная и по количеству печатных знаков, и информационно. Интервью корреспонденту С. Самоделовой дает Дмитрий Иванович Ширяев – ведущий конструктор Центрального научно-исследовательского института точного машиностроения (головной организации по разработке стрелкового оружия).

Что же такого сенсационного в этой статье? Материал возвращает нас в то время, когда автомат вообще, а не чей-то конкретно, только создавался. Этим занимались многие талантливые и известные конструкторы-оружейники. Среди них Д.И. Ширяев называет Судаева, Дегтярева, Шпагина, Булкина, Дементьева и в последнюю очередь упоминает имя Калашникова. Особое место в статье выделяется начальнику испытательного подразделения капитану Василию Лютому и полковнику ГАУ (ГРАУ) опытному инженеру Владимиру Дейкину.

«...На этом же полигоне, в подразделении Лютого, испытывалось около 15 автоматов других конструкторов. Выводы по испытаниям каждого из них, включая и Калашникова, в немалой степени зависели от руководителя испытательного подразделения Лютого и куратора ГАУ на полигоне – Дейкина. Получалось, что в конкурс вмешались лица, которые по своему статусу должны были быть строго нейтральными».

«...На заключительном этапе испытаний в январе 1947 года оказались три автомата: ТКБ-415 туляка Булкина, КПБ-520 ковровского конструктора Дементьева и КПБ-580 Калашникова».

Руководство торопило. Испытания было предписано провести в 12-дневный срок. Армия остро нуждалась в надежном оружии. Вот о чем далее рассказывает Д.И. Ширяев: «...по итогам испытаний вперед выходил Булкин. Но туляк обладал зловредным характером, без конца перечил замечаниям военных. В результате талантливого конструктора «сошли» с дистанции. Сержант Калашников был куда покладистей. Он во всем слушался опытейших своих наставников, к тому же старших по званию. На последнем туре испытаний Михтим, как он любит себя называть, учел все пожелания опытных Дейкина и Лютого. И преуспел. Из сохранившихся документов следует, что, согласно заключению комиссии ... от 10 января 1948 года, предпочтение было отдано автомату Калашникова – будущему АК-47».

А дальше – больше. В статье рассказывается о том, что автомат после испытаний не просто стали дорабатывать, а полностью «перекомпоновали», причем это было указанием «сверху»: «Взять из всех предложенных на конкурс автоматов все самое лучшее».

Но тут же мы читаем: «...основная нагрузка по проектированию легла на плечи опытных ковровских конструкторов».

«...Техника проектирования и расчетов была Михаилу Тимофеевичу неведома».

«Никто Калашникова не опередит, – скажет позже Ширяеву главный конструктор Ковровского КБ Константинов, – поскольку премии вместе с ним получают определенные высокие чиновники...»

А вот мнение доктора технических наук Юрия Брызгалова, изложенное в данной статье: «То, что Калашников собрал и объединил в своей конструкции все лучшее, что было в отечественном и зарубежном оружии-

ном деле, профессор ставит ему только в заслугу, потому что "...все конструкторы-оружейники при создании новых образцов оружия пользуются этим методом". То, что АК до сих пор – лучший образец мирового стрелкового оружия, – факт общеизвестный и сомнению не подлежит».

Заключение своей статьи С. Самоделова назвала «Книжная легенда АК». И вот как оценивает историю АК, изложенную в книге самого Калашникова «Записки конструктора-оружейника», Д.И. Ширяев: «...история создания автомата сильно искажена».

Конечно, перед нами совершенно неожиданный взгляд на, казалось бы, известные и знакомые события. В этой статье предоставлен не просто материал для размышления, а звучат прямые обвинения и в адрес Калашникова, и в адрес Дейкина. Что касается опровержения этих обвинений или их подтверждения – это дело историков и, может быть, юристов. Я скажу одно: если со стороны В.С. Дейкина как представителя ГАУ (ГРАУ) и была какая-то предвзятость в пользу Калашникова, то она оправдалась временем и спросом на этот надежный автомат. Не зря говорят, что оружие с маркой «Калашников» лучшее в мире. И не только говорят: покупают и готовы покупать, производят, вооружают армии. Конечно, за одним именем – Калашников – стоят десятки имен тех людей, без которых автомат бы не состоялся.

Многие газеты публикуют материалы о М.Т. Калашникове. Одни нападают, другие защищают. Но Михаил Тимофеевич, несмотря на годы, и сам себя в обиду не дает. Нет, он не вступает в склоки. Но ему есть, что ответить оппонентам.

Статья С. Самоделовой, о которой я рассказал, встретила М.Т. Калашникова в Москве, когда он возвращался из Киева, где ему вручали премию. Вот фрагмент его письма, адресованного президенту Российской Федерации В.В. Путину: «...Никак не ожидал, что у себя на родине я буду незаслуженно унижен, в то время как во всем мире имя "Калашников" стало символом качества российского оружия».

Интересно, что после публикации «Московского комсомольца» газета местного уровня «Совершенно конкретно» в лице Г. Гусева 28 марта 2002 года выступила с материалом в защиту конструктора. Что же мы можем прочесть в ней? «Совершенно конкретно» сообщает нам, что Д.И. Ширяев «...не является сотрудником института и вряд ли может являться оружейным экспертом», далее – все в подобном духе...

Вот и разберись: кто основывается на фактах, а кто занимается сочинительством. Поэтому, читая наши многочисленные газеты, важно уметь видеть между строк, а еще важнее – кто стоит за теми или иными публикациями.

Что касается газеты «Совершенно конкретно», то здесь тоже не все так просто. Автор статьи «Абсолютное оружие» от 28 марта 2003 года Г. Гусаров называет Калашникова «всенародно любимым», «уважаемым и действительно легендарным человеком». Говорит о том, что позиция МК

«пахнет уж слишком едко». Неплохо было бы вышеназванному корреспонденту ознакомиться сначала с позицией своей собственной газеты.

Под кричащей рубрикой «Эксклюзив» 2 июня 2000 года газета «Совершенно конкретно» опубликовала статью «Калашников: темная сторона Луны». Подписана она В. Стрелковым. Тут Михаил Тимофеевич представит перед нами в другом амплуа – этаким монстр: «...порой несдержанный, владевший искусством подковерных интриг и талантом администратора, иногда обидчивый, иногда болезненно самолюбивый, иногда даже мстительный». И на протяжении всей статьи немалого объема Калашников – «маленький сержант».

Если уж Г. Гусаров говорит о позиции МК, то разве не удивительно, что одна и та же газета – «Совершенно конкретно» – об одном и том же человеке – Калашникове – публикует материал противоположной направленности. Чем пахнет такая позиция?

Тему прессы я затронул не потому, что хочу дать кому-то или чему-то оценку. Михаил Тимофеевич – мой друг. И мне не раз приходилось видеть его после так называемого общения с прессой: дальнего или близкого. И не удивляет, что прессу он недолюбливает.

Конечно, всего, что пишут о Калашникове, мне не охватить и не проанализировать, тем более, что иногда бывают публикации, не поддающиеся никакому анализу. Вот, например, статья «Калашников и пустота», подписанная неким Д. Князевым, опубликованная в газете «День» № 12 от 20 марта 2003 года.

В феврале 2003 года все мы узнали о том, что Калашников подписал договор с немецкой фирмой и его имя будет маркой многих немецких товаров. Согласен, тема спорная, потому что «за державу обидно». Вот и Д. Князев, видимо, обуреваемый оскорбленным чувством гражданственности, не сумев пережить потрясения от поступка знаменитого конструктора, через месяц после происшедшего решил все-таки излить душу. Да как! Эмоции рвутся наружу: всех нас мурлындцами окрестил. Долго призывал соблюдать законы общежития в глобальном смысле этого слова и учиться пользоваться отхожим местом. Доказательных фактов, вопросов-ответов или вообще какой-либо объективной информации не приводит, сплошной словесный... Но с претензией на философию. И что интересно, в конце статьи анонс: «Героем следующей публикации ... станет другой удмуртский супербренд – Петр Ильич Чайковский». Теперь хоть тема у газетчиков появилась. Ведь самому тему в обыденной жизни найти – талант кой-какой нужен. А тут ни думать, ни уметь нет необходимости: взял известное имя и верти им, как заблагорассудится, не выходя из-за стола.

Слухи и сплетни не тревожат М.Т. Калашникова. По прогнозам специалистов, работающих в авторитетных зарубежных военных организациях, до 2025 года оружие Михаила Калашникова останется непревзойденным.

«Оружие с маркой “Калашников” по-прежнему – лучшее в мире: технологичное, дешевое, безотказное. Сегодня говорят: Калашников – это фирма! По-видимому, так оно и есть. Это наша “фирма”, ибо за аббревиатурой АК скрываются труд и ум многих, увы, незаслуженно забытых Россией гениальных изобретателей, чьи старания не пропали даром», – таков финал статьи С. Самоделовой.

Кистью художника и глазами режиссера

Чем известнее становилось имя Михаила Тимофеевича Калашникова, тем чаще поступали различные предложения и приглашения на съемки фильмов о конструкторе, передач с его участием. Причем предложения поступали от лучших режиссеров не только Удмуртии и России, но и Запада. Не раз обращались к Михаилу Тимофеевичу и художники с просьбой позировать.

Одним из первых художников, создавших образ конструктора на холсте, был удмуртский художник-портретист Алексей Павлович Холмогоров. Мы с Михаилом Тимофеевичем приходили к нему в мастерскую, терпеливо сидели часами, пока художник старался уловить и передать с помощью кисти не только черты внешности Калашникова, но и выразить особенности характера, создать цельный и законченный образ. Уже после смерти Холмогорова этот портрет был выставлен на Всесоюзной выставке живописи в Манеже и получил высокую оценку знатоков и посетителей.

Еще один человек, которому посчастливилось писать портрет с натуры – это народный художник России Сергей Присекин. Он несколько раз приезжал в Удмуртию, чтобы пообщаться с Калашниковым. По характеру Михаил Тимофеевич довольно неговорчивый человек, да и годы «подполья» оставили определенный отпечаток, поэтому М.Т. Калашников чаще отказывал, чем соглашался на предложения позировать. Но Сергей Присекин все-таки нашел «ключик» к нему, и, бывая в Москве, Михаил Тимофеевич сам иногда приходил на сеанс в мастерскую художника. Этот портрет был подарен Калашникову на 75-летний юбилей президентом России и автором.

Особое внимание к Михаилу Тимофеевичу проявляют работники телевидения и кинорежиссеры. Когда Валерий Золотухин задумал создать фильм о конструкторе, он приехал вместе с Присекиным, и на охотничьей базе в Якшур-Бодьинском районе были сняты некоторые эпизоды. О знаменитом конструкторе есть документальные фильмы «Михаил Калашников» и «75-я осень Калашникова». Неоднократно Михаил Тимофеевич становился главным героем в телевизионной программе «Служу Советскому Союзу», бывая гостем воинских частей. Обычно в фильмах рассказывалось о его успехах и достижениях в создании стрелкового оружия. Телеви-

зионный фильм о поездке Калашникова на Алтай на открытие бюста был снят А. Артамоновым и В. Вологжаниным. К 70-летию конструктора А. Артамоновым создан фильм «Пароль – Калашников», который уже не раз транслировался по телевидению. В этом фильме мы с Михаилом Тимофеевичем изображаем охотников.

В Москву и Санкт-Петербург приезжали американцы, чтобы снять фильм о Михаиле Тимофеевиче, и заканчивали съемки уже в Америке, во время первого посещения Калашниковым Соединенных Штатов.

Есть и у французов свой четырехсерийный телевизионный фильм к 75-летию юбилею конструктора.

Поступали предложения от крупных, известных на весь мир информационных организаций. Михаил Тимофеевич с пониманием относился к работе телевизионной братии, но все-таки предложения принимал далеко не все. И бывало, что потом раскаивался в том, что все-таки дал согласие. Но об этой истории немного позже.

В 1998 году для встречи с Калашниковым в Ижевск приезжали кинематографисты из Германии, Австрии и Польши. Совместно они работали над проектом большого фильма. Мы выезжали на Каму, Белую, в Усть-Бельск, где Михаил Тимофеевич имитировал охоту, ходил по берегу реки и стрелял из ружья в воздух. Мне и Калашникову пришлось изображать зорких и удачливых охотников. В 1999-м съемки были продолжены на квартире и на даче Михаила Тимофеевича, а также на заводе, где он трудится.

Кроме профессиональных фильмов снято много любительских лент как в Удмуртии, так и за ее пределами. У Калашникова накоплено уже немало пленок, главным героем которых является он сам. Думаю, видеохроника – не менее ценный материал, чем кадры, отснятые профессиональными операторами.

Почти из каждой поездки за границу Михаил Тимофеевич привозит фильмы, снятые в странах, где он бывает с визитами. Показывает их нам, рассказывает об увиденном.

Десант с Британских островов

Когда у всего мира появилась возможность общаться со знаменитым конструктором, то из разных стран стали приходить предложения, приглашения. Кто-то звал к себе, кто-то, наоборот, просил разрешения приехать. М.Т. Калашникову приходилось делать выбор, потому что принять все приглашения или всех желающих, конечно, было невозможно. И вот однажды приглашение пришло из Англии.

Англия, прежде всего, государство с высокой культурой, интересными традициями. Да к тому же – капиталистическое государство. Времена были

еще советские. Возможность побывать на Британских островах выглядела заманчивой, и Михаил Тимофеевич принял приглашение. Визит запомнился: англичанам есть, что показать. Увидел Калашников и многовековую гордость британцев – военный флот.

Не обошлось и без общения с прессой. И конечно, такое известное информационное агентство, как Би-Би-Си не могло упустить случая, чтобы не познакомиться со знаменитым конструктором. Калашников интересовал их не только как создатель стрелкового оружия, они хотели узнать обо всех сторонах его жизни. О том, что охота является настоящим многолетним увлечением Михаила Тимофеевича, знали уже многие, но представители Би-Би-Си были одними из первых, кто предложил снять фильм об «охотничьей болезни» без всякой политической окраски. Они уговорили конструктора дать согласие на их приезд в Ижевск и на съемки фильма.

Несколько лет назад 12-13 ноября «десант Би-Би-Си» высадился в Ижевске. Во главе съемочной группы был господин Смит, высокий бородатый человек. С ним приехала жена Елена, наша бывшая соотечественница. Когда-то она окончила Московский университет. В состав группы входили кинооператор, фотограф, московский корреспондент агентства «Дейли-телеграф», звукооператор, представители Ирландии и Шотландии. Всего около десяти человек.

Михаил Тимофеевич протрубил сбор своей охотничьей команде. Долго гадали, куда ехать, и решили отправиться на базу в охотничье хозяйство «Ижмаша» «Сюрекское» Вавожского района. К нам примкнули Лена, дочь Михаила Тимофеевича, и врач Лариса Ивановна Тройникова (на охоте всякое может случиться).

Зима в тот год была ранняя и морозная. Как раз в дни приезда англичан температура воздуха достигала –25 градусов. Путь был неблизкий. Мы отправились на «уазике» Михаила Тимофеевича, а англичане наняли машину. Доехали благополучно, по дороге подобрали сбитого кем-то зайца-русака. На одном из участков дороги чуть не произошла авария, и оператор Би-Би-Си тут же снял все на пленку.

На базе нас ждали: всех удобно разместили, гости были довольны. Перекусив, решили обследовать места предстоящей охоты. Все, в том числе и Михаил Тимофеевич, сели в кузов грузового вездехода. Англичане оделись достаточно тепло, но на русские морозы их одежда не была рассчитана, и нам с базы в кузов бросили тулупы. Все мы их надели – кому какой достался. М.Т. Калашникову попался поношенный, неприглядный тулупчик: пуговицы болтаются на нитках, засаленные пятна. Вот в этом тулупчике его и снимали для фильма.

Отправились мы по делянкам и угожьям, ездили долго. Утомляло однообразие угодий: вырубки, поросли и т.д. Иностранные гости очень замерзли. Да и нам всем надоело путешествие по лесам, и как назло – ни одного лосиного следа, тем более ни одного живого лося. Возвращались

в сумерках. Когда до базы оставалось метров триста, я различил неясный силуэт кормящегося лося. Раздумывать времени не было. Говорю Виктору: «Давай-ка не промахнемся». И мы с ним выстрелили одновременно по разу. Лось упал. Оказалось, обе пули попали в цель. Волоком дотащили добычу до базы. Англичане принесли прожектора-осветители и начали снимать нашу работу по разделке туши. В этом деле участвовал и Михаил Тимофеевич. А за ужином, после дневного напряжения, было много оживленных разговоров. Мы с Виктором находились в центре внимания. Я пел романсы.

Но фильм снимали не о нас, а о Калашникове. Он должен был стрелять и даже убить какого-то зверя, поэтому завтра решили ехать вновь.

На этот раз не все из англичан решились провести с нами день. Мороз держался. К нашему удивлению, обстановка в лесу за ночь изменилась. Появилось много лосиных следов. Охотничья удача была вновь на моей стороне: за кустами я увидел лося. Он смотрел в нашу сторону. Поскольку лось стоял не на открытом месте, то виден был не всем. Я стал показывать Михаилу Тимофеевичу, в каком направлении надо высматривать добычу. А лось рассмотрел нас хорошенько и решил уйти, видимо, от греха подальше. В это время увидел его и Михаил Тимофеевич. Мы стали стрелять, и первым выстрелил М.Т. Калашников. Чья пуля ранила лося, сказать трудно, но ранение оказалось смертельным.

Англичане снимали все, что происходило. Трофей уложили в машину и привезли на базу. Лицензия была чужая, и лося оставили его хозяевам. А мы с Михаилом Тимофеевичем в тот день ходили по лесным дорожкам, беседовали, а нас снимали, записывали все эти разговоры. Позднее были баня, обед и ужин. Вечером решили возвращаться в Ижевск. Всю дорогу брали интервью у Михаила Тимофеевича, его шофера и у других. По приезде в город мы расстались с англичанами очень дружелюбно, обменялись визитками и стали ждать фильм про нашу охоту.

Как ни странно, но первые известия о снятом фильме пришли не из Англии, а из Австралии. Заметку из австралийской газеты вырезал и прислал Михаилу Тимофеевичу какой-то человек. В статье было написано что-то про нашу охоту. Под статьей поместили три снимка: на одном из них Михаил Тимофеевич был сфотографирован в рваном тулупе с висящей пуговицей, на другом – Н.Н. Шкляев с обнаженной головой (у него лысина) поклонился к тарелке, и наконец, на третьем снимке в какой-то нелепой позе сидит за столом Михаил Тимофеевич. Нам стало ясно, что хорошего фильма ждать не следует. Так и получилось.

Прислали фильм. М.Т. Калашников посмотрел его сам. Фильм настолько не понравился его главному герою, что Михаил Тимофеевич ни за что не соглашался показать его нам. Но сказал, что фильм о политике, а совсем не об охоте на лося.

И все же мне удалось посмотреть ленту. Каково же было мое удивление: ничего общего с заявленной темой. Идея фильма оказалась чисто политической. Об увлечении конструктора охотой было сказано вскользь, и промелькнуло всего лишь несколько кадров. Зато фильм был насыщен военными кадрами, в которых фигурировал знаменитый автомат и имя конструктора. Было очевидно, что из нашей безобидной охоты англичане попытались сделать политическую сенсацию и продемонстрировать всему миру «кровожадность» русских.

После этой истории Михаил Тимофеевич относится с недоверием ко всем иностранцам, приезжающим к нему с камерой в руках. Снимая безобидные, казалось бы, кадры о частной жизни известного на весь мир конструктора, западные телевизионщики умудряются «стряпать из них блюда, которые подаются под острым политическим соусом».

И хотя впоследствии создатель фильма господин Смит принес извинения Калашникову, объясняя подобное нарушение соглашения тем, что на него оказывали давление при монтаже фильма, Михаил Тимофеевич был очень огорчен коварством гостей.

Удручает то, что нельзя доверять людям, которые слишком часто с экранов телевизоров или со страниц печати говорят о том, что именно они несут нам правдивую информацию.

Темная сторона журналистики

Когда имя конструктора знаменитого автомата стало открытым, интерес к нему резко возрос не только у зарубежных журналистов, но и в нашем государстве, тогда – Советском Союзе. Михаил Тимофеевич сам рассказывал о том, что за границей за ним буквально бегали по пятам не только газетчики, но и просто любопытные люди, чтобы познакомиться, сфотографироваться с ним. Калашников – человек зрелого поколения – никогда не решался резко отказать в подобных просьбах. Но рассказывал, что когда аналогичная ситуация возникла у конструкторов автоматов М-16 и «Узи», те быстро нашли способ отвести журналистов и любопытных, а вот он позволяет этим «писакам» зарабатывать на нем деньги.

Журналистская братия ведет себя довольно бесцеремонно: без всякой предварительной договоренности могут приехать в Ижевск и явиться прямо на квартиру Калашниковых, чтобы взять интервью. Причем так поступают и иностранные, и российские корреспонденты. Наши еще частенько оправдываются: «Я с французами», «Я с немцами» и т.д.

Вспоминается еще одна история. Как-то приехал в Ижевск господин Мартин Гай – главный редактор одного из американских журналов, который издавался в 12 странах. Побывал он в гостях у Калашникова. Был он и у меня дома. Мы с Серафимой Павловной встретили его, как подобает по

законам русского гостеприимства. Я с ним общался на немецком языке. Беседовали о Калашникове, о России. Кстати, это был первый визит гостя в нашу страну. Откуда-то было известно иностранному корреспонденту о том, что Михаил Тимофеевич отдал мне рукопись своей книги «Записки конструктора-оружейника». Просил продать, но я, конечно, не согласился. Возили гостя в Дебессы, почевал в крестьянской избе. Угощали пельменями, перепечами и другими блюдами русской и удмуртской кухни. Охота в январе уже была закрыта, и пришлось ограничиться прогулкой по лесу, где все-таки удалось увидеть и сфотографировать лося.

С разрешения Михаила Тимофеевича я подарил ему двенадцать фотографий, где мы сняты с ним вдвоем. Все, казалось бы, способствовало тому, чтобы журналист написал правдиво и доброжелательно про Калашникова и его окружение, про удмуртский край. Но, видимо, что-то не удовлетворило заморского гостя, и написал он статью о Калашникове не просто критического, а можно сказать, неуважительного содержания. И тапочки конструктора ему не понравились, и одет не так. Таковы они, журналисты, ищущие сенсаций, связанных с именами известных людей. Михаил Тимофеевич имя свое не даст в обиду. А когда злится, то пишет исключительно хорошо. Конечно, американцу в печати был дан достойный отпор.

Вскоре после появления первого иностранного фильма о Калашникове в Ижевск приехали японцы и сказали, что у них уже отснято много материала о конструкторе АК в разных странах, но они бы хотели сделать съемки в Удмуртии. Михаил Тимофеевич понял, что может получиться еще один вариант английского политического фильма, и отказал им в личном общении, объяснив свою позицию: журналисты слишком часто искажают факты его жизни. Бывает, М.Т. Калашников просто переадресовывает корреспондентов и телевизионщиков к своему сыну Виктору Михайловичу либо посылает ко мне, объясняя, что я тот человек, который может рассказать о нем все, что нужно.

Иногда он ставил меня в неловкое положение. Помню, как американский редактор серьезного журнала просил у меня фотографию Михаила Тимофеевича. Разумеется, я спросил совета у Калашникова, он ответил: «Поступай, как хочешь». Как-то в Ижевск приехала корреспондент газеты «Челябинский рабочий». Михаил Тимофеевич был занят и попросил меня встретиться с корреспондентом, но все-таки материал для статьи он попросил предварительно показать ему, чтобы убедиться, не наговорил ли я лишнего. Статья оказалась неплохой, и Калашников дал свое согласие на публикацию. Я с пониманием отношусь к подобному контролю с его стороны: слишком частые визиты прессы иногда кажутся назойливыми, а их внезапность неприятна любому нормальному человеку. Тем более, никогда не знаешь, какие изменения может претерпеть информация, которую от тебя получили.

Чувство меры и элементарная воспитанность не помешали еще никому, а представителям прессы особенно.

На что живет Калашников

Что-то такое произошло в нашей жизни, что интересоваться, кто на какие доходы живет, стало чуть ли не нормой. Для журналистов это вообще тема перспективная. Михаил Тимофеевич – человек известный, а уж в Ижевске его имя часто на слуху.

На что живет Калашников? Я могу рассказать об этом очень немногое. И не потому, что собираюсь о чем-то умолчать. Нет. Просто рассуждения на эту тему не в моих правилах. Но в последнее время в прессе появилось немало публикаций на подобную тему, особенно, начиная с февраля 2003 года.

Конечно, общаясь столько лет с Михаилом Тимофеевичем, я был в курсе многих его дел, в том числе и материальных. Когда мы только познакомились, жил знаменитый, но «засекреченный» конструктор не скромно, а скорее – бедно. На одну заводскую зарплату. Мебели почти никакой не было. Одевались Калашниковы очень просто. Ведь семья была не маленькая – шесть человек.

Шло время, весь мир узнавал все больше о конструкторе автомата АК. Поскольку автомат запатентован не был, то никаких денежных отчислений от его производства и продаж Михаил Тимофеевич не получал. Бывало, он говорил, что если бы за каждое выпущенное изделие ему платили по 5 копеек, то, возможно, он был бы богатым человеком. Уже много позже, когда Калашников за свои изобретения стал получать государственные премии, это ощутимо поддерживало семейный бюджет. Так, получив первую премию, купил свою первую машину и кое-что из мебели. Но это все-таки были разовые вливания в семейный бюджет, и изменить благосостояние не могли.

Более существенные изменения произошли, когда наша страна заключила договор с Ливией на строительство завода по производству стрелкового оружия. Группа конструкторов во главе с М.Т. Калашниковым получила денежное вознаграждение в валюте.

Существенную прибавку к бюджету принесла Михаилу Тимофеевичу, как ни странно это звучит, водка. Глазовский ликероводочный комбинат несколько лет назад начал выпуск водки под названием «Калашников».

В поездках за границу часть расходов брали на себя либо «Росвооружение», либо та сторона, куда направлялся Михаил Тимофеевич.

Можно сказать, что с изменением общего курса нашего государства изменялось и благосостояние семьи Калашниковых. Много для этого сделал президент РФ Борис Николаевич Ельцин.

Но я думаю, что было бы несправедливо по отношению к нашему бывшему государству – Советскому Союзу – утверждать, что оно не отмечало заслуг выдающихся людей. Михаил Тимофеевич был дважды награжден звездой Героя Социалистического Труда, на родине ему установ-

лен бюст. Немало было и других наград и отличий, которыми его удостоивало государство. Неоднократно Калашников избирался депутатом Верховного Совета СССР. Это очень большая честь и почетная ответственность, а также немалые льготы и возможности.

Все мы знаем, как живут известные люди на Западе: кроме славы они достаточно богаты. У нас долгие годы существовала идеология, основанная на нематериальной заинтересованности. Что правильно, а что нет, можно долго рассуждать. Но мне хочется привести слова самого Михаила Тимофеевича, произнесенные им на 80-летнем юбилее. Я повторюсь, но считаю, что для понимания позиции Калашникова это важно.

«Когда я бываю за границей, то часто слышу в свой адрес, что я такой знаменитый и такой бедный. Я на это отвечаю: назовите хотя бы одного конструктора, к которому приезжают президент или председатель правительства, чтобы поздравить его с днем рождения. Есть ли в мире человек, в честь которого при жизни открывают музей или ставят бронзовый бюст? Нет, я богатый человек. Я богат друзьями, соратниками, признанием. И очень за это всем благодарен. Надеюсь, что мои открытия и дальше послужат Родине в деле защиты мира».

В феврале 2003 года появилась, можно сказать, скандальная информация о том, как Михаил Тимофеевич «продал свое доброе имя» немецкой компании MMI. Там, в неметчине – в городе Золинген – собираются производить зонтики, лосьон после бритья, ножи и другие товары с именем Калашникова. «В Золингене 83-летнему изобретателю показали образцы продукции под маркой “Калашников” и пообещали треть прибыли, полученной от ее продажи». Говорят, это идея малообеспеченных детей и внуков Калашникова, а сам он ни при чем. 18 февраля 2003 года в центральной газете «Известия» опубликована статья «Купец Калашников», подписанная К. Гетманским и Ю. Николаевым. Так вот, по сведениям этой газеты «...дочь, Елена Михайловна, с внуком конструктора Игорем создали структуры, которые пытаются использовать его доброе имя».

«Не сам Калашников дела ведет, а его внук Игорь Красновский, – подтвердил “Известиям” помощник Михаила Калашникова Николай Шкляев».

Прошла информация и о том, что Виктор и Неля, старшие дети Михаила Тимофеевича, хорошо обеспечены. Насколько знаю я, Виктор не бедный человек и жизнь его устроена, но Неля живет как многие миллионы в нашем государстве, сводя концы с концами.

«Каковы же сейчас доходы легендарного конструктора?» – задается вопросом газета.

«...– Зарплату завод платит хорошую, – полагает Николай Шкляев. – Только оклад 5 тысяч 800 рублей, а там премии и так далее.

...Кроме того, у Калашникова максимальная военная пенсия, ему выплачивают за звание «Почетный гражданин Ижевска» 10 «минималок» – 4 500 рублей и столько же – персональная пенсия от президента России.

– Михаил Тимофеевич – владелец евроазиатского патента на свою продукцию, – говорит Николай Шкляев. – На завод по этому патенту регулярно приходят деньги. Сумма зависит от количества выпущенной продукции и от совершенных сделок. Калашников получает 25 % этой суммы, оставшиеся 75 % делятся на семь или восемь человек, его соавторов».

В апреле 2003 года газета «Инфо-Панорама» в статье «Achtung, русские идут» Ю. Сидоров с нескрываемой гордостью за город Ижевск и завод «Ижмаш» описывает, как проходила выставка спортивного и охотничьего оружия, какой популярностью пользовался стенд нашего завода. В этом же материале высказывается открытое сожаление об описанных выше событиях: «К сожалению, фамилия конструктора звучала на выставке не только по-русски: одна из немецких фирм представляла тут ножи и часы под маркой АК-47. Выпущены они были небольшими партиями и стоили, судя по сообщениям, достаточно дорого».

Не забыла местная журналистская братия и о намерениях выпускать под фамилией Михаила Тимофеевича различный ширпотреб и даже минеральную воду вкупе с алкогольными коктейлями. По этому поводу можно лишь сожалеть, хотя, с другой стороны, наш прославленный земляк еще долго будет памятен не минералкой и зонтиками, а своим непревзойденным по сей день российским автоматом».

Можно сказать, конечно, что все это – личное дело Калашникова и его семьи. Можно размышлять иначе: имя знаменитого человека в какой-то степени – это и лицо государства. Известность накладывает определенные обязательства и на имя, и на человека, который его носит.

Отбросим язвительность прессы и задумаемся над сутью того, что произошло: наш знаменитый Калашников отдал свое имя и кому – немцам. Неужели семья Калашниковых не просто малообеспечена, а действительно так материально нуждается? Или, может быть, дело в чем-то другом?

В данном контексте на память приходят те очереди, которые выстраивались для преподнесения подарков Калашникову в его юбилей. Ведь среди подарков были довольно внушительные материальные ценности, в том числе и машины.

Газета «Жизнь» № 10 от 6 марта 2003 года опубликовала статью «Калашников: “Я не нажил себе ничего”». Это даже не статья – интервью. Приведу лишь цитату:

«– В своих книгах вы называете себя бедным конструктором. Так ли это?

– Я действительно не нажил ничего. Меня осуждают: не забочусь о потомках. А почему бы и нет? Сколько людей настроили себе дома, как в сказке? На какие средства? Какая у них зарплата? А у меня домик стоит на даче – в скворечник новым русским не годится. Я приехал из зарубежья, а там (на даче) даже теплотрасса заморожена».

Убедительный ли это ответ на вопрос: почему? А может быть, это просто раздраженное ворчание старика?

Я не берусь давать оценку происходящему. Пусть у каждого будет свой ответ на вопрос: на что же живет знаменитый конструктор Калашников, уже пожилой 83-летний человек? Но я никогда не думал, что в таком преклонном возрасте можно сожалеть о том, что мало нажил.

Признание

Бюст на родине героя

Во все времена первые лица государства: Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин ко всем праздникам присылали М.Т. Калашникову персональные поздравления. Такой чести не были удостоены даже руководители республики. Но это ко многому обязывало, а Михаил Тимофеевич – очень ответственный человек – старался не подводить тех, кто ему доверял.

В 1980 году Михаил Тимофеевич Калашников был награжден второй золотой звездой Героя Социалистического Труда. Михаил Тимофеевич сказал мне (первому), что ему позвонил Д.Ф. Устинов и сообщил, что по решению Политбюро ЦК КПСС он представлен к награждению второй золотой звездой и присвоению звания дважды Героя Социалистического Труда за комплекс оружейных изделий. Вечером этого же дня мы собрались у него дома и с женами, вчетвером, отметили важное событие. Однако тогда мне запомнился первый тост. Его произнесла Екатерина Викторовна Калашникова. Из ее слов мы поняли одно: в этой семье есть своя тайна. Михаил Тимофеевич слова жены никак не прокомментировал, и до сих пор ту семейную тайну из своего «черного ящика» не достал. Возможно, о ней никто не узнает. Но всякая тайна становится явью.

В узком кругу мы отметили высокую награду. А после этого были волнения: почти два месяца ждали из Президиума Верховного Совета СССР подтверждения указа о присвоении М.Т. Калашникову звания дважды Героя Социалистического Труда и установлении бюста на его родине. Оказывается, как часто бывает, документы гуляли по канцелярским кабинетам. Наконец, подтверждение пришло на завод.

По Положению о присвоении второй звезды Героя полагается устанавливать бюст на родине человека, удостоенного такой высокой чести. Начались разговоры об установлении его бюста. Тут-то и возник вопрос: где устанавливать? Прожив долгие годы в Ижевске, где рождались и отправлялись в производство образцы его оружия, живут близкие, друзья и соратники, Михаил Тимофеевич хотел, чтобы его бюст был установлен не в далеком алтайском селе Курья, где он родился, а в столице Удмуртии. С этой просьбой он обратился к секретарю обкома В.К. Марисову, надеясь получить положительный ответ, и даже сочинил небольшое стихотворение:

А ну-ка, Дерябин, подвинься немного!
Нам вместе придется у пруда стоять,
Ты строишь завод, уповаю на Бога,
А я опираюсь на Родину-мать!

Но В.К. Марисов отказал Калашникову, сославшись на Положение об установлении бюста на родине дважды героя.

Бюст заказали в московской мастерской скульптору Анатолию Бельдюжину. Приезжая в Москву, Михаил Тимофеевич не раз бывал в мастерской. Но работой скульптора он не совсем был доволен, считая, что сходство недостаточно. Не раз говорил об этом А. Бельдюжину, но тот аргументировал тем, что старается создать образ, выразить характер конструктора.

Знаменитого земляка встречают алтайцы

Село Курья. У здания райкома КПСС

Эти разговоры велись при каждой встрече, а законченную работу Калашников не видел. Когда пришло время ехать на Алтай, Михаил Тимофеевич переживал, что не узнает самого себя.

Земляки-алтайцы, работавшие на камнерезном заводе в Калывани, изготовили стелу для установки бюста.

Из Ижевска на открытие отправилась небольшая компания, состоящая из детей, внуков и нас с Серафимой Павловной как лучших друзей. От Удмуртии в составе делегации были: А.Д. Тухватуллина, заместитель секретаря парткома; В.И. Шерстобит, заместитель главного конструктора; М.И. Барадулин, заместитель начальника сборочного цеха; В.И. Мартынов, слесарь; Е.В. Богданов, главный специалист Министерства оборонной промышленности и представитель Министерства обороны полковник Н.Н. Шкляев. Официальная делегация не была представлена кем-либо из руководства республики. Из Барнаула в село приехали секретарь крайкома КПСС Герой Социалистического Труда И.Е. Бережняк и секретари Пospelихинского и Курьинского райкомов партии. Из Москвы на церемонии присутствовали представители министерств оборонной промышленности и культуры СССР, скульптор Анатолий Бельдюжкин.

По прибытии в Барнаул М.Т. Калашников был приглашен к первому секретарю областного комитета партии. После этой встречи нам предложили посетить выставку художников Сибири и Дальнего Востока. Интересным был наш визит в научно-исследовательский институт садоводства им. Лисавенко. Директор Калинина и научные сотрудники института показали свои многочисленные прекрасные сады. Мы увидели, что, действительно, и в суровых условиях Алтая можно создавать и выращивать отличные сорта яблок, груш, винограда и других фруктов, не уступающих по вкусовым качествам южным. Там же мы попробовали множество блюд и напитков, приготовленных из алтайских плодов.

В климате наших регионов есть сходство: суровые зимы. Не удивительно, что мы попросили прислать нам в Удмуртию некоторые сорта фруктовых деревьев, которые прижились бы в наших условиях. Алтайцы не забыли нашу просьбу, и мы с Виктором Михайловичем на своих участках посадили саженцы. К сожалению, кое-что у меня выкопали, но до сих пор радуется своим ежегодным урожаем облепиха сорта «Чуйская» из алтайских садов. Растет у нас и алтайский сорт жимолости.

**М. Калашников
и скульптор А. Бильдюжкин**

По дороге в Курью мы заехали в Поспелиху к близким родственникам Михаила Тимофеевича – сестрам Глаше и Нюре, братьям Василию и Николаю, племянникам. Первым секретарем Поспелихинского райкома КПСС Алтайского края длительное время был Александр Леонтьевич Шумилов. Он не оставлял без помощи и внимания родственников Михаила Тимофеевича. После ухода на пенсию Александр Леонтьевич переехал в Барнаул, мы с Калашниковым были у него в гостях. Дважды и он побывал в Ижевске, в том числе на 60-летнем юбилее Михаила Тимофеевича. В качестве подарка юбиляру Шумилов привез модель гусеничного трактора, изготовленную на Алтайском тракторном заводе. Сувенир был громоздким и тяжелым, но Александр Леонтьевич его бережно доставил и вручил имениннику. С земляком Калашникова

**Друзья и родственники в день открытия бюста М.Т. Калашникову.
1 августа 1980 г.**

мы ездили на рыбалку, на шашлыки. А.Л. Шумилов хорошо пел, особенно алтайские песни.

По пути в Курью нам показали стадо овец алтайской породы, на использовании которой в условиях Удмуртии я защитил кандидатскую диссертацию. В Поспелихе М.Т. Калашников выступил перед солдатами воинской части.

В Курье все мы были отлично устроены. Михаил Тимофеевич – у родственников, а остальные гости – в гостинице.

Стояла сухая жаркая погода. Курья встретила героя праздничным убранством и хлебом-солью. На переднем плане плакат: «Гордимся своим земляком. Рады приветствовать на курьинской земле». Пионеры вручили знаменитому гостю букеты цветов. В центре села, где под белым покрывалом был установлен бюст, собрались почти все жители Курьи. Торжественная обстановка, множество приветственных речей заставили поволноваться Михаила Тимофеевича. Особенно теплой была встреча Калашникова с земляком, тоже дважды Героем Социалистического Труда,

У бюста другу. Чета Соколовых и Н.Н. Шкляев

феевич сказал: «...Я думаю, моему бюсту недолго придется скучать одному, и скоро рядом с ним появятся соседи. Бюсты будут поставлены людям вашего хозяйства, где сегодня живут и трудятся три Героя Социалистического Труда».

Официальная часть была закончена. Мы шли по центральной улице, к нам подошла старушка, которая узнала Михаила Тимофеевича и, назвав его Мишенькой, рассказала, что в детстве нянчилась с ним. Калашникова это очень взволновало и порадовало: помнят еще. Он, радушно обняв старушку, ответил, что этого забыть нельзя.

Во время поездки по Алтайскому краю для нас было организовано так много интересных встреч, программа была такой насыщенной, что эти события запомнились на всю жизнь. Земляки Михаила Тимофеевича старались показать все самое интересное, что есть на его родине, которую он покинул много лет назад.

Алтайский край – это разнообразная природа: не только степные просторы, но и необычайной красоты горы. Нам было известно, что стелу и плиту для подножья бюста Михаила Тимофеевича делали в Колывани. Мы съез-

чабаном госплемзавода имени 50-летия СССР Андреем Яковлевичем Лигостаевым.

Бюст понравился Михаилу Тимофеевичу. И сам он выступил очень хорошо, растрогав всех присутствующих. Считаю, это было лучшее его выступление из всех, которые мне довелось слышать, и я жалею, что не сохранилось его записи. На открытии бюста Михаилу Тимофеевичу было присвоено звание почетного гражданина Курьи и вручена памятная лента.

А на встрече с земляками, организованной для нас после торжественной церемонии на госплемзаводе им. 50-летия СССР, Михаил Тимо-

дили на завод, познакомились с рабочими, осмотрели производство, побывали в заводском музее. Труд на заводе нелегкий: обрабатывать глыбу горной породы непросто, шлифовка камня до глянца связана с вредными условиями работы: вода, пыль... Но именно здесь, в Колывани, были изготовлены многие шедевры, ставшие известными на весь мир. Когда-то талантливыми мастерами была создана уникальная ваза для Эрмитажа, которую три года на лошадях везли в Санкт-Петербург. До сих пор это сокровище украшает гордость России – Эрмитаж. Здесь же изготовлены несколько надгробий, которые были установлены на могилы великих людей. В Колывани нам подарили небольшие обработанные плитки мрамора, которые напоминают о той поездке и гостеприимных земляках М.Т. Калашникова.

Алтай – родина еще одного известного человека. Это писатель, актер и режиссер Василий Макарович Шукшин. Я воспользовался случаем, чтобы побывать в его родном поселке Сrostки, расположенном на берегу реки Федуловки. После смерти Шукшина историки-литературоведы стали исследовать многое, что было связано с именем писателя. Стали выяснять происхождение названия Сrostки. Версий было несколько, но сейчас наиболее правдоподобной считается та, которую высказал новосибирский поэт Леонид Чикин. Он считает, что село Сrostки возникло там, где река Катунь срослась в одно русло. На участке протяженностью примерно в один километр все притоки и рукава реки Катунь срослись в одно русло с прямыми берегами.

Запомнилась нам красота природы близ Колывани. С одной стороны к ней примыкает горная гряда с богатейшей растительностью. Там, в зарослях, в поисках пищи бродят горные козы. С другой стороны это красивое село соседствует с необозримой степью.

Узнав, что в Колывань прибывает знаменитый земляк, сюда приехал местный художник. Его творчество необычно уже тем, что у него нет рук, и рисует он ногами. Картины нам понравились.

Попробовали мы и традиционные алтайские блюда. А сколько было необычных для нас тостов, например, закуржанный, стремешной...

Местные рыбаки очень хотели угостить нас ухой из пеляди, поставили много сетей, но случился непредвиденный казус: большинство сетей вместе с рыбой были украдены. Пелядь мы, конечно, попробовали, но вдоволь поесть ухи не пришлось.

Побывали мы на знаменитом озере, где, по преданию, на небольшом островке известный промышленник Демидов делал золотые монеты, а впоследствии все, кто занимался изготовлением монет, были утоплены.

Известен Алтайский край лучшим в стране радоном на курорте Белокуриха, где ежегодно лечатся тысячи россиян. Довелось и мне там побывать.

Мы путешествовали по Алтайскому краю не только на автомашине, но и поездом. Для этой цели нам предоставили целый вагон, в котором можно было и отдохнуть, и перекусить. Но все когда-нибудь заканчивается. Конечно, прием нам был оказан необыкновенный. Среди гостеприимных

Наташа не могла не танцевать. Алтай, 1980 г.

и доброжелательных людей мы чувствовали себя как дома. И можно сказать, что покидали этот чудесный край и новых друзей с сожалением.

Михаил Тимофеевич и не предполагал, что по приезде домой его ожидает другая встреча. Правильнее будет сказать, что дважды героя вообще никто не ждал. Поезд останавливался на станции Агрыз. Оказалось, что нас никто не встречает. Конечно, все мы люди самостоятельные, но дело в том, что уехать из Агрыза не так просто, хоть и находится он от Ижевска километрах в сорока. В единственном рейсовом автобусе все места были заняты, и мы с трудом уговорили водителя взять нас хотя бы стоя.

Человек так устроен, что плохое забывает быстро, а все хорошее остается в памяти навсегда. Вот и мы вскоре забыли об этом недоразумении.

А Михаил Тимофеевич еще дважды ездил на родину: однажды с Леной и Игорем, затем с Игорем на день рождения сестры Глаши. Вернувшись в Ижевск, рассказывали, что отдохнули хорошо. Ездил Михаил Ти-

мофеевич и к брату Виктору в Нижний Тагил. Это путешествие он проделал на «Волге». За рулем был Анатолий Перовощиков. С тех пор Калашников к родственникам больше не навещался, но они не забывают Михаила Тимофеевича, посещают его. Особенно много гостей с Алтая бывает на юбилеях.

Но все чаще стали приходиться с родной стороны скорбные вести. В разные годы ушли из жизни сестры Михаила Тимофеевича Глаша и Нюра, братья Николай и Василий. Умерли племянник Валентин и его жена Валентина, очень близкие Михаилу Тимофеевичу. Когда была еще жива Екатерина Викторовна, они приезжали в Ижевск ухаживать за ней во время болезни. Пришло печальное известие о смерти бывшего первого секретаря Поспелихинского райкома партии Александра Леонтьевича Шумилова. Сейчас на родине Михаила Тимофеевича, кроме племянницы Нади, родных не осталось, но воспоминания об отчем доме, детских годах, природе Алтайского края, доброжелательных открытых людях очень дороги Калашникову.

Орден Святого апостола Андрея Первозванного

В 1998 году указом президента РФ Б.Н. Ельцина Михаил Тимофеевич Калашников был награжден высшей наградой России – орденом Андрея Первозванного. О высокой награде он узнал, останавливаясь в Москве по пути в Америку.

18 декабря Калашников выехал в Москву для участия в учредительном собрании движения «Отечество», которое возглавил мэр Москвы Ю.М. Лужков. А 22 декабря орден был вручен Михаилу Тимофеевичу. Президент, награждая конструктора, сказал, что таких людей, как Калашников, в России единицы. Высокая награда Родины стала очередным этапом признания его заслуг.

Нам о процедуре вручения Михаил Тимофеевич рассказал, когда мы собрались на встречу Нового 1999 года. Конечно, рассматривали мы его с большим любопытством. Позолоченная узорная цепь и сам орден выглядят очень внушительно, но, осмотрев его внимательно, мы не обнаружили в ожерелье настоящих драгоценных камней.

Орден Святого Андрея Первозванного – самый первый российский орден. Он был учрежден Петром I в 1698 году. Выдавался и за боевые подвиги, и за гражданские отличия, считался главным среди российских орденов. Знаки ордена Андрея Первозванного состояли из следующих элементов: собственно знак (крест) ордена, основным изображением которого был Святой Андрей, распятый, по преданию, на кресте Х-образной конфигурации, и серебряная восьмилучевая звезда с помещенным в ее центральном медальоне девизом ордена «За веру и верность». Знак ордена носился на широкой голубой ленте через правое плечо, а звезда помещалась на левой

стороне груди. В особо торжественных случаях знак ордена носился на груди, на золотой, покрытой разноцветными эмалью фигурной цепи.

Первым кавалером ордена стал Федор Головин, вторым – гетман Иван Мазепа, получивший его 8 февраля 1700 года из рук Петра I. Остальные 38 кавалеров ордена, пожалованные в царствование Петра, оказались более достойными этого знака отличия. Сам Петр был отмечен орденом Святого Андрея седьмым – в 1703 году за руководство взятием двух шведских боевых судов в устье Невы. Знаки ордена на царя возложил первый Андреевский кавалер Федор Головин. Одновременно эту же награду за участие в бою получил А. Меншиков, бывший бомбардирским поручиком.

До царствования Павла I кавалерами ордена Святого Андрея стали еще 231 человек. Среди них такие полководцы, как Павел Румянцев, Александр Суворов, государственные деятели Федор Апраксин и Григорий Потемкин.

Павел начал жаловать орденами лиц духовного звания. Первым таким Андреевским кавалером стал в ноябре 1796 года митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил. Узаконено было Павлом и награждение всех без исключения младенцев мужского пола – великих князей – орденом Андрея при крещении, а князей императорской крови – по достижении ими совершеннолетия. Среди награжденных высокой наградой российского государства были и иностранцы.

Указом президента Российской Федерации Бориса Ельцина от 1 июля 1998 года орден Святого апостола Андрея Первозванного восстановлен.

В этом документе определено, что «...орден Святого апостола Андрея Первозванного является высшей государственной наградой Российской Федерации». Им «...награждаются выдающиеся государственные и общественные деятели и другие граждане Российской Федерации за исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России».

Первыми кавалерами восстановленного ордена стали академик Дмитрий Лихачев, писатель Александр Солженицын, оружейник Михаил Калашников и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

В ряду обладателей награды – патриарх Московский Алексий II, экс-председатель Совета Федерации Егор Строев, адмирал Игорь Касатонов, мэр Москвы Юрий Лужков, экс-губернатор Приморья Евгений Наздратенко, режиссер Сергей Бондарчук, певица Людмила Зыкина, народная певица России Ирина Архипова, губернатор Красноярского края Александр Лебедь, директор Института трансплантологии и искусственных органов Валерий Шумаков и другие.

Александр Солженицын – единственный, кто отказался от высшей государственной награды, которой президент России Борис Ельцин наградил писателя в день его 80-летия.

И с этим фактом у Михаила Тимофеевича было связано немало раздумий. Высокая награда – это заслуженная оценка талантливого, всемирно

известного конструктора. Однако Калашников находился в затруднительном положении, поскольку незадолго до этого писатель А.И. Солженицын публично отказался от награды, заслужив аплодисменты присутствующих, расценивших этот поступок как определенную политическую акцию. Александр Исаевич аргументировал отказ тем, что столь кризисный момент для страны – не лучшее время для получения наград.

Михаил Тимофеевич всю жизнь считал себя человеком, который служит интересам России, а не тому или иному руководителю страны, поэтому решил, что не имеет права отказываться от награды. Да и лично к Борису Ельцину Калашников испытывает добрые чувства. Ведь именно из рук президента Б.Н. Ельцина конструктор получил генеральские погоны и орден «За заслуги перед Отечеством» II степени. На юбилее Калашникова президент, прибывший по этому поводу в столицу Удмуртии, произнес проникновенную речь о заслугах юбиляра в области производства оружия.

Кроме того, добросовестно трудясь на своем месте, Михаил Тимофеевич не признает себя виноватым в развале экономики и, защищая честь страны в приоритете российского оружия, считает, что не несет ответственности за то, что его автоматом пользуются другие страны порой в агрессивных целях.

У меня по поводу этой награды есть свое мнение. Возможно, не один я заметил, что церемония вручения прошла довольно скромно. Причины могло быть две: одна заключалась в том, что А.И. Солженицын отказался от награды, а другая – участие Калашникова в организационном съезде «Отечества», на котором Михаил Тимофеевич сидел в президиуме рядом с Ю.М. Лужковым. Создание объединения Б.Н. Ельцин не поощрил, заявив об этом публично. Возможно, эти обстоятельства повлияли на тот факт, что при вручении высшей награды России президент не проявил радушия, свидетелем которого я был на юбилее М.Т. Калашникова, а ответное слово Михаила Тимофеевича осталось за кадром – по телевидению его не показали.

Сержант стал генералом

Всем известно, что легендарный АК-47 Михаил Тимофеевич Калашников создал, будучи в звании старшего сержанта. По поводу этого факта не раз была слышна ирония со стороны Запада: «Сержант армию вооружил». Ведь в этом звании М.Т. Калашникову приходилось конкурировать многие годы с такими известными конструкторами стрелкового оружия, как Шпагин, Шпитальный, Токарев, Симонов и другие. Все конкуренты имели более высокие звания.

И вот в какой-то момент знаменитому конструктору стали срочно присваивать воинские звания. Образно это можно представить так: вечером ложился капитаном, а утром просыпался майором. Продолжалось это

до тех пор, пока не присвоили звание полковника, а потом опять наступила долгая пауза.

Но плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Мечтал и Михаил Тимофеевич. Отправлялись ходатайства о присвоении ему этого звания. Все они оставались без удовлетворения. Высшее командование ссылалось на то, что Калашников не имеет высокой военной квалификации, не учился в военных учебных заведениях.

И все же Калашников стал генералом! Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин лично вручил генеральские погоны на его 75-летнем юбилее и объявил на весь мир, что Калашников – не отставной генерал, а действующий, поскольку находится в строю Вооруженных сил России. Думаю, что в истории это первый и пока единственный случай, когда 75-летнему человеку присваивают звание генерала.

И это тоже факт признания государством заслуг Калашникова. За свою трудовую жизнь Михаил Тимофеевич не раз был отмечен именными высокими наградами, которых удостоивается не каждый: две звезды Героя Социалистического Труда, буст на родине, орден Андрея Первозванного и многие другие.

Михаил Тимофеевич трудился с детства. Будучи мальчиком 6-7 лет, он уже помогал в поле, сидя на плуге прицепщиком. Маленький пахарь. И до сих пор, когда ему за восемьдесят, Калашников все «пашет и пашет». Не случайно его так тронули стихи ижевского поэта В. Тяптына:

Далекое детство. Родная Курья.
Просторы Алтая. Степные края.
Широкое поле. Весенний рассвет.
Мальчишке-погонщику только семь лет!
Как труден и долгод на пахоте день!
От жаркого солнца не спрятаться в тень.
– Держись, Михаил! Не сдавайся, дружок.
Ведь ты же мужчина! – шепнул ветерок.
Октябрь сорок первого. Танковый взвод
Отважный танкист в наступление ведет.
Вдруг пламя сверкнуло. – Ох, как горячо!
Навылет пробито осколком плечо.
Но сердцу больнее от тяжких минут –
Фашисты из шмайсеров в раненых бьют.
И нет автоматов, чтоб дать им отпор,
И горькой слезою туманится взор.
Лечиться б спокойно, а сердце горит
Желанием страстным стране подарить
Оружие грозное – свой автомат.
И вот уж в тетрадке наброски лежат...

Как труден и долог конструкторский путь!
Как много их было, пелегких минут!
Но все одолел неумный талант –
Создал автомат нам российский сержант!
Россия, гордись – это верный твой сын
Стал в мире конструктором номер один!
И знает планета: он – слава твоя.
И знает об этом родная земля.
Великий конструктор творит и живет
Великой надеждой, что мир сбережет.
А в поле конструкторском – вечный аврал...
И пашет, и пашет седой генерал!

Я думаю, что пахоту эту Михаил Тимофеевич не оставит еще очень долго. Он до сих пор полон идей и замыслов, а руки уверенно держат и любой инструмент, и автомат.

Калашников – юбиляр

М.Т. Калашникову как человеку известному всегда приходилось и приходится присутствовать на различных мероприятиях городского и республиканского масштаба. Если в «закрытый» период жизни его присутствие никак не озвучивалось и в президиуме он сидел где-нибудь в укромном уголке, то сейчас все изменилось. Теперь Михаил Тимофеевич один из самых почетных гостей не только на значительных мероприятиях местного значения, но на российских и международных.

В 1969 году Калашникову исполнилось 50 лет. Это были времена секретности всех и всего. Поэтому юбилей отмечали весьма скромно на уровне республики и машиностроительного завода в узком кругу приглашенных.

Через десять лет в 1979 году на 60-летнем юбилее Михаила Тимофеевича уже присутствовали гости из Москвы, родственники и земляки с Алтая, конструктор А. Константинов из Коврова, известный удмуртский композитор Корепанов-Камский, руководители нашей республики и города. Во Дворце культуры завода была организована выставка образцов оружия, проведена научно-практическая конференция. После завершения официальной части был дан большой праздничный банкет.

К 70-летию юбилею проводилась полномасштабная подготовка. Надо сказать, что, начиная с 1989 года, накануне каждого юбилея создается оргкомитет, который занимается организацией и проведением всех торжеств. В его состав всегда входит Лена, дочь Михаила Тимофеевича. Перед 70-летием конструктору отремонтировали квартиру, решили другие хозяйственные вопросы. В плане мероприятий были учтены все детали торжества. Можно сказать, что готовились не отмечать юбилей, а праздновать. На торжественную

часть во Дворец культуры машиностроителей мы пришли с Серафимой Павловной. Среди гостей было много представителей Министерства обороны, начальник ГРАУ и зарубежные коллеги конструктора. Народу было столько, что всех не перечислить. Впечатляла своей протяженностью очередь из желающих поздравить и одарить юбиляра. Заместитель министра обороны СССР А. Михайлов подарил именную шапку. После окончания официальной части избранные гости были приглашены на банкет.

В 1994 году отмечали 75-летие Калашникова. Торжества проводились в Удмуртском театре оперы и балета, попасть туда можно было только по приглашению. Мы с Серафимой Павловной вошли в список приглашенных как близкие друзья. Начались торжества с просмотра двух серий из четырехсерийного французского фильма, переведенного на русский язык. В зале присутствовал режиссер-постановщик. Был показан фильм А. Артамонова «Пароль – Калашников». Гостей было очень много. Поздравить Михаила Тимофеевича прибыла делегация из Москвы. Состояла она из представителей Министерства обороны во главе с П. Грачевым, руководителей других министерств, в том числе С. Степашина и В. Илюшенко. Делегацию губернаторов областей и мэров крупных городов возглавлял президент Российской Федерации Борис Ельцин. Он произнес торжественную речь, в которой

Справа от М.Т. Калашникова композитор А.М. Корсаков-Камский

очень тепло отозвался о Калашникове, напомнил о его заслугах перед Родиной, вручил орден «За заслуги перед Отечеством» II степени, поздравительные адреса и подарки, и лично вручил генеральские погоны, объявив о присвоении М.Т. Калашникову звания генерал-майора. На этом же торжестве Михаилу Тимофеевичу от Министерства обороны был подарен военный «газик» и зачитано решение о вручении именного оружия.

Были и заморские гости. Так, из Америки приехала на юбилей вдова доктора Изелла, с которым Михаил Тимофеевич был дружен, из Японии – ученый Масами Токой.

Незадолго до юбилея Михаил Тимофеевич попросил меня помочь ему в написании речи. Я сделал то, о чем он просил, но Калашников выступил по-своему, отмечая, прежде всего, свои заслуги. Конечно, они бес-

спорны. Но без десятков и сотен других людей, чей труд не менее важен и необходим, мог бы состояться конструктор Калашников? После выступления Михаила Тимофеевича слово взял директор завода Олег Игнатьевич Собин. Он неплохо говорил о юбиляре, но... поправил его, сказав, что тот забыл поблагодарить многотысячный коллектив.

Желающих выступить с поздравлениями и пожеланиями было так много, что времени для речей не хватило, и мероприятие было продолжено на банкете. Мы с Серафимой Павловной сидели за одним столом с космонавтами Георгием Береговым и Александром Серебровым. Выступали известные артисты. Во время застолья высказались все желающие, в том числе иностранные гости – американцы и немцы. Юбилей запомнился еще и встречами с интересными людьми.

**Президент РФ Б.Н. Ельцин награждает
М.Т. Калашникова**

Близкие и друзья на 70-лети у Михаила Тимофеевича

Михаил Тимофеевич с Гарри Немченко (справа)

Указом президента РФ
Б.Н. Ельцина в 1998 г.
М.Т. Калашников был
награжден орденом
Андрея Первозванного

Масами Токой дарит Михаилу Тимофеевичу альбом. В центре — Лена

Орден Андрея
Первозванного

Президент Удмуртской Респу-
блики А. Волков с конструктором
М. Калашниковым

Бравый генерал. 1995 г.

На 80-летию Михаила Тимофеевича

Мэр Москвы Ю. Лужков с юбиляром

В дни рождения Михаила Тимофеевича мы всегда собирались у него дома. Сидит Неля, крайняя справа Файруза Узбековна

Г.М. Немченко, А.Х. Фазульзянов, М.Т. Калашников, В.В. Соколов

Ректор В.В. Фокин на открытии Ижевской государственной сельскохозяйственной академии

Космонавты в гостях у конструктора. Крайняя слева летчица М. Попович, справа от М. Калашникова Г. Береговой, крайний справа народный художник С. Присекин

Михаил Калашников с конструктором М-16 Юджином Стоунером

В гостях у американского миллионера. На мотоцикле — Лена.
США, 1990 г

С визитом в Болгарии, 1993 г.

На 50-летнем юбилее ИжГТУ. Слева: ректор ИжГТУ И.В. Абрамов, проректор Б.А. Якимович, профессор Йозеф Орбан (г. Печ, Венгрия), справа от М.Т. Калашникова проректор Ю.М. Мерзляков

Все флаги будут в гости к нам... На золотой юбилей ИжГТУ съехались гости из разных стран. Рядом с конструктором ректор ИжГТУ И. Абрамов и мэр Ижевска В. Балакин

На даче у Калашникова

С внучкой Женей.
Колумбия, 1995 г.

О многом мы переговорили...

В гостеприимном доме Соколовых

Всегда рядом

С внучкой Леночкой

Серафима Павловна с любимцем

А накануне официальных торжеств мы с Серафимой Павловной, родственники и близкие друзья собрались отметить это событие у Михаила Тимофеевича дома. Только сели за стол, звонок – Георгий Береговой просил разрешения принять его. Но он пришел не один, а с Александром Серебровым, известной летчицей Мариной Попович и еще двумя друзьями. Они поздравили юбиляра, сфотографировались на память.

Только решили расходиться, вновь звонок. Это прибыла делегация именитых начальников, а через час хозяин ждал американцев.

На домашнем вечере, после моего поздравления, Михаил Тимофеевич произнес такие слова: «Ты много пишешь про баранов и о прочем животноводстве, а о своем друге написать не хочешь». Космонавты рассмеялись, им эта реплика показалась забавной, а мне его слова запали в душу. Может быть, именно после них я и решился написать книгу.

75-летний юбилей М.Т. Калашникова праздновался широко, проводилось очень много встреч, различных мероприятий. Мы поражались тому, как юбиляр все это выдерживает?! На отдых не было ни минуты, но Михаил Тимофеевич праздничные испытания выдержал достойно.

В 1994 году мэр города Ижевска Анатолий Иванович Салтыков огласил постановление о создании музея-квартиры Михаила Тимофеевича Калашникова. Квартира состоит из трех комнат, но не может вместить все стенды с экспонатами, имеющими отношение к прославленному оружейнику. Поэтому 20 марта 1996 года городской думой принято постановление о строительстве в центре Ижевска музейно-выставочного комплекса Калашникова.

Большие торжества прошли в Ижевске в 1997 году, когда Ижевскому машиностроительному заводу исполнилось 190 лет, а автомату Калашникова – 50. Высокие московские гости: Виктор Черномырдин, Яков Уринсон, Сергей Шойгу, главы республик и областей, большое количество иностранцев, друзья и родственники приехали в столицу Удмуртии, чтобы поздравить и Михаила Тимофеевича с юбилеем его автомата, и завод – с большой исторической датой.

Торжественное мероприятие началось на площади у собора Александра Невского с выступления архиепископа Николая. Затем было показано театрализованное представление на берегу пруда у памятника основателю оружейного завода А.Ф. Дерябину. У здания заводоуправления состоялось открытие мемориальной доски в честь дважды Героя Социалистического Труда, бывшего генерального директора Ижевского машиностроительного завода И.Ф. Белобородова. В выставочном зале «Ижмаш-Авто» открыли выставку-ярмарку промышленной продукции, в Государственном национальном музее Удмуртии – выставку «История ижевского оружия», в выставочном зале Центра декоративно-прикладного искусства и ремесел – выставку изделий мастеров Увинского и Игринского районов. В конференц-зале «Ижмаша» прошли пресс-конференция и презентация книги

М.Т. Калашникова «От чужого порога до Спасских ворот». Там же проходила и научно-техническая конференция «Развитие производства оружия в России и законодательство об оружии». В эти дни были организованы экскурсии по знаменательным местам Ижевска и Воткинска с посещением музея-усадьбы П.И. Чайковского. А в театрах и концертном зале Удмуртской государственной филармонии каждый вечер шли спектакли и большие концертные программы с привлечением лучших мастеров сцены Удмуртии. Заключительным мероприятием для именитых гостей стал банкет, а на следующий день родственники и близкие друзья отметили весомую дату в узком семейном кругу.

Когда руководство республики приняло решение о строительстве в Ижевске музея оружия Калашникова, то его проект был поручен институту «Удмуртгражданпроект». Строительство музея началось на улице Бородинна, где проживал Михаил Тимофеевич, когда переехал в Ижевск из Подмосковья. Возведение музея ведет крупное строительное управление. Объект стал тем, что у нас называют долгостроем. Но президент А. Волков обещал закончить строительство в 2004 году.

Я присутствовал на закладке фундамента музея и стал свидетелем памятного события, когда сам Калашников заложил в фундамент специально изготовленную гильзу с письмом-обращением к потомкам. Прочтут они его через пятьдесят лет. Прозвучала новая песня на стихи удмуртского поэта В. Тяггина, посвященная Калашникову, было много выступающих и среди них – мэр города Ижевска Анатолий Салтыков.

С необыкновенным размахом прошло празднование 80-летнего юбилея в 1999 году.

Накануне юбилея в Ижевске состоялось открытие муниципального выставочного центра и его первой экспозиции, посвященной М.Т. Калашникову, под названием «Человек-легенда. Страницы жизни». На одном из корпусов завода, производящего оружие, была открыта памятная доска, на которой в натуральную величину изображен АК-47.

Чтобы поздравить конструктора с большой датой, приехали председатель правительства России Владимир Путин, министр обороны Игорь Сергеев, мэр Москвы Юрий Лужков, представители руководства областей и республик, друзья и соратники конструктора, зарубежные гости.

День рождения Михаила Тимофеевича начался с молебна за здравие в ижевском соборе Александра Невского, а в здании старинного Арсенала, ставшего ныне Национальным музеем Удмуртии, открылась выставка образцов оружия Калашникова, насчитывающая более ста модификаций. Затем в Государственном совете Удмуртской Республики прошел прием награжденных медалями имени прославленного конструктора. Это 25 мастеров оружейного дела, соратников Михаила Тимофеевича.

Закончились юбилейные торжества в Удмуртском театре оперы и балета, куда были приглашены все мы: родственники, друзья, гости. Много

хороших, добрых слов, пожеланий было произнесено в адрес почтенного юбиляра. А его богатейшая коллекция самых разнообразных подарков пополнилась новыми. В этот день министр обороны РФ Игорь Сергеев вручил Михаилу Тимофеевичу погоны генерал-лейтенанта. Юбилейные торжества были широко освещены всеми средствами массовой информации Удмуртии и России.

В заключительной речи, обращенной к своим гостям, М.Т. Калашников произнес такие слова: «Когда я бываю за границей, то часто слышу в свой адрес, что я такой знаменитый и такой бедный. Я им на это отвечаю: назовите хотя бы одного конструктора, к которому приезжают президент или председатель правительства, чтобы поздравить его с днем рождения. Есть ли в мире человек, в честь которого при жизни открывают музей или ставят бронзовый бюст? Нет, я богатый человек. Я богат друзьями, соратниками, признанием. И очень за это всем благодарен. Надеюсь, что мои открытия и дальше послужат Родине в деле защиты мира. Ведь я собираюсь прожить до 150 лет, так что время у меня еще есть».

В эти дни Михаил Тимофеевич передал множество личных вещей небольшому действующему музею. Среди них мебель, книги из его библиотеки с автографами авторов или дарственными надписями, телевизор, часы, лампа настольная, печатная машинка, множество фотографий. И, конечно, большое количество сувениров, подаренных ему друзьями, соратниками, предприятиями и организациями. Тут и изумительной красоты вазы, и картины известных мастеров живописи, и оригинальные работы по дереву, металлу. Из домашней коллекции взяты экспонаты для стенда холодного оружия и стенда образцов патронов разного калибра.

В музее много приветственных адресов к юбилейным датам М.Т. Калашникова, в том числе от Юрия Владимировича Андропова, Михаила Сергеевича Горбачева, Виктора Степановича Черномырдина. И что особенно ценно, важно и очень интересно – собраны публикации из газет и журналов за многие годы, касающиеся Михаила Тимофеевича либо его изобретений. Тут же находятся его рабочие документы и переписка.

На видном месте в музее расположен макет нового музейно-выставочного комплекса. В объявленном конкурсе на лучший проект победил архитектор П.И. Фомиш. Оригинальность, необычность и в то же время простота исполнения взяли верх над вычурными и дорогостоящими сооружениями, предложенными другими участниками конкурса.

В доме-музее бывает немного посетителей, но его создатели и не ожидали, что сюда хлынут многочисленные делегации. А накопленные там материалы, огромное количество интереснейших экспонатов станут довольно солидным заделом для музейного комплекса. Да и у Михаила Калашникова найдется, чем его пополнить. Полный арсенал стрелкового оружия, изобретенного под его руководством, займет достойное место в новом музее.

Фонд имени М.Т. Калашникова

В июне 2002 года при непосредственном участии известного конструктора-оружейника создан межрегиональный общественный фонд имени М.Т. Калашникова. Михаил Тимофеевич согласился дать свое имя фонду, искренне веря в то, что эта организация поможет собрать под знамена всех тех, кто неравнодушен к истории России и судьбе будущих поколений.

Фонд имени М.Т. Калашникова – это некоммерческая организация, учрежденная в известном оружейном центре России – городе Ижевске и имеющая филиалы в Москве и Санкт-Петербурге.

Целями фонда являются: развитие оружейного дела в России; сохранение имени Калашникова, других известных российских конструкторов-оружейников в отечественной и мировой истории; защита, охрана и пропаганда традиций и идей российской оружейной школы; совершенствование законодательной базы РФ в оружейной сфере; обеспечение граждан информацией по оружейной тематике; патриотическое воспитание подрастающего поколения; развитие международных связей между оружейниками; развитие и поддержка оружейного спорта; организация и развитие стрелковой подготовки граждан.

Наверное, можно сказать, что цели фонда – это программа-максимум. Определены и ближайшие задачи – программа-минимум: содействие строительству музея М.Т. Калашникова в Ижевске и создание на его базе оружейного центра имени М.Т. Калашникова; популяризация жизненного пути и творений Михаила Тимофеевича, а также других российских изобретателей, конструкторов, ученых; помощь начинающим свою творческую жизнь талантливым студентам; создание системы поощрений (премия Калашникова, стипендия Калашникова и другие) для выдающихся конструкторов и перспективных студентов; работа с образовательными, общеобразовательными и специальными учебными заведениями по воспитанию молодежи в духе любви, уважения к родине, ее историческому и техническому наследию.

Альбом «Оружие Калашникова»

К 50-летию юбилею автомата российского конструктора-оружейника Михаила Тимофеевича Калашникова был подготовлен альбом «Оружие Калашникова», составленный Алексеем Неделиным и изданный в московском издательстве «Военный парад». Это капитальный труд об оружии, изготовленном под руководством Калашникова. К тому же – прекрасно иллюстрированное издание.

В книге представлены образцы оружия, которые в полной мере отражают не только конструкторские достижения, но и жизненный путь Миха-

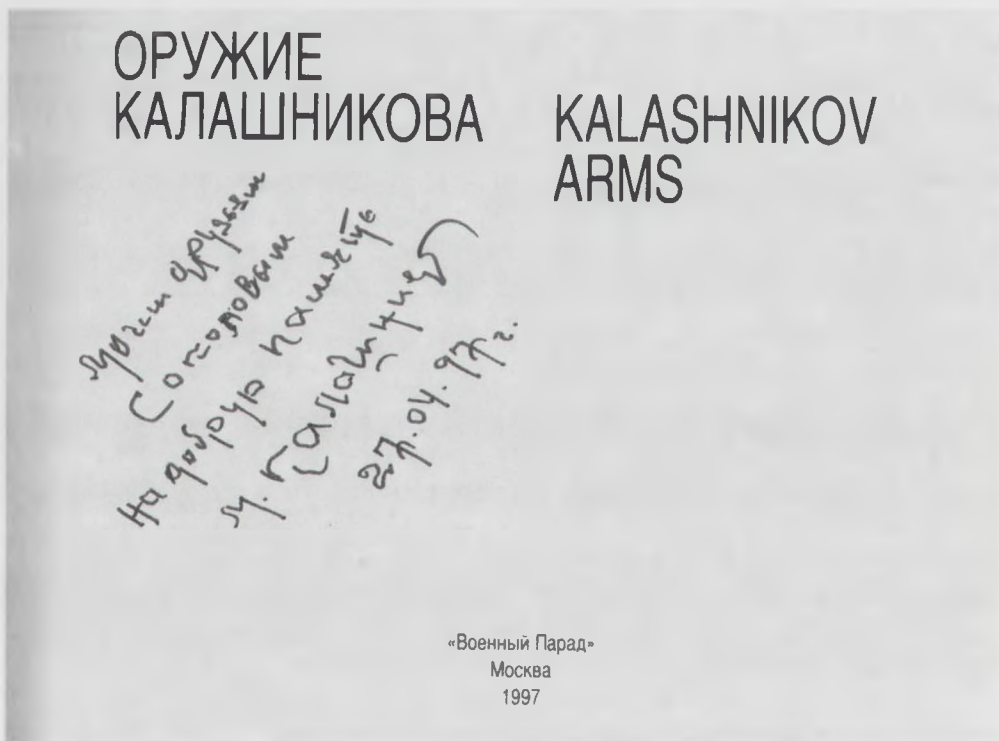
ила Тимофеевича. Листая альбом, мы можем проследить, как М.Т. Калашников упорно работал над каждым новым образцом оружия, доводя свой автомат до совершенства.

Альбом позволяет представить тот путь, который проходит новый образец от первых конструкторских разработок до внедрения его в серийное производство.

Многие образцы оружия М.Т. Калашникова представлены впервые. Подобное издание с фотографиями изделий, полным описанием всех характеристик оружия и его работы, датами выпуска и принятием на вооружение – хорошее пособие для специалистов оружейного дела и полезное издание для всех, кто интересуется историей отечественного оружия. Возможно, это пока единственное издание подобного типа.

Эпиграфом к альбому «Оружие Калашникова» послужили слова конструктора: «Я люблю свое дело, я отдал ему всю жизнь и, конечно, горжусь тем, что мне удалось достичь в нем определенных успехов. И все же я был бы счастлив дожить до такого дня, когда людям больше не нужны будут ни мои автоматы, ни любое другое боевое оружие...»

Что ж, быть может, и настанет такое время, и дай бог. А это уникальное издание останется навсегда потомкам в память о конструкторе-оружейнике Михаиле Тимофеевиче Калашникове – человеке талантливом, работоспособном, не успокаивающемся на достигнутом, прославившем свою страну.

Есть и у меня экземпляр этого издания с дарственной подписью Михаила Тимофеевича. Это будет мне и моим детям вечной памятью о нашей долгой дружбе.

Книга Изелла «История АК-47»

Я уже рассказал, кто и как пишет о Калашникове в Удмуртии, в Москве. Осветил немного, что первым делом интересует нашу прессу, судя по публикациям. Но ведь пишут о нашем конструкторе и за рубежом. Конечно, я не могу утверждать чего-либо в отношении иностранной прессы, но там есть люди, которые интересуются не только частной жизнью Калашникова, но и его работой. Причем они стараются не просто что-то описать, рассказывать, а систематизируют деятельность мастера-оружейника.

Подробнее останавлиюсь лишь на книге доктора Э. Изелла, изданной в США в 1986 году. Михаил Тимофеевич получил ее в подарок от автора в переводе Н.В. Юдиной. Название книги – «История АК-47» – уже говорит о ее содержании. Это не первое издание Изелла, в котором он пишет про автоматы. Книга «История стрелкового оружия мира» была издана ранее.

Известный американец описал непростую судьбу Михаила Тимофеевича, его путь на пьедестал, достижения. Кто такой Михаил Калашников? Какие факторы определили карьеру М.Т. Калашникова? Изобретения Калашникова – что это такое? Стрелковое оружие СССР, какое оно? Ответы на эти и другие вопросы даны в большом и редком издании.

Изелл начинает книгу с описания производства стрелкового оружия в Российской империи со времен вторжения Наполеона в 1812 году до русской революции 1917 года. Следующую главу посвящает процессу перестройки военной промышленности во время гражданской войны и созданию самозарядной винтовки в 20–30-х годах, заменившей модель Мосина–Нагана образца 1891 года. Дальше появляется имя Калашникова в связи с описанием попыток создания автоматического оружия и, наконец, речь идет о первом варианте АК-47. Эволюция серии автоматического оружия Калашникова описана в главе четвертой. В пятой Изелл рассказывает о глобальном распространении оружия типа АК, доказывает, что за период с 1945 года по настоящее время Советский Союз (ныне Россия) стал главным экспортером как вооружения, так и технологии его промышленного производства. Различное оружие, созданное конструкторским бюро Калашникова, основой действующего механизма которого является АК-47: РПК 7,62×39 мм, серия пулеметов под 7,62-миллиметровый патрон и СВД 7,62×54 мм, описываются в следующей главе.

«Однажды полушутя было сказано, что американцы экспортируют кока-колу, японцы экспортируют “Сони”, а Советы экспортируют “Калашникова”», – так заканчивается книга Э. Изелла.

От Заречнова Калашникову

Имя и дела Михаила Тимофеевича Калашникова вдохновляют многих творческих людей. Художники воплощают образ конструктора на холсте, режиссеры на киноплёнке, скульпторы в камне или металле, а поэты, конечно же, в стихах. Наш общий с Михаилом Тимофеевичем друг А.М. Заречнов посвятил ему не одно поэтическое послание. Хочу представить на ваш суд фрагменты некоторых из них. В них есть немного пафоса, смешаны высокий стиль и просторечие, где-то проскальзывает ирония и шутка. Наверное, это то, что называют домашними стихами. Что ж, пусть так, но эти строки написаны от души.

*Прекрасному человеку с самой большой буквы!
Великому конструктору!
Генералу государства Российского!
Лирику, сатирику, рыболову, остролову,
Охотнику, огороднику, дамскому угоднику,
Музыканту, играющему на мандолине,
Поклоняющемуся таланту и Святой Магдалине,
Михаилу Тимофеевичу Калашникову посвящаю.*

В юности пахали и косили,
Крестьянских не чурались работ,
В Россию славу приносили,
Благодарен Вам за то народ!

Все страницы жизни пролистали —
Темных пятен в вашей жизни нет.
Вы героем Всероссийским стали!
Мировой у вас авторитет!

Вы планету всю исколесили,
Всюду Вам и слава! и почет!
Но роднее нет для Вас России:
В Ваших жилах кровь ее течет!

Молодым за Вами не угнаться,
Любите в застолье посидеть,
Летом в огороде покопаться
И дуэтом с Соколовым спеть.

Дружбой с ним Вы связаны навечно –
Невозможно вас водой разлить.
Бога просит Александр Заречнов
Лет до двести жизни Вам продлить.

Чтоб была удачливой рыбалка,
Чтоб ловились щуки и сомы.
Мне б для Вас и триста лет не жалко,
Чтоб сберечь великие умы!

Знаю, что не будете воспеты
Вы, пока живете под Луной.
К Вам с любовью Александр Заречнов,
Тоже искалеченный войной.

* * *

Автомат Калашникова точен
Он врагу пощады не дает.
Сам конструктор прочен, непорочен,
Даже в день рожденья мало пьет.

К женщинам он очень благосклонен,
И они ему любовь дарят
За себя Калашников спокоен,
Не утратил свой мужской заряд!

На лице – морщины. В сердце – складки.
Плакаться в жилетку не привык.
Любит наводить во всем порядки
И не одобряет моды крик.

Импозантный, очень аккуратный,
Говорит, как будто бы поет.
В мировой элите очень знатный,
Весь себя работе отдает.

Выглядит спортивным и здоровым,
Кажется, что вечно молодой.
Сорок лет он дружит с Соколовым,
Невозможно их разлить водой.

По нутру им музыка и лира,
И охота, и рыбалка тож.
Оба пообъездили полмира,
Ненавидят чванство, лесть и ложь.

За столом поют они дуэтом,
Но не напиваясь до пьяна.
Не задаром прожили на свете –
Родине отдали все сполна.

К Новому 1999 году

...Начинайте год с улыбки нежной.
В зной, в мороз и в дождик проливной,
Жили б Вы, как в сказке безмятежной,
Счастливо, под Солнцем и Луной!

Пусть душа от радости смеется,
И не угасает Ваша прять.
Сердце учащенно пусть не бьется,
Чтоб весь год с любимой нежным быть.

Чтоб весь год играть на мандолине,
С Соколовым песни распевать,
И его прекрасной Серафиме
Почести земные воздавать!

По фронтовым дорогам

Начало пути

Но миллионам человеческих судеб прошли тяжелые гусеницы войны, многие сгнули в ее жерле. И я, и Михаил Тимофеевич – мы прошли через многие испытания.

О военном пути моего друга я рассказал лишь толику. О своей военной судьбе он лучше расскажет сам. Конечно, не все пережитое можно передать словами или на бумаге, но нас, прошедших войну, остается все меньше и меньше, и немногие берутся за перо. Я считаю своим долгом рассказать хотя бы о некоторых военных эпизодах...

В 1943 году меня из воинской части, дислоцируемой на станции Сурок Марийской Республики, перевезли в другую часть. Она называлась 10-я учебная бригада и дислоцировалась в Гороховецких лагерях Ивановской области, недалеко от станции Ильино. Я проходил службу в учебно-минометном полку этой бригады. Командовал ею полковник Алуцкнис. В бригаде было подразделение, укомплектованное латышами. Их тоже готовили на фронт. Но они обладали некоторыми привилегиями, преимущественно в питании. По окончании службы в учебном полку я должен был стать командиром минометного расчета 82-миллиметровых минометов. Для человека моего роста и веса служба была исключительно тяжелой, поскольку ежедневно нужно было носить на себе на учебный полигон тяжелые детали этого миномета: ствол, лафет, плиту и лотки с минами. Самой тяжелой частью был лафет, а самой неудобной для ношения – ствол. Когда доходила очередь нести эти составные части миномета, мне приходилось за пайку хлеба нанимать более высокого и физически сильного солдата, беря на себя ношение лотков.

Учебный полигон находился в нескольких километрах, и переноска на себе столь тяжелого снаряжения изнуряла солдат. А питание было недостаточным, мы испытывали постоянное желание где-нибудь что-нибудь раздобыть. Чувство постоянного голода преследовало нас, и это было очень тяжело. Конечно, мечтали попасть в наряд на кухню: чистить картошку, топить печи, мыть котлы. В этом случае что-нибудь да перепадало, но потом обязательно были проблемы с желудком. Все мы мечтали быстрее отправиться на фронт, чтобы избавиться от постоянно мучающего чувства голода.

Часто обессиленные солдаты, неся на себе миномет, падали, не дойдя до цели. Обычно таких уводили или уносили в медсанчасть, и если медработники убеждались в том, что солдат не сможет таскать миномет, его переводили на учебу в землянку, или в так называемую роту «доходяг». Помимо того, что им не приходилось ничего таскать на себе, а все занятия проводили в землянке, их отпаивали настоем из сосновых веток – таким своеобразным витаминизированным отваром. Тех, кто болел более серьезно, да еще заражался чесоткой, переводили в изолятор до излечения.

Часто бывали воздушные тревоги, особенно в вечернее и ночное время: это немецкие самолеты летели бомбить город Горький (Нижний Новгород). По тревоге мы переселялись из землянок в убежище.

От недостаточного питания многие солдаты болели «куриной слепотой». И вечером, с наступлением темноты, они ничего не видели. Меня эта болезнь миновала, в связи с чем за мной были закреплены человек пять «слепых», которых я за веревку должен был отвести в убежище, а после отбоя воздушной тревоги привести обратно.

Минометную школу окончил на «отлично», став командиром минометного расчета. Мне было присвоено звание старшего сержанта. Я уже был зачислен в маршевую роту – подразделение, предназначенное для отправки на фронт, предположительно, на Курскую дугу. Ожидал этого момента с нетерпением. Но тут случилось непредвиденное: меня как отличника и комсомольца и еще одного сослуживца командир повел на комиссию, которая отбирала бойцов в какое-то особое подразделение. Когда подошла моя очередь и я вошел, то первое, что услышал: «Мал». Председатель комиссии спросил: «Где ты такой маленький вырос?» Оказалось, что мы земляки, и я сразу «подрос». «Сколько тебе лет? – спросили меня. После того, как я ответил, что мне семнадцать, он сказал: «У нас вырастет». Эта комиссия во многом определила мою дальнейшую военную судьбу.

Кремлевский полк

Вместо Курской дуги я оказался в Москве, где никогда раньше не был. На Курском вокзале нас встречали какие-то холеные военнослужащие. На вопросы о том, куда нас повезут, зачем, ничего не отвечали. Дождавшись еще одного состава из какой-то части, мы, вместе с вновь прибывшими, сели в кузов, и машина поехала в центр Москвы. С удивлением я смотрел на мрачные улицы столицы. С удивлением и с восхищением я впервые увидел Кремль. Неожиданно машина повернула в Боровицкие ворота. Проверили машину, наши документы и пропустили на территорию Кремля. Мы не знали, что и думать. А машина тем временем въехала во двор Большого Кремлевского дворца. Нас попросили выйти, построили. Объявили, что вымоют, переоденут, накормят и ночью отправят за пределы Москвы. В эту ночь нас перевезли в лагерь под город Ногинск Московской области, где в течение месяца мы проходили обучение.

Очевидно, в это время шла серьезная проверка биографии каждого. Значительную часть из нас куда-то отправляли, видимо, не все подходили для службы в Кремле. Через месяц после проверки нас перевезли в Кремль. Дальнейшая служба проходила в Кремлевском полку специального назначения, но в различных его подразделениях. Командиром Кремлевского полка в то время был полковник Косынкин.

Не знаю, за какие заслуги, но меня определили для учебы в школу специального назначения этого полка. По окончании школы большинство курсантов становились офицерами, их переводили в офицерский батальон, и дальнейшая служба продолжалась в Кремле. Полк нес службу по охране Кремля, правительства и выполнял другие специальные задания. Почетно было стоять у Мавзолея Ленина на посту № 1. Но школа, в которой я учился, выполняла другие функции.

Находилась она в Большом Кремлевском дворце на 3-м этаже. Моей койка была совсем близко к Спасской башне, так что к бою кремлевских курантов я привыкал долго. Утром мы шли на физзарядку в Тайницкий сад, строевой подготовкой занимались на Соборной площади. Большое внимание уделялось нашей физической подготовке. Проходили ежедневные занятия в спортивном зале. После чего – бассейн. Почти ежедневно занимались стрельбой из пистолета в тире, для тактической подготовки нас вывозили в тот самый лагерь под Ногинском. Очень подробно разбирали на занятиях действия нашей разведки, предотвратившей покушение на руководителей союзных государств в Тегеране, которое готовили немецкие разведчики.

Несмотря на военное время, экипировка курсантов была на самом высоком уровне. Каждому выделялся шкаф, состоящий из нескольких отделений. В них находилась парадная, повседневная, рабочая форма и т.д.

Питание несравнимо отличалось от того, которое было в учебном полку, откуда я прибыл. Столовая находилась под землей, куда мы спускались на лифте. Устраивали для нас и развлечения: показывали фильмы, иногда даже водили на танцы. Ходить по Кремлю в одиночку было строго запрещено, поэтому солдаты и курсанты передвигались строем. Основная часть полка проходила службу в Арсенале. Как-то возле этого здания разорвалась бомба, сброшенная немцами с самолета. Я видел на стенах повреждения от разрыва.

Мы ходили дневальными по школе. Дневальный должен был четко выучить 4 рапорта: Сталину, Берии, коменданту Кремля генералу Спиридонову и командиру полка полковнику Косынкину. За время моей службы не пришлось рапортовать ни Сталину, ни Берии.

Увольнение в город на 2 часа давали только после того, как военнослужащий пройдет значительную часть обучения в Кремле. Упаси боже, опоздать: нужно было сообщать в письменной форме, где был, с кем встречался, их адреса.

Во время строевых занятий на Соборной площади нам часто приходилось наблюдать, как выезжают правительственные автомобили, в которых могли находиться руководители государства. Часто говорили: «Вон проехал Сталин», но поскольку стекла машин были тонированы, то я этого не видел ни разу.

А вообще увидеть живого Иосифа Виссарионовича довелось дважды. Школа стояла в оцеплении, когда хоронили одного из руководителей государства – Ярославского. Сталин был среди тех, кто нес гроб. Второй раз это случилось во время визита в Москву чехословацкого президента Бенеша. В то время Чехословакия приняла решение воевать на стороне Советского Союза, командовал войсками генерал Свобода. Видел я сурового правителя мертвым в Мавзолее.

Хочется еще сказать и о том, что во время войны Мавзолей был закрыт и Ленина там не было, хотя службу несли в обычном порядке.

В 1944 году наша страна стала отмечать салютом долгожданные победы над врагом. Он производился артиллеристами Кремля. Я до сих пор помню ощущение восторга от увиденного зрелища.

Фронт

Из Кремля меня и еще нескольких человек отправили на Западный фронт. Маршевые роты к передовой перевозили в теплушках. Устраивались в вагонах кто где: на нарах, если они были, или на соломе. До цели было еще довольно далеко, и солдаты, не ощущая близости фронта, балагурили, пели, на стоянках флиртовали. Но чем дальше мы продвигались на запад, тем ближе был фронт и тем тревожнее становилось на душе, приглу-

шеннее звучали голоса. К фронтовым позициям эшелоны подъезжали только ночью.

Поезд остановился в лесу. Нам выходить было пельзя. Возле вагонов бегали офицеры в белых полушубках, каждый со своим списком. Они выкрикивали фамилии солдат, и те строились у вагонов. Было темно, тревожно. Прозвучала и моя фамилия. Нас построили, дали команду к маршу, и мы пошли.

Путь лежал к реке Проне. К передовой подразделения продвигались по ночам. На заре подходили к какому-нибудь населенному пункту и размещались на дневку. Днем солдаты отдыхали: сушили одежду, ремонтировали ее по необходимости. Спали вповалку в хате на полу.

Видел я и тех, кого с передовой отправляли в тыл. Это были измотанные боями, раздерганные подразделения. В тылу этих людей отмывали, переодевали, давали возможность немного передохнуть, формировали новые отряды и вновь отправляли на фронт.

Чем ближе была передовая, тем жестче правила. В прифронтовой полосе по ночам часто пускали осветительные ракеты. В этом случае нужно было упасть и не шевелиться. Так, передвигаясь ночью, таясь, мы подошли вплотную к передовой, к своим позициям.

Траншея была засыпана снегом. Пришлось ее чистить. Ночью на двоих солдат выделяли небольшую ячейку в окопе. Чтобы не лежать в снегу, подстилали ветки сосны или ели. Тут же под рукой находились патроны, гранаты. Спать не разрешалось. Рядом были блиндажи, в них мы перебирались днем на отдых. До рассвета на кухню за едой отправлялись дежурные. Полевая кухня находилась километрах в трех-пяти от позиций. Еду готовили ночью, чтобы не выдать своего присутствия.

Кормили нас неплохо, давали даже сосиски, американскую тушенку. Что удивительно, было много продуктов, которые поставляла Америка. Каждый день на человека полагалось 100 грамм водки. Я не пил совсем, и мою пайку выпивали товарищи.

Фронт – это не только непрерывные бои, это и просто ожидание в окопах. Окопы и блиндажи – это земля. Так жили мы не одну неделю. Приходя на кухню за едой, встречались с солдатами других подразделений. Казалось, что выглядят они ужасно: в грязной, иногда рваной и не по размеру одежде. Но точно так же выглядели и мы.

Выезжая из Москвы в войска, я был экипирован очень хорошо. Но, прибыв в часть, мне пришлось расстаться со всеми своими вещами. Осталась у меня только мыльница, она дошла со мной до конца войны. А на позициях наше обмундирование было, конечно, не с иголки. Соответственно, и выглядели мы не очень бравыми молодцами. Я, при небольшом росте, был одет в ватные штаны, подвязанные веревкой, которые могли уместить меня всего. За зиму только один раз нас водили в баню-палатку, но и баня, и вода оказались настолько холодными, что помыться как следует не удалось. Конечно,

условия были суровыми, и нам приходилось нелегко. Но единственное, на что мы жаловались, так это на отсутствие боевых действий. Все рвались в бой. Особенно те, кто еще не нюхал пороха. Сидеть в окопах – скучно, это изматывает, снижает боевую готовность и боевой дух.

Наши позиции находились в 150 метрах от противника, и разделяла нас только река Проня. Не раз мы видели, как споняют женщин и детей на какие-то работы. Иногда немцы сбрасывали в окопы пропагандистские листовки. На подступах к нашим и немецким окопам были минные поля. Днем с той и другой стороны выдвигались снайперы. Можно сказать, что мы чувствовали их присутствие. Немецким снайперам помогали корректировщики, которые трассирующими пулями обращали их внимание на тот или иной объект.

На всю жизнь в моей памяти остался один выстрел снайпера. В ячейке нас было двое молодых солдат. Решили мы с товарищем пострелять по окопам противника: а вдруг кого и зацепим. На стрельбу немцы обратили внимание, и корректировщик трассирующей очередью дал снайперу ориентир в нашу сторону. Я сделал несколько выстрелов и присел в окоп перезарядить винтовку. Товарищ мой в это время стрелял по противнику. Вдруг чувствую, что он на меня садится. Не понимая, что происходит, я оттолкнул его, и он упал. На спине из разорванной пулей шинели сочилась кровь. Он был мертв...

Я испытал не страх, а настоящий ужас – это была первая смерть так близко от меня. Только что он был жив, разговаривал со мной, и вот его тело уносят санитары...

После войны я приезжал в эти места с женой. Нашел свой окоп. Набрал земли, согретой солнечным теплом, и храню ее.

Однажды поутру к нашей траншее привезли на лошадях пушку-сорокапятку, а с ней и боевой расчет, командиром которого был лейтенант Похилько. Подобрали позицию для пушки, установили, даже пристреляли. А на следующий день рано утром по нашим позициям был открыт шквальный артиллерийский огонь. Кого-то накрыло сразу в окопе, остальные побежали в блиндаж укрыться от обстрела. Но огонь велся так интенсивно, что блиндаж оказался опасным местом – он разрушался. Сверху сыпалась земля, падали бревна. Все стали выскакивать наружу, но некоторые оказались заживо засыпанными землей и бревнами. Я успел сделать только несколько шагов, как на меня упало что-то тяжелое, и больше я не мог пошевелиться. Вся нижняя часть тела и спина оказались под землей и бревнами. Так я и пролежал до конца обстрела.

...Стало тихо. Слышно только, как осыпается земля. Кто-то стонал, кто-то звал санитаров. Я открыл глаза, дым постепенно рассеивался. Мое тело было присыпано землей, но я мог пошевелить левой рукой. Земля была во рту, на лице, дышать было тяжело. Санитары и те, кто мог нормально передвигаться, стали откапывать мертвых и раненых.

Дошла очередь и до меня. Кровавых страшных ран на мне не было: ныла спина и очень болела нога, посиневшая от травмы. Конечно, в медсанбате первое внимание уделялось тяжелораненым. Я долго лежал, потом мне оказали помощь. Разумеется, в свои 18 я не думал о последствиях полученного ранения. Но со временем повреждение позвоночника сказалось на моем здоровье: правая нога сохла и стала на два сантиметра короче.

Примерно через неделю нашу часть сняли с этого участка. Бойцов повели в деревню Каменка. Я ковылял с костылем в одной руке и палкой в другой. В Каменке нас, уцелевших, построили, и незнакомый капитан вызвал меня из строя. Мне не хотелось уходить от своих, ведь столько всего я с ними пережил, они стали для меня родными. Но рядом стоял пожилой солдат, он сказал: «Иди, сынок, может повезет, и жив останешься».

Капитан Фирсов, позже я узнал его фамилию, повел меня в деревню Мальковку, в штаб семидесятого стрелкового корпуса. Дело в том, что в штабе могли работать только раненые или выздоравливающие солдаты. Из личного дела было известно о моей учебе в Кремле, вот, видимо, и решили, что я пригожусь в штабе.

Под руководством капитана я занимался ежедневным составлением оперативных сводок, в которых отражалась численность и техническое оснащение подразделений корпуса, а также потери в живой силе и технике. Работа была секретной, поскольку, по сути, это были сведения о боеспособности корпуса на данном участке фронта. Так, выполняя службу в штабе, я выздоравливал и набирался сил.

Война шла уже не один год, и моя военная судьба за это время переменилась не один раз. Минометную школу я закончил командиром минометного расчета в звании старшего сержанта. Но дальше моя служба проходила в Кремле, а там меня снова «произвели» в рядовые. Из Кремля я попал на передовую курсантом-разведчиком, и званий у меня не было. Так рядовым и шел по военным дорогам.

Находясь в штабе корпуса после ранения, видимо, чем-то обратил на себя внимание командиров. В этот период проводилась операция «Багратион» по освобождению Белоруссии. Наши войска остановились на позиции Ломка–Остроленко–Новогрудок. Это была Польша. Командир корпуса направил меня на учебу в школу офицеров, находящуюся в Курках-Лубах. Окончив ее в звании младшего лейтенанта, я попал в 139-ю Рославльскую дивизию, где командовал взводом автоматчиков. До победы моя военная жизнь была связана с этой дивизией.

Наши войска продвигались уже по Восточной Пруссии, ведя активные наступательные действия. Шел бой, нас поддерживали танки. Мой взвод под прикрытием брони продвигался вперед. Вдруг что-то с большой силой ударило мне в голову. Почувствовав ужасную боль, схватился за нее. По рукам потекла кровь, я потерял сознание. Так 17 февраля 1945 года

**Взвод автоматчиков, которыми я командовал.
С ними дошел до конца войны. Цехлин, май, 1945 г.**

я был ранен и контужен. Спасло то, что был в зимней шапке. Пуля, ударив по танку, отлетела рикошетом в голову. Правый глаз ослеп сразу.

Шло наступление, раненых в медсанбат поступало очень много. Мне оказали первую помощь и занимались теми, у кого ранения были серьезнее. Когда очередь дошла до меня, то врачи, осмотрев глаз, который ничего не видел, сказали, что это временное явление из-за контузии и постепенно зрение нормализуется. А все остальное — цело. Наложили повязку и отправили в часть. Так я дальше и воевал с одним глазом. Шло время, зрение не восстанавливалось. Уже позже, спустя много лет, врачи пытались что-то сделать: перенес не одну операцию, но зрение так и не вернулось.

Войска Второго Белорусского фронта начали наступление на Данциг. Но перед этим предстояло пройти по польскому коридору. Территория его была довольно большой, и по ней разбросаны фермерские хозяйства — хутора.

Мне как командиру взвода на карте выделяли сектор — определенную территорию, которую надо было осмотреть. Встречались мы после подобной операции в определенном месте. Немцы на хуторах не задержива-

лись. Как правило, все ушли с насиженных мест, потому что боялись русских и военных действий. Соппротивления мы почти не встречали, но осмотреть хутора было необходимо. Чтобы дело продвигалось быстрее, использовали трофейных лошадей. Выезжали на задание парами. Я обычно ездил с сержантом Таранко. Конечно, всякое случалось, но особо хочу вспомнить два эпизода.

Мне предстояло осмотреть хуторское хозяйство. Вошел во двор, открыл дверь дома, и вдруг на шею мне бросилась девушка со слезами и словами благодарности. Оказалась она из Гомельской области. Я был первым русским солдатом, которого она увидела после нескольких лет пленения. Потом мы переписывались с ней какое-то время.

Произошел еще один случай, воспоминания и ощущения от которого до сих пор в памяти. Мы с сержантом Таранко подъехали к хутору. Вокруг все было спокойно. Таранко остался на улице, возле лошадей. Я подошел к дому. Когда открыл дверь и прошел внутрь, то попал на кухню. К моему удивлению, у плиты хозяйка-немка готовила какую-то еду. На мое появление она никак не отреагировала. Осматривая комнаты, в одной из них наткнулся на вооруженного человека. Мы оказались лицом к лицу, каждый с оружием, направленным друг на друга. Этот человек был в кожаной куртке, говорил на ломаном русском языке и представился смершевцем. Он требовал мои офицерские документы, которые я, разумеется, отказался отдать. Из другой комнаты вышел еще один вооруженный винтовкой человек, видимо, его товарищ. Я оказался в сложной ситуации: явный перевес в силе, и на меня направлено оружие. И все-таки они меня выпустили. Но вот это ощущение, когда я понимал, что выстрел может прозвучать в любой момент, мне не забыть никогда.

Фронт продвигался все дальше на запад. По пути на Данциг войска заняли города Гдыню, Сопот, Оливу. Немецким войскам в Данциге было предложено капитулировать. В этом городе скопилось невероятное количество гражданских людей и войск. С моря пути отхода были блокированы нашими подводными лодками. Но немецкое командование на капитуляцию не согласилось, и тогда начались страшные бои за город. Наши войска взяли его. Улицы были устланы телами наших и немецких солдат, особенно в прибрежной зоне. А после взятия этого крупного города нам предстояло преодолеть еще один трудный рубеж.

Войска подошли к Одере – серьезной водной преграде. Здесь происходило просто колоссальное скопление живой силы и техники. За время дежурства одного часового, а это 4–6 часов, проходило до 500 единиц только бронетехники, не считая всего остального.

Конечно, такая масса людей и машин на переправе служила хорошей целью при налете авиации. Поэтому рано утром после завтрака была команда уйти из населенного пункта, где стоял штаб корпуса, чтобы в случае

налета избежать потерь. Хотя небоевые потери были. Со стороны противника стреляли, и осторожность не была лишней.

После завтрака подразделения уходили километра за 3-4 от населенного пункта, и это называлось самоподготовкой. Но мы занимались кто чем: кто-то говорил о предстоящей переправе, кто-то вспоминал дом и близких.

Я был офицером и командиром своего подразделения, но по молодости лет это не ограждало меня от глупых поступков. Так, однажды мы сидели, разговаривали, и вдруг появилась дикая козочка. Кто-то из солдат стал стрелять и ранил животное, коза захромала. Не знаю, что на меня пашло, но я бросился вдогонку за козой, стреляя из пистолета. Попасть никак не мог. Видимо, увлекся, как мальчишка, ничего не замечая вокруг. А находились мы рядом с дорогой, по которой шли войска и техника. В это время по ней проезжал кортеж командующего, не знаю, армией или фронтом. Машины остановились, меня позвали подойти к одной из машин, гово-

ря: «К командующему, к командующему». Конечно, я струхнул не на шутку. Отрапортовал. А командующий и говорит: «Готовится серьезное наступление. Нам не до глупостей. А стрелять надо уметь».

Вернулся к своим ребятам, рассказал о том, что произошло, сокрушаясь, что теперь, видимо, не миновать мне штрафбата. Когда привел взвод в часть, то меня вызвали к командиру корпуса. На порог дома вышел адъютант, обратившись ко мне: «Что натворил – стрелял по кортежу!» Я ожидал не просто взбучки, а страшного наказания.

...В большой комнате командир корпуса склонился над столом, видимо, работая над картой. Я доложил

**Земляки. Леша Хенде Хох
и Валентин Соколов.
Германия, 1945 г.**

о своем прибытии. Он поднял голову и произнес: «Нас ждет серьезное испытание, а ты дурака валяешь. Иди и готовься!» К своим ребятам я вернулся окрыленный.

На военных дорогах происходило множество разных встреч. С Лешей Хенде Хох мы встретились на фронте и узнали, что земляки. Судьба этого парня не проста – чудом остался жив, побывав в руках фашистов.

Шли бои. На трофейном вездеходе он вез лейтенанта и связистку с важным донесением к одному из командиров на передовую. Когда вездеход пересекал наши позиции, оттуда что-то кричали, но ни Леша, ни его спутники не обратили на это внимания. Через некоторое время совершенно неожиданно для себя они въехали на позиции врага. Немцы сразу открыли огонь. Наши ребята попытались укрыться в сарае, стоявшем неподалеку от разбитой машины, Алексей не добежал – был ранен в ногу. Лейтенант и девушка, добравшись до сарая, уничтожили донесение и, обнявшись, подорвали себя гранатой.

Леша попал в руки фашистов. Его избивали ногами и прикладами, старались бить по голове, лицу. Выбили все зубы, сломали челюсть. Когда русский солдат перестал подавать признаки жизни, кто-то из немцев выстрелил ему в грудь.

Совсем скоро наши войска заняли эту территорию. Нашли Алексея. Несмотря на тяжелые ранения, жизнь еще теплилась в его теле. В госпитале Лешу выходили, и под конец войны он вернулся в часть. Человек неробкого десятка, теперь он сражался еще отважнее. Возможно, перенесенные издевательства, боль и страдания сыграли определенную роль: Леша стал мстить врагам за погибших товарищей. За бесстрашие, отвагу и подвиги был награжден орденом Славы, медалью «За отвагу», а друзья прозвали его Лешка Хенде Хох.

Немало происходило запоминающихся эпизодов, связанных с освобождением пленных. На территории Западной Европы, где проходили наши войска, было много концлагерей, в которых содержались люди разных национальностей. По дорогам шли целые потоки освобожденных из плена. Много среди них было иностранцев, которые приветствовали нас, благодарили. Русских слов почти никто из них не знал. Мы слышали очень часто обращенные к нам «здравствуйте» и «спасибо». Это было очень приятно.

Война, сколько бы она не длилась, – это целая жизнь в другом мире. Бывало, за несколько минут увидишь и узнаешь столько, что впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь. Случалось и такое, о чем можно только молчать... и помнить. Это – война. Я рассказал лишь несколько эпизодов, и не потому, что они самые значительные, просто это наши военные будни. Будни, связанные с опасностью, жизнью и смертью.

139-я Рославльская краснознаменная

139-я стрелковая дивизия была сформирована на территории Чувашской АССР в конце 1941 года. Дивизия прошла боевой путь от берегов Волги до Эльбы.

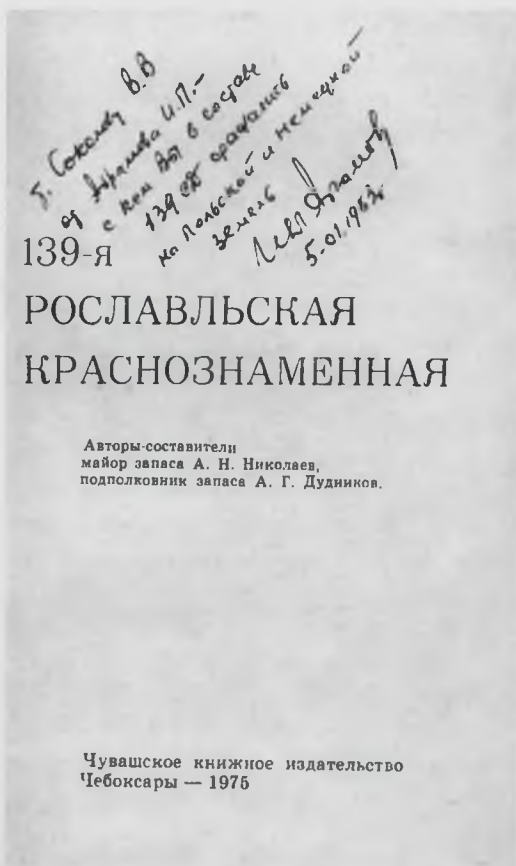
Зимой 1942 года весь Западный фронт был в движении: начатое под Москвой контрнаступление Советской Армии продолжалось. Провалилась намеченная гитлеровским командованием операция «Тайфун». Гитлер срочно перебрасывает резервы на этот участок с других фронтов.

В феврале этого года первые маршевые роты 139-й дивизии отправились на фронт. С боями она продвигалась на Запад. Впереди была Десна, за ней – Рославль – старинный город Смоленщины. Господствующая над местностью высота 224,1 приобретала огромное значение. У кого эта высота, у того и дорога на Рославль.

Жестокая битва описана в книге «139-я Рославльская краснознаменная», авторы которой – майор запаса А.Н. Николаев и подполковник запаса А.Г. Дудников – воевали в этой дивизии. Книга написана по рассказам однополчан, сводкам, боевым донесениям.

«...В ночь на 14 сентября была направлена на выполнение задачи ударная группа в количестве 18 человек от 8-й стрелковой роты под командованием младшего лейтенанта Е.И. Порошина.

В боевую группу вошли коммунисты-сибиряки, недавно прибывшие в дивизию из Новосибирска и Новосибирской области, – младший лейтенант Е.И. Порошин, старшие сержанты Д.А. Денисов и Р.Е. Закомолдин, сержанты Н.Ф. Даниленко, Б.Д. Кигель и К.Н. Власов, рядовые И.Н. Куликов, Г.А. Воробьев, Е.А. Липовец, Д.А. Шляхов, Т.Н. Касабиев, П.А. Романов, Д.И. Ярута, П.Н. Панин, Н.И. Галенкин, А.А. Артамонов, Г.И. Лапин и парторг взвода Е.И. Белоконов».

Ветераны 139-й стрелковой дивизии у Дома Советской армии. Москва, 1985 г.

«...Группа смельчаков по-пластунски поползла в ночную тьму – туда, где засели фашисты.

Ползли уже минут пять. Оглянувшись, Порошин заметил, что никто не отстаёт.

На фоне неба, подсвеченного заревом пожара (за высотой горели деревни), стал вырисовываться бруствер траншеи. Из-за него, сурово поблескивая, торчал ствол пулемета. Враг рядом. Группа замерла. Слышен уже звон котелков.

– Пятнадцать минут ползли, – сказал Порошин. – Пора начинать.

Он подал сигнал, и в траншею тотчас полетели гранаты. Глухие взрывы и вспышки разорвали мрак ночи. У немцев – переполох. Поднялись запевалы атак Даниил Денисов и Роман Закомолдин, за ними – остальные. Русское «ура!» загремело над высотой.

...Смяв противника, ударная группа устремилась вперед. Ночная атака продолжалась. Шестьсот метров преодолели довольно быстро. Бойцы ворвались на высоту.

...В боевом донесении есть запись о том, что «...следовавшая за группой рота при подходе к траншеям была отсечена от 18 человек с флангов и обстреляна сильным огнем».

У Знамени Победы с однополчанами 139-й. Москва, 1985 г.

...А там, на обратном скате Безымянной высоты, за огненной чертой, отрезавшей смельчаков, кипел бой. Узнав, что советские солдаты ворвались на высоту, гитлеровское командование пришло в бешенство. Против них были немедленно брошены резервные подразделения. Еще раньше заговорила артиллерия. Вскоре немцы оказались кругом, в том числе и в траншее, из которой были выбиты первой атакой. Было ясно, что предстояло стоять насмерть...

...Редело число защитников высоты. Убиты парторг роты старшина Петр Панин, парторг взвода рядовой Емельян Белоконов, рядовые Тимофей Касабнев, Илюша Липовецкер, Дмитрий Шляхов, ранены Николай Галенкин, Дмитрий Ярута.

Ценой жизни младшего лейтенанта Порошина замолкает вражеский пулемет.

Немцы совсем близко. Как нужна хотя бы минутная передышка, чтобы перезарядить автоматы! И тогда Николай Галенкин совершил, казалось бы, невозможное. Сжав зубы, он встал во весь рост и шагнул вперед. Держа автомат правой рукой, — левая висит как плеть, пошатываясь, он идет навстречу врагу, окровавленный, почерневший от копоти и пыли, страшный

в своем гневе, непрерывно поливая врагов автоматными очередями. От неожиданности немцы оторопели. Пятнадцать, двадцать метров проходит смельчак...

— Может быть, даже больше, — вспоминает К.Н. Власов. Нам казалось, что он шел очень долго.

Огненные трассы скрестились на груди Галенкина, но даже перерезанный автоматными очередями, он делает последний шаг вперед и падает среди врагов. Сраженный, но не сломленный.

Пытается привстать и бросить последнюю гранату Дмитрий Ярута, но его срезает автоматная очередь.

На левом фланге фашисты продолжают насаждать. Взрывом гранаты оторвало руку Борису Кигелю. Но он отказывается от помощи...

Восьмой час, не умолкая ни на минуту, на высоте гроыхали раскаты.

Наконец, наступила небольшая передышка. Порошинцы перевязали раны, разделили последние патроны и гранаты. Самым богатым на боеприпасы оказался Иван Куликов. У него было восемь гранат. Он поделился ими с Даниилом Денисовым.

...Немцы тем временем подтянули свежие резервы. Бой закипел с новой силой. На этот раз фашистам удалось рассечь порошинцев сначала на две, а потом на три группы».

Жестокий бой продолжался еще какое-то время, но неравными были силы. И вскоре началась расправа фашистов над умирающими, тяжело ранеными русскими воинами.

Героев Безымянной высоты похоронили там, где они дрались, — на высоте у развилки дорог. Отсалютовав героям, полк ушел за Десну.

Уже после войны история этого боя нашла свое продолжение в песне «На Безымянной высоте», написанной поэтом Михаилом Матусовским и композитором Вениамином Баснером.

Только вот жизнь внесла изменения в песню. Есть там такие слова:

«Нас оставалось только трое

Из восемнадцати ребят».

В дивизии знали, что из восемнадцати в живых остался только один — Герасим Ильич Лапин. Взрывная волна отбросила его в сторону, и он потерял сознание. В глубокой яме, заросшей терновником, и нашли его наши бойцы. Он рассказал о том, что происходило за «огненной чертой». Позже он дважды был ранен и дважды возвращался в родной полк, а потом был направлен на учебу».

Очень интересна история «воскрешения» второго героя Безымянной высоты. Только в 1964 году нашелся Константин Николаевич Власов. Документы свидетельствовали о том, что он погиб в том бою. Согласно записям Книги погребений, он «захоронен в братской могиле № 24 десятым справа». Каким же чудом он остался жив?

В День Победы. 1980 г.

Когда закончились боеприпасы, боец решил последней гранатой взорвать себя и окруживших его гитлеровцев. Выдернул чеку. Но взрыва не последовало. Немцы схватили его. Так он оказался в плену. О дальнейшей судьбе рассказывает архивная запись Института истории Белоруссии: «Власов Константин Николаевич, 1911 года рождения, военное звание сержант, служил рядовым партизаном в отдельно действующем отряде «Мститель» Минской области с 5 ноября 1943 года по 5 июня 1944 года. В партизаны прибыл из бобруйского лагеря военнопленных, совершил побег во время транспортировки пленных по железной дороге».

Недалеко от поселка Бетлица Куйбышевского района Калужской области есть деревня Рубеженка. Там, около этого «незнакомого поселка» и находится

высота 224,1. За высоту сражались 18 бойцов 139-й дивизии, сформированной на территории Чувашии. А 16 сентября 1966 года на легендарной высоте был установлен памятник героям-воинам.

Открывали его Герасим Лапин и Константин Власов, оставшиеся в живых в страшном бою. Простые русские солдаты, дожившие до победы.

Герасим Лапин и Константин Власов подошли к памятнику, осторожно сняли с него покрывало и увидели высеченных из камня двух бойцов, совсем молодых, вероятно, таких, какими были они сами, когда сражались здесь вместе со своими боевыми товарищами. И на глазах этих настоящих солдат, прошедших невероятные испытания, знающих, что такое горечь утраты, появились слезы...

«...Мне часто снятся те ребята –
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней.

Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка
На Безымянной высоте».

Мне приходилось встречаться с Лапиным и Власовым в Москве. У обелиска космонавтам – нашем постоянном месте сбора однополчан – иногда происходили интересные и неожиданные встречи. Так, однажды приехали мы с Серафимой Павловной на встречу, вышли из метро. Вдруг ко мне подбегает человек, обнимает, целует. Что такое? В разговоре выяснилось, что общих знакомых у нас нет. Идем дальше к своим. Начался митинг. Ко мне обращается незнакомый человек и просит подойти к генералу. Я в недоумении, но иду. Пришли к летчикам. И вновь меня кто-то целует, обнимает, благодарит за спасение. Тут и генералу представили. Называют по имени, только имя – не мое, а другого человека. Наконец, у меня появляется возможность назвать свое имя, звание, сказать, что я из 139-й дивизии. Происходит немая сцена...

Думаю, что всех, кто воевал в Великую Отечественную, породнило боевое братство. Сейчас для нас нет дороже праздника, чем День Победы. Его мы отмечаем каждый год. Обязательно приходим к Вечному огню возложить цветы и поклониться тем, кто не дожил до победы. Вспоминаем товарищей, поем песни военных лет.

Особенно мне запомнился День Победы, когда мы на центральной площади Ижевска попали в круг веселых пляшущих людей и были увлечены этим весельем. Мы плясали, нас передавали из одного круга в другой, и тогда мы в полной мере прочувствовали, что люди ценят нашу победу, почитают оставшихся в живых победителей. И горько сознавать, что находятся среди них такие, которые могут сказать: «Когда только вы все передохнете». Я это слышал в свой адрес. Хорошо, что таких мало.

Суровые дни войны и сейчас нередко являются темой наших с Михаилом Тимофеевичем разговоров. Может быть, пройдя через ее ужасы, увидев своими глазами жертвы и разрушения, думая о многострадальной Родине, и пришел Михаил Тимофеевич к выводу, что армию необходимо вооружить, чтобы никакая нечисть не решилась больше идти войной на Русь.

На фронте и в госпитале М.Т. Калашникову пришлось не раз слышать о том, как наши бойцы воюют с одной винтовкой на двоих, а против них – немцы с автоматами. Обидно было за ребят, за Родину, за себя. Это сейчас в нашем государстве слово «патриотизм» – пустой звук. А в те времена, может, не все и слово это знали, но за Родину душой болели и грудью стояли. Эта боль за своих и положила начало великой конструкторской судьбе.

Моему другу Александру Заречнову близка тема войны – он тоже воевал в Отечественную, был тяжело ранен, поэтому часто в своих стихах вспоминает военные годы, поднимает тему патриотизма и отношения к ветеранам.

Помните

Помните, кто нашему народу
И Отчизне преданно служил;
Кто стоял за счастье, за свободу,
Кровь пролил и голову сложил.

Помните и не забудьте, люди,
Кто победный добывал нам свет.
Родина вовеки не забудет:
Кто живой и кого с нами нет.

Не забудьте тех, кто шел сквозь пламя,
Кто протопал тысячей дорог,
Кто пронес Победы нашей знамя,
Кто страну от рабства уберег.

Благодарной памятью почитите
Всех усопших, голову склоня,
Скорбную слезинку уроните,
Постояв у Вечного огня.

И.П. Абрамов – мой однополчанин

В Москве у однополчан 139-й есть постоянное место встреч, оно находится у обелиска космонавтам возле ВДНХ. Неподалеку от этого места – школа № 52, в ней создан музей 139-й Рославльской краснознаменной дивизии. Я ездил на встречи с однополчанами не один раз. Радостно было видеть людей, с которыми меня столько связывало. Горько узнавать, что очень многих уже нет в живых. С каждым годом нас становится все меньше.

Я хочу рассказать о своем однополчанине – Иване Петровиче Абрамове. Так получилось, что познакомились мы уже спустя много лет после войны, хотя воевали довольно близко друг от друга...

Однажды в моем кабинете раздался телефонный звонок. Голос в трубке спросил Валентина Владимировича Соколова. Завязался разговор. Оказывается, уже много лет рядом со мной в городе Ижевске живет человек,

с которым мы воевали в одном полку. После возвращения с фронта Иван Петрович продолжил службу в системе военных комиссариатов. Как-то, работая с личными делами, наткнулся на мое, из которого выяснилось, что мы не чужие друг другу люди – однополчане.

Я пригласил его к себе домой. Он пришел с супругой Любовью Васильевной, доброжелательной женщиной. Позже в разговоре выяснилось, что Иван Петрович родом из Марийской Республики. У меня с этими местами связано немало: ведь там, на станции Сурок, я начинал свой боевой путь.

Конечно, мы вспоминали былое, он рассказывал о дивизии. Почти год, от реки Прони в Белоруссии до берегов Балтии, шли мы вместе фронтовыми дорогами. И.П. Абрамов, в то время старший лейтенант, был командиром роты. От него я много узнал о дивизии, в которой воевал. Иван Петрович подарил мне книгу «139-я Рославльская краснознаменная».

Военный путь Ивана Петровича отмечен боевыми наградами: два ордена Красной звезды, орден Отечественной войны I степени, медаль «За боевые заслуги». В марте 1944 года он был ранен.

Часто общаться нам уже не позволяет здоровье. Но мы не забываем друг друга. Обязательно встречаемся в День Победы. Для нас это великий день. В 2002 году 9 мая мы встретились на банкете в правительстве. Увидев друг друга, мы обнялись, и слезы навернулись на глаза. Я очень дорожу дружбой с этим замечательным человеком.

И.П. Абрамов

Раненая медаль

Наступил май 1945-го. Войска стояли на Эльбе. Мы чувствовали, что война подходит к концу. На данном участке фронта боевые действия уже не велись, но обстановка не была безопасной уже потому, что много разрозненных групп немцев пряталось в лесах. Они ведь теперь не владели информацией о том, что происходит. События развивались очень быстро. Встречи с такими группами случались не часто, так как пробирались они ночами, но осторожность не была лишней.

Наше подразделение охраняло штаб корпуса. Для нас 9 мая 1945 года был обычным днем. Поскольку в части были лошади, то нужно было думать, чем их кормить. И ранним утром, еще только стало светать, мы со старшиной Сашей Шаповаленко отправились посмотреть уголья для лошадей.

На груди Саши Шаповаленко (слева) легендарная медаль

Нашему командиру политотдела штаба корпуса полковнику Шевченко, уже немолодому человеку, видимо, было известно о том, что ведутся переговоры о капитуляции. То ли ему не спалось, но ранним утром он вышел за деревню прогуляться. Мы уже немного отъехали от деревни, как вдруг услышали крики, стрельбу и призывы о помощи. Примчавшись на место, увидели в кювете полковника Шевченко, который показывал в сторону леса: в предрассветной дымке к лесу бежали несколько человек – немцев. Мы ринулись в погоню. Немцы, увидев, что мы приближаемся, остановились и подняли руки. Старшина Шаповаленко, оставаясь на лошади, стал командовать, чтобы они снимали амуницию – хотел обыскать, а я отъехал на несколько метров в сторону осмотреть местность. Вдруг раздались три выстрела подряд. Оглянувшись, увидел, что Саша падает с лошади. Немцы проползли под проволочным ограждением и побежали. Кипувшись к товарищу, понял, что он жив, только ранен в руку. Его лошадь ускакала, поэтому я отправил его в часть на своей, чтобы он поднял тревогу, а сам бросился в погоню.

Бежал я за немцами довольно долго, на ходу стреляя из пистолета, отвечали мне выстрелами и беглецы. Но, поняв безвыходность ситуации, они все-таки остановились. Бросая оружие вверх, чтобы я его видел, немцы выходили на дорогу, поднимая руки. Конечно, вид у них был удрученный. Они садились на дорогу, осознавая, что от них теперь ничего не зависит.

Я сел в метрах полутора от них. Вскоре подросли старшина и солдаты, поднятые по тревоге. Саша Шаповаленко набросился на немца, который в него стрелял. Мне пришлось вмешаться и остановить мордобой. Пленные сами выстроились в шеренгу, положив руки друг другу на плечи. В середину они поставили своего побитого товарища и обреченно побрели. Так мы и пошли к деревне: они впереди, мы следом. А на опушке леса нас поджидал полковник Шевченко. Он стоял на поляне, руки за спиной. Мы подошли к нему, я доложил. И вдруг случилось то, чего никто не ожидал...

На какое-то время установилась полная тишина. Мертвые немцы лежали в молодой траве, по-весеннему сочной и радостно-зеленой.

После всего происшедшего, с тяжелым сердцем, мы пошли в деревню. Подходя, слышали крики, стрельбу. Не знали, что и думать. Оказывается, пришло сообщение о капитуляции немецко-фашистской Германии и нашей победе. Конец войне!

И в этот момент Саша заметил, что на груди у него не хватает медали «За отвагу». Мы стали разбираться, что же вообще произошло. А получилось так: один из немцев схватил за узду коня и прицельно выстрелил в старшину. Предположили, что медаль могла оторваться в тот момент, когда раненый Саша падал. Мы вернулись к месту ранения и, действительно, в траве нашли медаль. Когда один из солдат взял ее в руки, все увидели, что она ранена! Место, куда попала пуля, было выгнуто. Стало понятно, что случилось: немец стрелял снизу, ведь Саша был на лошади. Пуля, нацеленная прямо в сердце, попала в медаль и рикошетом отлетела, ранив руку.

Мы просто с восхищением рассматривали раненую награду. Позже полковник Шевченко предлагал заменить ее старшине Шаповаленко на целую, но Саша сказал, что дороже этой, которая спасла ему жизнь, для него нет.

После победы

Для меня служба в армии продолжалась еще и после мая 1945-го. Берлин – сердце Германии, ее столица. Город был взят нашими войсками. Союзники завладели другими территориями, но велись переговоры о том, чтобы часть Берлина отошла союзным войскам. Взамен они обязались передать нам часть территорий, освобожденных своими войсками. После решения пустить в Берлин союзников город был поделен на 4 сектора. Союзники, в частности американцы, уступили нам часть Германии, которую они освобождали. Когда советские войска входили на эту территорию, жители вывешивали белые флаги. Русских боялись.

Мне пришлось некоторое время служить на освобожденной американцами территории. Это были города с очень похожими названиями: Ашерслебен и Ошерслебен. Оттуда я был отозван в Берлин для прохождения

Конец войне

дальнейшей службы в штабе военной советской администрации в Германии. Во взятии Берлина я не участвовал, а застал его уже разрушенным, и мне хотелось своими глазами увидеть здание Рейхстага, чтобы иметь представление о том, где Гитлер и его генералы разрабатывали планы наступления на Советский Союз.

Штаб военной советской администрации располагался в микрорайоне Берлина – Карлхорсте. На его территории было очень много подразделений штаба военной администрации, которые осуществляли различные функции, в том числе занимались и репарационными поставками, а также фактически определяли жизнь советской зоны оккупации Германии.

Карлхорст – громадный микрорайон Берлина, жизнь в котором быстро восстанавливалась благодаря слаженной работе на-

ших военных. Немцы даже называли его «кляйне Москау».

На территории Карлхорста располагалась бывшая военная инженерная академия. То самое здание, в котором был подписан акт о капитуляции фашистской Германии. Помещение, где подписывали исторический документ, охранялось. Войти туда было невозможно даже тем, кто нес службу в этом здании. В пристрое к нему располагалась экспедиция штаба советской военной администрации.

Прибыв для прохождения службы в Берлин, я был определен в отдельный полк связи, который обслуживал не только штаб военной администрации, но и выполнял различные функции за его пределами. Первоначально меня определили командиром взвода фельдъегерской связи, которая осуществляла доставку секретной и прочей документации не только в подразделения штаба, но во все воинские части группы советских войск, в Москву. Служба была ответственная. Тем более, что после окончания горячей военной поры сразу началась «холодная война».

Видимо, фельдъегерская служба была своеобразной проверкой. Вскоре меня назначают на должность начальника экспедиции штаба советской военной администрации в Германии. Через экспедицию за сутки проходило

Таким я увидел Рейхстаг в 1945 г.

до двух тысяч различных документов, в основном секретных и особо секретных, в том числе и лично Сталину.

Экспедиция штаба обслуживалась сменой диспетчеров-сортировщиков, взводом фельдъегерей, ротой подвижных средств связи. Помимо начальника экспедиции в здании находился начальник смены – офицер. Объект охранялся очень тщательно, в ночное время использовали обученных собак.

Фельдъегеря доставляли почту в пределах Карлхорста на мотоциклах, в пределах Германии, а это пять провинций будущей ГДР, – на автомобилях, железнодорожном транспорте и малой авиацией. Конечно, все были вооружены.

Несмотря на серьезность службы и немалую ответственность, случалось много различных ЧП, которые влекли за собой иногда довольно тяжелые последствия. К сожалению, чаще всего происходили они из-за чьей-то безответственности или халатности.

Фельдъегеря получали почту в больших пакетах, в которых находилось около сотни или больше различных конвертов с корреспонденцией. Один такой большой пакет назывался постпакетом, он был опечатан сургучом.

Это случилось зимой 1946 года. Наши фельдъегеря, получив почту в одной из провинций, везли ее поездом в Берлин. Один из вагонов состава был русским, то есть в нем ехали только советские военнослужащие. В этот

раз было получено четыре постпакета, помещенных в большой кожаный мешок. Все фельдъегеря ехали в одном купе, с ними была и охрана.

Внушительных размеров мешок с почтой привлек чье-то внимание. Видимо, предположили, что в нем деньги или другие ценности. Наверное, бдительность фельдъегеря была недостаточной, потому что некто умудрился незаметно разрезать бритвой мешок, достать один из пакетов и уйти с ним. В туалете раскрыл постпакет и стал доставать из него конверты с корреспонденцией. Разорвал один, другой, третий, а денег нет. Поняв, что совершил ошибку, открыл окно и на ходу выбросил все содержимое.

Поезд подошел к Берлину. Фельдъегеря стали собираться и обнаружили пропажу. Дернули стоп-кран. А что это даст? Как говорится, поезд ушел.

В Берлине их встречала машина и дополнительная охрана. Доложили о случившемся. Позвонили в штаб. Началось серьезное расследование. Конечно, тех, кто допустил пропажу, арестовали. Но никто и не предполагал, что все окажется так просто, – все были уверены, что это работа чьей-то разведки. Поиски ничего не давали. В общем-то, и надежду потеряли хотя бы узнать, что случилось с корреспонденцией.

Зима 1946 года была более снежной, чем обычно. Немец-обходчик шел по своему участку железной дороги, как вдруг увидел, что из снега торчит какой-то пакет. Что на нем написано, не понял и принес, к счастью, в советскую комендатуру. На это место направили солдат, местность прочесали и нашли все пропавшие документы. Вот так, можно сказать, счастливо завершилась эта история.

Из Москвы секретная и служебная почта доставлялась в Берлин самолетами фельдсвязи. Эти же самолеты доставляли почту и в Северную группу войск – в Польшу. Садись в Познани. Конечно, доставка почты происходила не спонтанно, а по определенному графику.

Доставляя почту в Германию, самолеты садились за пределами Берлина в аэропорту Шеневальде. Передача почты организовывалась в экспедиции. Если прилетал самолет спецсвязи, то садился он в аэропорту Шенефельде в Берлине. Там наша служба забирала почту и доставляла ее дальше.

Дело в том, что путь в аэропорт Шеневальде лежал через английский сектор. И это могло быть небезопасно. Несмотря на радость победы, «холодная война» шла по своим законам. Поэтому нельзя было исключать возможность провокации или нападения.

Но однажды произошел случай, заставивший поволноваться многих. 1 мая 1946 года по графику в аэропорту Шеневальде должен был сесть самолет спецсвязи и забрать почту. Сопровождали секретные документы московские егеря. За транспортировку и охрану почты отвечала рота подвижных средств связи.

Машины отправили. Но в положенное время автомобиль с секретной документацией к самолету не прибыл. Конечно, инструкции на такой «пожарный» случай существовали. По инстанциям доложили. Но надо было искать и найти. Вот тут-то и поняли свою ошибку те, кто составлял маршрут движения – дорога шла через английский сектор, а значит и искать надо было на «английской» территории.

С чего начать? Сообщить английскому командованию о том, что мы потеряли целый автомобиль с секретной документацией? Вот бы они порадовались. А может и нашли бы раньше нас.

С этим решили не торопиться. Прошла ночь, но никакой информации о машине не появилось. Командир роты подвижных средств связи капитан Мухин отправился по маршруту движения потерявшейся машины. При этом он заезжал в каждое питейное заведение. Видимо, что-то подсказывало ему, где искать. Но поиски результата не давали.

Тогда капитан Мухин отправился за пределы Берлина, на советскую зону оккупации. И там обнаружили первые следы пропавшей машины. Оказалось, что офицеры-фельдгегеря, перевозившие почту, побывали в одном из казино. Их визит не остался незамеченным: небольшой дебош им удался на славу. А дело было так. Оставив у машины солдата охранять секретный груз, офицеры зашли в казино пропустить по рюмочке. Где одна, там и вторая. А посетители казино веселятся, танцуют. То ли кто-то из танцующих задел нашего офицера, то ли еще что-то произошло, но реакция была стремительной – оплеуха немцу. А какой же русский ограничится одной оплеухой?!

Хозяин, не на шутку испугавшись активности русских победителей, позвонил в ближайшую комендатуру – английскую. Прибыв на место проис-

У стен Рейхстага. Берлин, 1945 г.

**Лейтенант Соколов. Германия,
1947 г.**

шествия, они не стали связываться с русскими, а позвонили в советскую комендатуру. Но комендант уже встречал Первوماй, и на месте оказался только дежурный, он отправил в казино патруль. Дежурный офицер, не ломая голову над документами задержанных, посадил их под арест до возвращения коменданта. А по утру комендант посмотрел документы и, осознав, какой промах совершен его подчиненными, отпустил «ответственных» офицеров на все четыре стороны. Вот как раз в этот момент капитан Мухин оказался в комендатуре.

Почта, хоть и с опозданием, но была доставлена по назначению, а вот фельдъегерей к самолету вели уже в наручниках.

Моя служба была очень интересна, но и ответственность в полной мере

лежала на моих плечах. Так, за утерю документа грозила смертная казнь. А как скоро было исполнение подобного приговора в предвоенные и военные годы, известно. Все мои предшественники на этой должности были арестованы по разным причинам. Меня задерживали раз шесть, один раз арестовали и отправили в берлинскую тюрьму Лихтенберг, в одиночную камеру. Через полтора суток я был освобожден и вернулся к своим обязанностям.

Фельдъегерская служба и служба начальника экспедиции позволили мне объехать всю Германию. Часто приходилось доставлять документацию в Контрольный совет по Германии, который располагался в американском секторе Берлина, охранялся американцами. Это здание находилось на Бюловштрассе.

Раз в месяц в Контрольном совете власть от одной страны-победительницы передавалась другой стране сроком на один месяц. С этой целью к парадному подъезду здания совета приезжали главы администраций. Их сопровождали эскорты. Самым пышным был французский.

В обычные дни работы Контрольного совета мы приезжали и заходили со двора. На крыльце стоял американский военнослужащий, который красивым ритуальным жестом приветствовал входящих офицеров. Пройдя через пост, в зависимости от принадлежности страны-победительницы, я должен был подойти к столу советского представительства. Оружие надлежало сдать, входить с ним не разрешалось. После всех этих процедур в секретариат отдавались привезенные документы.

В здании было две столовые: одна для солдат, другая для офицерского состава. Обслуживали в них немцы. Несмотря на службу в Кремле, этикета приемов я не знал, а приходилось иногда находиться за одним столом с союзниками, среди которых были и титулованные особы. На столе лежало множество приборов, которыми надо было уметь пользоваться. Кормили обильно, все подавалось по этикету, принятому на Западе.

Отправляясь из Карлхорста, я проезжал через Бранденбургские ворота, мимо Рейхстага, у которого частенько дежурили немцы-экскурсоводы, зарабатывая этим несколько марок. Я прошелся по полуразрушенным помещениям бывшей ставки фашистского командования. Помещения были завалены щебнем, бумагой, поломанной мебелью, внешние стены исписаны нашими солдатами.

По долгу службы мне приходилось ездить по аллее, на которой проходили все военные парады Берлина во времена правления Гитлера. Это дорога от Бранденбургских ворот до памятника Победы Германии над Францией.

Нужно сказать, что служба обязывала меня хорошо знать Берлин и те организации, куда я доставлял корреспонденцию. Разрушенный бомбежками американцев старый Дрезден, «немецкую Швейцарию» – Тюрингию с провинциальным городом Веймаром, Потсдамский дворец в парке Сан-Суси и здание, где был подписан договор главами трех союзных держав – Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Не один раз пришлось посетить Бабельсберг, где располагался штаб советских оккупационных войск в Германии. Летал я из Германии в Польшу, в штаб Северной группы войск, и по всем провинциям Восточной Германии.

Часто бывал в здании Социалистической единой партии Германии и однажды видел на митинге Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта. Иногда мне поручалось доставить документы в адрес Вальтера Ульбрихта, который возглавлял эту партию. Для этого я обязательно переодевался в гражданскую одежду. Корреспонденцию у меня принимала секретарь Ульбрихта Бишоф.

Дважды я выезжал в Нюрнберг, где судили главных военных преступников. Мне не пришлось самому видеть ни одного из них, но со слов моего товарища, старшего лейтенанта Курносова, я знал, о чем говорили обвиняемые в последнем слове. Всем участникам процесса американцы подарили значки с изображением белой виселицы. Был такой и у моего товарища. В Москву ежедневно отправлялись телеграфные сообщения о том, что происходило на процессе.

Свободное от службы время я старался использовать, чтобы познакомиться с культурными ценностями Германии. Посещал государственные оперный и драматический театры, цирк Шапито, бывал в Доме советской культуры на улице Унтер ден Линден, где в прошлом размещались посольства иностранных дел разных стран. Изредка заходил в Трентов-парк, где

захоронены погибшие в Германии советские воины, а позже был открыт памятник русскому солдату-освободителю.

Хочется рассказать немного о военном коменданте Берлина – Николае Эрастовиче Берзарине. Этот человек сделал очень много для города. Комендантом Берлина его назначили 2 мая, когда в городе еще шли бои, в которых погибло более 70 тысяч человек. Генерал вникал во все многочисленные и бесконечные проблемы разрушенного города и его жителей. Быстро налаживалось электроснабжение, восстанавливался водопровод, была организована продовольственная помощь, оживала культура. Фактически благодаря именно советской военной комендатуре город функционировал и восстанавливался.

Генерал-полковник Берзарин трагически погиб 16 июня 1945 года. Произошла авария: его мотоцикл столкнулся с грузовиком. Но многое осталось неясным в этом происшествии, и до сих пор есть сомнения в истинных причинах гибели первого коменданта Берлина. Вот что пишет газета «Берлинер цайтунг»: «Нельзя исключать, что генерала устранили: уличные катастрофы, маскирующие убийства входили в репертуар НКВД».

В 1975 году генералу Берзарину было присвоено звание почетного гражданина Берлина. Но не обошлось без вмешательства местных политиков: в 1991 году христианские демократы, правящие в Берлине, исключили имя первого коменданта из Книги почетных граждан города. Советского генерала обвинили в том, что он принимал участие в депортации 47 тысяч латышей в 1940 году. Изучение архивных материалов опровергло клевету. Но пока не сменилась власть города, ложь продолжала жить. Когда у руля Берлина встала коалиция социал-демократов, доброе имя Н.Э. Берзарина было восстановлено. И недавно имя генерала вновь заняло свое место среди почетных граждан Берлина.

И всюду он — желанный гость

Встречи знаменитых

И известные люди — какие они? Как они стали знаменитыми или героями? В жизни, наверное, нет такого вида деятельности, в котором нельзя прославиться. Но что интересно, к известному человеку всегда тянутся люди: повстречаться, поговорить, увидеть и даже просто прикоснуться. Очень часто происходят встречи и между самими знаменитостями. В полной мере все это испытывает на себе Михаил Тимофеевич. Описать все его встречи невозможно, подробно я остановлюсь лишь на некоторых.

В старые добрые времена, когда мы были единым и дружным государством, в Министерстве обороны было принято решение снять фильм о дружбе Михаила Тимофеевича с пограничниками. Местом съемок выбрали Казахстан и Киргизию, имеющие большую протяженность границ с южными соседями. С группой операторов Калашников вылетел в Алматы. Там его принял первый секретарь ЦК компартии Казахстана Кунаев. Прием был радушным. Михаила Тимофеевича многое связывает с Казахстаном: жил и работал до ухода в армию, вернулся сюда после ранения, здесь родился сын, были сделаны первые образцы автомата. Казахстан он считает второй родиной.

Съемки фильма проходили на пограничных заставах и в войсках во время учений, имитирующих боевую обстановку. Позже мы узнали, что при создании фильма были испорчены кадры войсковых учений с участием М.Т. Калашникова. Но прошло еще какое-то время, и в программе «Служу Советскому Союзу», посвященной пребыванию конструктора у пограничников, эти кадры были показаны. Видимо, пленку восстановили.

Во время пребывания в Алма-Ате Михаил Тимофеевич был приглашен в гости к академику К.У. Медеубекову, который в то время был

президентом Восточного отделения Академии наук СССР, куда входили Киргизская, Узбекская, Таджикская, Туркменская республики и отдельно – Казахстан.

У многих восточных народов есть традиция: дома принимают только самых уважаемых и дорогих гостей. К.У. Медеубеков устроил М.Т. Калашникову прием у себя дома. Ритуал приема был самым торжественным.

Бывал в Казахстане и я. Особенно памятна та поездка, которая чуть не стала причиной переезда из Ижевска. Дело в том, что К.У. Медеубеков, избранный на пост президента Восточного отделения Академии наук СССР, должен был оставить должность директора Казахского научно-исследовательского технологического института овцеводства. А поскольку он являлся оппонентом по моей диссертации, хорошо был знаком с моей работой, со мной, то порекомендовал на этот пост меня. На официальном уровне было сделано предложение возглавить институт и переехать в Алма-Ату. Меня представили секретарю ЦК КП Казахстана по сельскому хозяйству Юрию Николаевичу Трофимову, с которым мы вместе учились в Москве, были даже в одной группе.

Предложение звучало заманчиво, но переселиться в Алма-Ату я не решился. Видимо, прикипела душа к удмуртскому краю. А гостеприимство, с которым встречали на казахской земле, вспоминаю часто с самыми добрыми чувствами. Юрий Николаевич возил меня на Медео, показывал достопримечательности города. Запомнился парк, в котором увековечена память героев-панфиловцев. Был я и дома у своего одноклассника.

Но времена изменились, сейчас многое только в памяти и осталось. Даже столица Казахстана теперь находится в другом городе.

А совсем недавно, в начале мая 2003 года, Михаил Тимофеевич с Виктором Михайловичем были с визитом в Казахстане. М.Т. Калашников прибыл в Казахстан 2 мая по приглашению командующего Национальной гвардии республики. Как сообщило информационное агентство РИА «Новости», 7 мая президент Казахстана Нурсултан Назарбаев наградил известного российского конструктора орденом Дружбы (Достык). Награждение проходило в столице Казахстана городе Астане. При этом Нурсултан Назарбаев подчеркнул, что орден вручается, «учитывая огромные заслуги легендарного земляка Михаила Калашникова», и напомнил, что первый образец АК был создан в Казахстане на станции Матай.

В Астане Калашников рассказал журналистам, что продолжает активно работать, готовит к изданию четвертую книгу, собирает материал для пятой, в которой опишет работу над первым образцом знаменитого АК.

Поблагодарив президента за награду, Михаил Тимофеевич уточнил, что «на казахстанской земле были созданы два его изобретения – автомат и сын Виктор».

Из этой поездки Калашниковы вернулись 9 мая. Михаил Тимофеевич рассказал мне, как проходил визит, награждение. Кроме Калашникова

Отдых на Черном море. В центре М.Т. Калашников, слева И.С. Козловский. 1981 г.

среди иностранцев этим орденом был награжден Папа Римский. Хотя приглашение и было официальным, но ездил он только с сыном. Судя по настроению друга, встречи оставили теплые воспоминания.

Всюду, где приходилось бывать Михаилу Тимофеевичу, руководители городов, военные чины старались чем-то удивить знаменитого конструктора. Когда Калашников приезжал в Ленинград, командование крейсера «Аврора» пригласило его осмотреть легендарный корабль, а затем конструктору предложили провести там не только весь день, но и ночь. Михаил Тимофеевич почевал в одной из кают «героя революции».

Работая в правительстве Удмуртской Республики, я был связан со многими регионами страны. Эта связь продолжилась и позже, когда я являлся председателем диссертационного совета Ижевской государственной сельскохозяйственной академии. Многие из моих коллег – селекционеры и технологи животноводства – приезжали в Ижевск на различные научно-производственные конференции, советы и совещания. Как говорится, земля слухом полнится: о нашей дружбе с Михаилом Тимофеевичем знали многие. Естественно, что хотели увидеть его, а по возможности и познакомиться.

Из гостей неоднократно у нас бывали профессора А.Н. Ульянов, П.Б. Ненашев (Краснодар), М.И. Санников (Ставрополь), Л.С. Новиков (Иваново), А.И. Ерохин, А.И. Голыцблат (Москва) и другие.

Рядом с президентом РФ В.В. Путиным

Известность — она и на отдыхе известность. Может быть поэтому М.Т. Калашников предпочитал отдых на природе — охоту или рыбалку. На курорты и в санатории ездил редко. И все же иногда его отправляли подлечиться и отдохнуть. Ясно, что и там к нему было повышенное внимание, и не только со стороны отдыхающих, но и со стороны руководителей здравниц или близлежащих воинских подразделений. Как-то, отдыхая в Крыму, Михаил Тимофеевич получил приглашение военных моряков покататься на катере, который обычно обслуживал Л.И. Брежнева во время его отдыха. Но чаще всего это комфортабельное судно стояло на приколе, ожидая высокого гостя. Калашников принял приглашение. На тот момент самыми именитыми гостями в Крыму были М.Т. Калашников и когда-то очень популярный солист Большого театра И.С. Козловский, с которым познакомили Михаила Тимофеевича.

Удмуртия была и остается крупным промышленным регионом России, ее важнейшим оружейным центром. Здесь начинали свой путь такие видные государственные деятели, как Ф.Р. Козлов, Д.Ф. Устинов, В.Н. Новиков, Ю.Д. Маслюков и другие. Интерес к республике до сих пор не пропал не только у наших соотечественников, но и у зарубежных визитеров. Кто бы из высоких гостей ни посетил Ижевск, все стараются увидеться с Михаилом Тимофеевичем. Калашников уже привык принимать гостей. Если только перечислить их, получится огромный список. Все-таки некоторые имена я назову. Это Борис Ельцин, Виктор Черномырдин, Владимир

Путин, министры обороны Игорь Сергеев и Сергей Иванов, Сергей Шойгу, Александр Лившиц, Минтимер Шаймиев, Александр Лукашенко, Руслан Абдулатипов, Яков Уринсон, Юрий Лужков, писатель-сатирик Александр Иванов с группой писателей, дирижер Большого театра Евгений Светланов, главный офтальмолог страны Святослав Федоров и многие-многие другие. Не перечислить и всех высоких иностранных гостей. Часто Михаил Тимофеевич принимает гостей дома. Бывая у него, люди удивляются простоте его быта, радушию и открытости в общении.

Калашников и космонавты

Для каждого из нас космос и все, что с ним связано, вызывает неподдельный интерес. Естественно, что и у Михаила Тимофеевича было огромное желание побывать в Звездном городке. Его пригласили в центр подготовки космонавтов, где он встречался со многими из них. Петр Климук показал ему космический корабль. Калашников, следуя природному любопытству и непреодолимой тяге ко всякой технике, забрался в кабину корабля. Моменты общения конструктора с космической техникой были запечатлены на фотопленку. К сожалению, фотографии забрать с собой не разрешили, но в цепкой памяти конструктора впечатления от этой поездки остались на всю жизнь.

Приезжали космонавты и в Ижевск. Михаил Тимофеевич принимал их у себя дома. Первым гостем в Удмуртии стал Андриян Николаев. Особая дружба у Калашникова сложилась с Георгием Береговым. Они встречались не только в Москве, космонавт дважды приезжал в гости к Михаилу Тимофеевичу, был он и на юбилее Калашникова вместе с космонавтом Александром Серебровым. Сейчас Г. Берегового уже нет в живых.

С визитом в Удмуртии были Виктор Горбатько и вдова погибшего космонавта Александра Волкова. Разместили их на правительственной даче. Мне поручили сопровождать В. Горбатько. Я возил его в опытное хозяйство, побывали мы и в одном из совхозов Сарапульского района – «Удмуртском». А через некоторое время после визита в нашу республику Виктор Горбатько летал в космос еще раз. За этот полет был награжден второй раз звездой героя.

Любой род войск был рад принимать у себя прославленного конструктора. С большим уважением к Михаилу Тимофеевичу всегда относились летчики. Так, в Нижнем Новгороде он побывал в гостях у воздушных асов.

В гости к суворовцам

Как-то раз М.Т. Калашников получил из Казани письмо следующего содержания: «Здравствуй, Михаил Тимофеевич! Глубокоуважаемый Михаил Тимофеевич, преподавательский состав и учащиеся Суворовского военного училища убедительно просят Вас в удобное для Вас время приехать в город Казань. Мы уверены, Ваше пребывание в нашем городе надолго останется в доброй памяти всего нашего коллектива. Мы будем очень рады, если Вы найдете возможность приехать вместе с профессором В.В. Соколовым. Начальник училища генерал-майор М. Котовский».

Михаил Тимофеевич предложение принял. Пригласил он и меня. Я понимал, что главным гостем, безусловно, будет Калашников, а я сопровождаю его как друг, но о поездке не пожалел. Ездили с нами Файруза Узбековна и Серафима Павловна.

Организатором путешествия был доктор сельскохозяйственных наук А.Х. Фазульязнов. Мы останавливались у него на квартире. Программа посещения Казани была предельно насыщенной. Нам предстояло побывать не только в Суворовском, но и в высших военных училищах, других организациях города.

Когда рядом такие brave ребята, чувствуешь себя моложе

Визит в Казань оказался интересен не только встречами Михаила Тимофеевича с личным составом и преподавателями училища, но и организацией культурной программы. В один из дней была организована прогулка по Волге. Компания собралась большая: крупные городские начальники, генералы. В живописном месте на берегу был устроен пикник с замечательным угощением. Интересные беседы, веселье и шутки: вот чем запомнилась прогулка.

Не обошлось без «сюрпризов». А произошло следующее. А.Х. Фазульзянов пригласил нас к себе домой. Вчетвером (Михаил Тимофеевич с Файрузой Узбековной и я с Серафимой Павловной) мы поднимались в лифте, который внезапно остановился. Ни вниз, ни вверх мы не могли направить его. Амасар Хакимович стал срочно искать лифтера, но он (по закону подлости) именно в этот момент куда-то ушел. Озадаченные хозяева побежали искать лифтера в соседнем доме. Для нас, запертых в маленьком пространстве, время тянулось медленно. Становилось трудно дышать. К счастью, все закончилось благополучно. Конечно, ситуация не такая уж экстремальная, но ощущения не из приятных.

Встречи со студентами

Ижевск – это не только город оружейников, металлургов, автомобилистов, но еще и город молодежи. Высшие учебные заведения, училища, техникумы собирают в столице Удмуртии молодежь со всей республики и регионов.

После ухода с должности первого заместителя председателя Совета Министров УР я продолжил заниматься наукой. Многим было известно о наших дружеских отношениях с М.Т. Калашниковым. Руководители Удмуртского госуниверситета и сельхозакадемии, где я работал, через меня приглашали знаменитого конструктора на встречи с преподавателями и студентами. Как водится, Михаил Тимофеевич рассказывал о жизненном пути, об успехах, отвечал на многочисленные вопросы. Конечно, особый интерес к подобным встречам проявляли офицеры – преподаватели военных кафедр.

Однажды произошла история, повлекшая за собой некоторые неприятные последствия. Я, работая в УдГУ, организовал одну из таких встреч. В то время Михаил Тимофеевич был еще «закрит». Об этой встрече узнали в Комитете государственной безопасности и секретаря парткома вуза И.В. Наговицина вызвали в органы, сделав серьезное внушение за нарушение «конспирации».

В течение нескольких лет, будучи куратором студенческой группы УдГУ, я не раз зазывал знаменитого друга к своим студентам. Однажды мне предстояло дежурить на дискотеке, пригласил с собой Михаила Тимофеевича.

**Михаил Тимофеевич делает запись
в Почетной книге посетителей ИжСХИ**

я работал, есть портрет: мы вдвоем с Михаилом Тимофеевичем. Сами по себе эти факты кажутся незначительными, но привожу я их для того, чтобы

Тот отказываться не стал, и мы с ним провели вечер на студенческой дискотеке: студенты вокруг отплясывали, а мы с другом сидели в сторонке, наблюдали.

Не раз Калашников бывал и в сельскохозяйственной академии. Встречался с преподавателями, студентами. Всем он был интересен. Военная кафедра всегда активно зазывала его к себе, там оформлены целые стенды с фотографиями, отражающие эти встречи. На кафедре животноводства, где

Встреча со студентами и преподавателями военной кафедры ИжГСХА

еще раз подчеркнуть: Михаил Тимофеевич никогда не зазнавался, был прост и доступен людям любого возраста.

М.Т. Калашников был избран почетным академиком Международной славянской академии образования, науки, культуры и искусства. Диплом ему вручал президент Удмуртского отделения академии профессор В.П. Ковриго в Ижевской сельскохозяйственной академии. И сейчас в Галерее героев этого вуза находится портрет известного конструктора.

С Ижевским государственным техническим университетом (в прошлом – Ижевский механический институт) М.Т. Калашникова связывают не только встречи и работа, но и собственные дети. Здесь учились Виктор, Лена и Наташа. Только старшая из дочерей, Неля, училась в медицинском.

В Ижевском механическом М.Т. Калашников длительное время являлся членом диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, на расширенном ученом совете ему был вручен диплом профессора и специально сшитый традиционный академический костюм: мантия, шапочка и белый шарф.

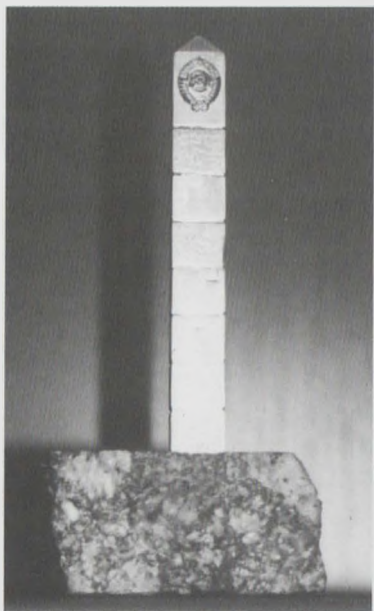
Бывая на встречах в высших учебных заведениях, М.Т. Калашников расписывался в Книге почетных гостей, давал автографы.

Желанный гость

Будучи конструктором знаменитого АК и других модификаций стрелкового оружия, Михаил Тимофеевич стал желанным гостем в любой воинской части. Вряд ли можно назвать число воинских частей и соединений, где побывал Калашников – их очень много. Иногда за ним присылали даже самолет, чтобы доставить на учения или в воинские части.

Встречи эти для М.Т. Калашникова не были формальностью. Ведь он встречался с теми людьми, которые не просто испытывали оружие, сконструированное им, а шли с ним на боевые операции, использовали его на учениях, да и просто разбирали и чистили. От простых служивых он узнавал сильные и слабые стороны своего оружия. К замечаниям и пожеланиям воинов Калашников прислушивался, учитывая их в дальнейшей работе.

Как-то раз в одной из частей молодой солдат поведал конструктору свою грустную историю, связанную с автоматом: уже не раз был наказан – сидел на гауптвахте. А причина состояла в том, что в автомате была небольшая деталь, которая при разборе оружия выпрыгивала из механизма, и бойцы приноровились ловить ее шапкой. А вот этому бойцу никак не удавалось шапку вовремя подставить: деталь улетала, а молодого солдата отправляли на гауптвахту – для науки. Михаил Тимофеевич внимательно выслушал его, понял, что замечание верное, и по приезде домой недостаток в конструкции устранил.

Пограничный столб Советского Союза в миниатюре

Большим уважением пользуется Калашников и в пограничных войсках. Знаменитый гость в заповедных местах – большой праздник, особенно для молодых бойцов. Уже многие годы наша государственная граница охраняется с помощью автомата Калашникова. А когда пограничник заступает в наряд и выходит на охрану границы своей Родины с тем оружием, которое дает ему уверенность в себе, это многого стоит. Нам рассказывали, что иногда бойцы даже целовали автомат перед тем как идти на границу.

Однажды мы с Михаилом Тимофеевичем были гостями Московского высшего училища погранвойск. Ему вручили знак «Отличный пограничник» I степени – высший знак отличия. Ранее он был награжден знаками «Отличный пограничник» II и III степени. Я тогда тоже получил награду,

М.Т. Калашников в воинской части. Свердловск, 1979 г.

В Высшем пограничном училище. Москва, 1972 г.

но рангом ниже. В этом училище нам были вручены миниатюрные пограничные столбы с гербом страны – символом надежности наших границ.

Особое место принадлежит сотрудникам Министерства внутренних дел Удмуртии, которые всегда с особым уважением относятся к Михаилу Тимофеевичу. Сейчас на вооружении МВД есть оружие, разработанное моим другом. Работники МВД всегда приглашают конструктора на торжественные собрания, другие праздничные мероприятия. Михаил Тимофеевич по-доброму относится к людям, охраняющим не только общественный порядок, но иногда и наши с Калашниковым поездки. Были случаи, когда милицмейская машина сопровождала нас с Михаилом Тимофеевичем на охоту по дорогам Удмуртии, а на границе с Татарией наша милиция «передавала» нас милиции той республики.

«Воткинские» американцы

В годы перестройки между нашим государством и Америкой был заключен договор о том, что с той и другой стороны будут присланы наблюдатели за приостановкой производства определенных видов оружия. Подобные наблюдатели могли присутствовать только в одном единственном городе на одном единственном предприятии. Американцы выбрали Воткинск. В одном из городов Америки были наши представители.

И вот американские наблюдатели прибыли в Воткинск, чтобы контролировать выполнение договора о приостановлении производства СС-20. Разумеется, они знали, что всего в нескольких километрах, в столице Удмуртии – Ижевске – живет прославленный конструктор всемирно известного автомата. Желание увидеться с ним, познакомиться было велико, и они пригласили к себе Михаила Тимофеевича.

Специально для поездки к американцам М.Т. Калашникову был выделен хороший автомобиль, и в назначенное время Михаил Тимофеевич прибыл в Воткинск. Наблюдатели рассказали ему о своей работе, показали оборудование, с помощью которого контролируют выход продукции с завода. Оказывается, наблюдательный процесс не прекращается ни на минуту: ни днем, ни ночью. Видел Калашников квартиры, в которых жили американские наблюдатели. Естественно, они значительно отличались от жилья воткинцев, работающих на машиностроительном заводе. Но так у нас почему-то повелось: иностранцам особый почет, а своим – и так сойдет. Американцы говорили, что условиями жизни довольны, но продукты и воду они предпочитали привозить из Германии. Видимо, качество наших продуктов питания и питьевой воды их чем-то не устраивало.

На эту встречу Михаил Тимофеевич взял значки с изображением своего автомата, чтобы подарить на память. Несколько человек остались без сувенира и были искренне расстроены: «Никто не поверит, что мы видели

Встреча с «воткинскими» американцами

живого Калашникова», – сокрушались они. Позднее Михаил Тимофеевич выслал сувенирные значки «обделенным» американцам.

Встреча с американцами прошла в доброжелательной атмосфере. Оказывается, они представляли Калашникова высоким, громогласным, самонадеянным человеком, недоступным для общения с простыми смертными. Михаилу Тимофеевичу наблюдатели из Штатов понравились своей простотой, веселым характером. Если не ошибаюсь, то он встречался с ними еще раз.

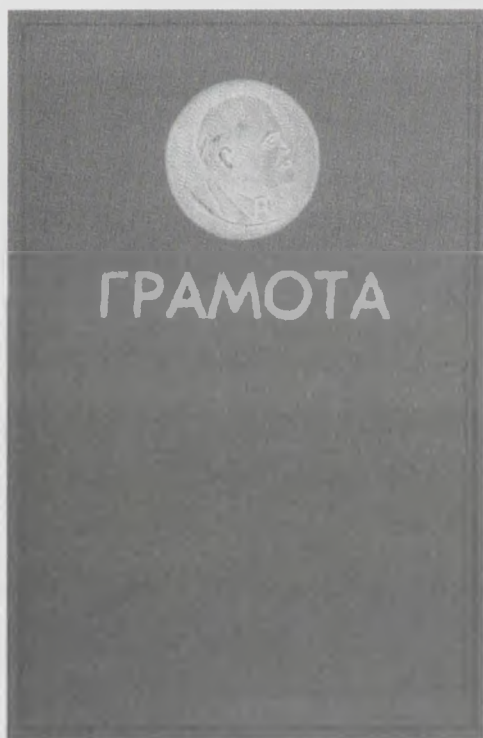
Президентский полк Кремля

Я уже рассказывал о том, какую роль сыграла в моей судьбе служба в Кремлевском полку. Прошли годы, и в 1970 году избиратели Удмуртии доверили мне быть их депутатом в Верховном Совете СССР. Я вернулся работать в то самое здание, где начинал свою службу курсантом во время Великой Отечественной войны.

Очень много воспоминаний связано у меня с Кремлем. Как-то раз, находясь в Кремле на сессии Верховного Совета, поинтересовался у охраны, служит ли еще здесь А. Ксенофонтов – мой товарищ по службе в военные годы. Мне о нем было известно только то, что он дослужился до звания полковника. Уточнив, откуда я его знаю, охрана, по-видимому, сообщи-

Командир Кремлевского полка полковник Косолапов награждает
В.В. Соколова почетной грамотой. Москва, Кремль, 1972 г.

Депутату Верховного Совета СССР
тов. СОКОЛОВУ В.В.

В память о встрече с воинами-
кремлевцами.

Желаем Вам, уважаемый
Валентин Владимирович, новых успе-
хов в работе, хорошего здоровья и
счастья в жизни.

Командир войсковой части
(Косолапов)

20 сентября 1972 года

ла обо мне своему руководству. И однажды во время перерыва между заседаниями нашей палаты ко мне подошел молодой человек в штатском и попросил пройти с ним. Мы пришли в небольшую комнату, где нас ждали. Позвучала примерно такая фраза: «Мы знаем о вас все». Я, признаться, даже немного испугался, подумав, что в чем-то провинился. Но оказалось, что меня приглашают на встречу с личным составом Кремлевского полка и на съемку документального фильма «Летопись Кремлевского полка».

Я поблагодарил за приглашение и высказал пожелание прийти вместе с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым. В.К. Марисов, у которого я должен был попросить разрешения уйти с сессии, сказал: «Надо идти. Не каждый удостоится такой чести, чтобы перед ним построился Кремлевский полк». Михаил Тимофеевич приглашение принял, пошутив: «Во многие части меня приглашали, а в Кремль – никогда».

Полк располагался в здании Арсенала. Встретили нас радушно, познакомили с личным составом и условиями быта. Мы с Калашниковым расписались в Книге почетных гостей, нас наградили грамотами. А в следующий приезд в Москву вновь пригласили в Кремлевский полк. Командир полка полковник Косолапов показал нам тот самый фильм, на съемки которого мы были приглашены в прошлый раз. Нас предупредили, что на экраны страны фильм не выйдет.

Мне бы хотелось, чтобы копия фильма, отснятого в Кремле, хранилась и в музее Калашникова, который рано или поздно будет открыт. По этому вопросу у меня даже завязалась переписка с командиром полка. На мой первый запрос ответили, что в Госфильмфонде такого фильма нет. А когда я повторно обратился с этой же просьбой, то сообщили, что фильм был снят старой аппаратурой и восстановлению не подлежит. А жаль, ведь история, несмотря на перипетии нашей жизни, вечна, в том числе и история этого полка. Кремль навсегда останется святым местом России, а служба в нем всегда была и будет почетной. Мне памятно и дорого то время, когда я служил в Кремлевском полку.

Уважаемый Валентин Владимирович!

С большим вниманием и интересом ознакомился с Вашим письмом от 20 января 2003 года. Однако, к сожалению, указанный Вами фильм «Летопись Кремлевского полка» снимался старым киносъёмочным аппаратом «КонВас», применявшимся в кинохронике с середины прошлого века. Это обстоятельство, а также то, что на интересующей Вас киноплёнке, в связи с ее длительной эксплуатацией, имеются многочисленные механические повреждения, сделать с нее копию не представляется возможным.

С уважением, командир войсковой части 1005
13 февраля 2003 года.

С. Янгоров

Позже на протяжении многих лет Михаил Тимофеевич не раз встречался с офицерами Кремлевского полка. (Кстати, теперь он называется Президентским полком Кремля.) Завязалась у него дружба с главным оружейником полка. Тот приезжал в гости к Михаилу Тимофеевичу с женой и дочерью. А в полку как ценная реликвия хранится автомат с автографом Калашникова.

Мне довольно часто приходилось бывать в Москве. Однажды произошла история, позволившая встретиться с товарищем военных лет Ксенофонтовым. Собираясь посетить Мавзолей, я стоял в очереди. У входа охрана спросила, нет ли у меня оружия. Я знал, что эту охрану нельзя обмануть. В кармане брюк лежал небольшой трофейный пистолет. Когда я утвердительно ответил на вопрос, они объяснили, что его можно сдать в специальную камеру хранения, которая находится на противоположной стороне Красной площади. Сдал я пистолет, побывал в Мавзолее и снова – в камеру хранения. Попросили показать документ на оружие. А там указан пистолет ТТ. Вот мне и говорят: «Пистолет не можем отдать, так как в документе указан другой». Конечно, я стал просить вернуть пистолет, объясняя ребятам, что сам во время войны здесь служил, назвал имя Ксенофонта. А они мне: «Так это наш командир!»

Пистолет мне вернули, а с товарищем по службе мы, конечно, отметили нашу встречу.

О службе в Кремлевском полку напомнило еще одно событие. Однажды, будучи в Москве, мы с женой и сыном решили посетить Мавзолей Ленина. Уже почти подойдя к его входу, увидели, как из двери вышли три полковника в парадной форме. К моему удивлению, они подошли и на глазах изумленных людей стали обнимать меня и целовать. Оказывается, это были офицеры Кремлевского полка. Нам предложили пройти без очереди, но мы отказались. А офицеры не ушли – дожидались неподалеку. Когда мы вышли из Мавзолея, один из них провел с нами полную экскурсию по Кремлю. Мы побывали в Оружейной палате, посетили Алмазный фонд, причем без билетов и пропусков. Это было приятно и трогательно: для каждого человека важно, что его помнят и ценят.

Заграница по моим рассказам

Когда-то моя работа была связана с поездками за границу. В советские времена немногим довелось увидеть и узнать, что это такое. Но и нам, работающим в других странах, эти поездки не казались туристическими. Свобода действий была ограничена. К тому же, все было под контролем специальных органов. Но все-таки мне удалось многое увидеть, побывать во многих культурных и исторических местах.

Подобная политика государства почти не оставляла шанса на выезд за границу, тем более, в капиталистические страны. Конструктор Калашников мог только мечтать о том, что когда-нибудь этот мир распахнет для него двери. Большое количество стран пользуется его изделиями, а ему туда дороги нет. И получалось так, что неизвестный и загадочный мир Калашников открывал через впечатления тех, кто там бывал. Многие рассказывал я, поскольку впечатлений за годы своих зарубежных поездок накопил достаточно. Особенно много вспоминал о Германии, Польше, которые хорошо узнал за три года службы после войны.

Интересной была поездка в Чехословакию в качестве руководителя группы советских туристов. В эти непростые времена позиции Советского государства в мире находились под угрозой.

Только что сместили Дубчека, наши союзники по Варшавскому договору ввели войска в Чехословакию. Это был период, когда слова «советский», «русский» вызывали неприязнь и агрессию у многих чехов. Но после смещения Дубчека чехи чувствовали свою вину за нарушенные договоренности и стремились «покаяться» перед нами. Советские люди стали самыми желанными гостями в Праге, но, конечно, только для определенных слоев. Поэтому нам надо было вести себя так, чтобы не спровоцировать

чехов на какие-либо агрессивные действия. Мы побывали в самых престижных районах города – Праге-7 и Праге-10. Приемы проходили со всеми почестями, устраивали банкеты, на которые специально для встречи с нами были приглашены самые известные и почитаемые люди столицы.

Состоялась встреча с послом нашего государства в Чехословакии. Для этого из нашей делегации мне позволили выбрать еще двоих человек. Не сразу определились с местом встречи. Наконец, выбор пал на ресторан, где хозяин и публика лояльно относились к Советскому Союзу.

Получилось так, что в делегации, к которой было привлечено внимание чехов, на данный момент среди представителей нашего государства не оказалось никого, выше меня по должности и полномочиям. И мне приходилось возглавлять делегацию не только на званых вечерах, но и на официальных встречах.

Обо всех встречах, приглашениях, передвижениях по городу докладывалось в посольство СССР. И вдруг меня пригласил домой полковник КГБ города Праги. Из нашего посольства на вопрос: что делать? последовал ответ: идти обязательно. Сделать подобное приглашение раньше никто не решался. Это было опасно. Таких людей просто убивали. На встречу приехал председатель союза советско-чехословацкой дружбы.

Хочу описать один случай. Был званый вечер – один из тех, на которых многие вопросы решаются в неофициальной обстановке. Приглашенных было много. Все шло своим чередом. Только в нашей делегации произошла заминка, которая могла перерасти в скандал. Дело в том, что прием устроили по западному этикету. Сейчас подобные встречи называют фуршетом. По роду своей деятельности мне приходилось участвовать в подобных мероприятиях и я знал, как себя вести. Но не предполагал, что у моих соотечественников все это вызовет с трудом сдерживаемое негодование.

Вместе со мной присутствовали несколько председателей колхозов, другие члены нашей делегации. Все проходило, как и положено: прибывают новые гости, подходят к столу с закусками, напитками, посудой, обслуживают себя сами. Наши сели за стол и ждут, когда же им все это поднесут. Я сидел среди почетных гостей, подходят ко мне несколько человек с оскорбленным видом и объясняют, что готовы уйти, поскольку никто не оказывает им внимания. Естественно, я объяснил своим соотечественникам, в чем дело, попросил не обострять ситуацию недипломатичным поведением и демонстративным уходом. Послушали меня не все. Несколько человек все-таки подошли к двери и хотели уйти.

А после завершения нашего визита в Чехословакию на меня была написана жалоба в КГБ. Беседовали со мной в этой уважаемой организации. Пришлось объяснять, что для подобных визитов людей необходимо подбирать или, как минимум, объяснять, в какую страну они едут и как себя вести. Правота моя была очевидна, и жалоба не имела последствий.

Надо сказать, что в Чехословакии в этот критический период было много иностранцев. К примеру, в Марианских Лазнях, находящихся на границе с Германией, с нами в гостинице проживали западные немцы, так называемые охотники, разумеется, с оружием. В ресторане, где мы обедали, было много англичан.

Несмотря на напряженность ситуации, мы посетили много интересных мест, побывали в красивейших городах Чехии и Словакии: Брно, Братиславе, Высоких Татрах, Марианских Лазнях, Киёве, в Моравии под Аустерлицем, где произошло известное сражение русских войск под предводительством Кутузова с французскими войсками под руководством Наполеона. На месте сражения установлен памятник: моравка, оплакивающая погибших в сражении воинов.

Но самым большим и интересным событием из моих зарубежных путешествий была поездка в составе советской парламентской делегации на сессию Межпарламентского союза в Камерун, находящийся в Экваториальной Африке. Мне позвонили из Москвы, предупредили о предстоящей поездке и необходимости сделать прививку. Но В.К. Марисов, узнав о моем возможном отъезде, был против, сославшись на мою занятость. Председатель президиума Верховного Совета СССР Подгорный ответил ему довольно резко, чтобы тот занимался своими делами, а в Москве знают, кому из депутатов какую работу поручать.

Руководителем делегации была Я.С. Насретдинова – председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР. В состав делегации кроме меня вошли депутаты: академик Шамота, рабочий Цецегов, бывший секретарь ЦК комсомола Визиров, а также должностные лица: заведующий отделом Верховного Совета, заведующий отделом Министерства иностранных дел и переводчики. Перед выездом мы побывали в Совете национальностей, посетили посольство Камеруна, где нам рассказывали об этой стране, ее особенностях.

Из Москвы мы вылетели в Париж, оттуда – на Викторину и дальше самолетом в город Яундэ – столицу Камеруна. В Яундэ мы жили в шикарной гостинице Монт-Фидэ-Палас вблизи летней резиденции президента Камеруна. Для всех делегаций была организована встреча с президентом, приемы в здании Национального конгресса с концертной программой ведущих артистов и фольклорных коллективов страны.

Очень необычно проходила встреча с президентом. Ничего подобного я больше нигде и никогда не видел. Экзотичность приема начиналась уже с аллеи, по которой руководитель страны шел во дворец: она была усыпана лепестками роз. Мы шли рядом, по специально отведенным дорожкам. У этих дорожек стояли дюжие атлеты-негры в национальном одеянии воинов. Рядами стояли женщины Камеруна, на них были своеобразные платья, украшенные спереди и сзади изображением президента. Когда

Танцы камерунцев

правитель проходил по аллее, женщины издавали приветственные крики и совершали телодвижения в африканских ритмах.

Много интересного, необычного мы увидели в этой экзотичной стране: как молятся в специально отведенных местах в пасхальные дни аборигены, как оберегают жители свой национальный заповедник. А насколько экзотичен музей африканского искусства! Конечно, подобное надо видеть своими глазами. Это просто другой мир.

Очень интересно выглядели прически местных женщин. У богатых дам на головах было сооружено нечто необычайное: десятки, а может и больше сотни тонких косичек собирались аккуратнейшим образом в какой-то замысловатый пучок, и все это украшалось розой или другим цветком. Женщины из кварталов победнее выглядели проще и почти всегда носили на голове какой-нибудь груз.

Контраст между огромным богатством одних и нищенским существованием других бросался в глаза.

В Камеруне можно было встретить и наших соотечественниц. Выйдя замуж за африканцев, они мечтали попасть в рай, а оказались в аду, где к ним относились хуже, чем к рабам.

Показали нам, как производят тростниковый сахар. Причем мы наблюдали процесс от посадки тростника до загрузки готового сахара на корабль. В африканской саванне видели жирафов, но особый интерес выз-

вал питомник крокодилов. Сводили нас и на побережье Атлантического океана в порт Виктория, где мы искупались в теплой, как парное молоко, океанской воде. Но беспощадно палящее солнце не позволяло долго купаться и тем более загорать: можно было мгновенно обгореть. Интересно, что африканцы не купаются в океане и не загорают. Пляжей, в нашем понимании этого слова, там вообще нет, потому что загореть невозможно – можно только сгореть. Мы, непривычные к такой высокой температуре, да еще с большой влажностью, чувствовали себя не совсем комфортно. В помещении без кондиционеров нельзя было находиться даже короткое время. Поэтому, несмотря на гостеприимность камерунцев, мы мечтали скорее попасть домой.

Поездка была исключительно интересной, длилась она целый месяц и позволила побывать в ряде столиц Европы и Африки, ознакомиться с их достопримечательностями.

В Нигерии мы столкнулись с той же проблемой: слишком жаркий климат. Но эта страна богаче – там есть нефть, и народ живет лучше, чем в Камеруне.

Навсегда остались в памяти красоты Лагоса, Парижа, Рима, Вены и других городов. На память о Лагосе я привез домой головку африканки, выполненную из железного дерева. В африканских странах, где мы побывали, можно

Камерун. Африканская семья

многое купить, но за большие деньги, которых у нас, естественно, не было. Правда, нам объясняли, что в Европе эти товары значительно дешевле.

На обратном пути в Советский Союз мы на несколько дней остановились в столице Италии – Риме. Этот город бережно хранит свою многовековую историю. Колизей, разрушенные колоннады, лестницы и древние площади далеких веков уживаются с прекрасной современной архитектурой.

Посещение Ватикана оставило очень сильное впечатление. Ведь Ватикан – это древнее сокровище культуры, буквально «нафаршированное» шедеврами всех видов искусства. Побывали и в Сикстинской капелле, написал которую сам Микеланджело. Здесь проходит церемония избрания Папы Римского кардиналами.

Хочется подробнее рассказать об исторических памятниках Рима. Колизей возведен в 72–80 годах н.э. во времена правления императора Нерона. Был он предназначен для гладиаторских боев. Капитолийская площадь создана в XVI–XVIII веках по проекту Микеланджело и в первоначальном виде дошла до наших дней. Монументальная лестница, ведущая на Капитолийский холм, в центре – бронзовая статуя императора Марка Аврелия, по сторонам – два дворца, в которых размещаются музеи – богатейшее собрание античной культуры. Наиболее сохранившийся из памятников – храм всех богов Пантеон, а самый известный из многочисленных римских фонтанов – фонтан Треви, созданный в стиле барокко. Увидели мы и шедевр мирового искусства – скульптуру Моисея, оригинал которой хранится в одном из соборов Рима. Все это, а также мавзолей Адриана, собор Святого Петра, множество церквей, монастырей и других исторических построек делают Рим незабываемым и любимым городом туристами всего мира. Побывал я и в римском университете.

Два дня наша делегация провела в Вене – столице Австрии. Город поразил нас своей красотой. Собор Стефана, прекрасно сохранившийся, вызывает восхищение и удивление. По рассказам историков, его строили в течение четырех веков.

Послом в Австрии в то время был опальный секретарь ЦК КПСС Аристов. Он радушно принял нас, организовал экскурсию по городу, сфотографировался с нами.

Словом, впечатлений от этой и других не менее интересных поездок было предостаточно, и по прибытии домой я делился ими с близкими и друзьями. Конечно, о многом мы говорили после моих поездок и с Михаилом Тимофеевичем. Я рассказывал о странах, которые увидел, о бытующем там их жителей. До сих пор в памяти сохранились яркие впечатления от увиденного и пережитого.

Изменилась политика нашего государства. Заграница открылась для многих наших соотечественников. К сожалению, большая их часть ездит по заграницам не для знакомства с культурными ценностями и бытом народов.

Вена. Члены делегации и работники посольства в венском аэропорту

За последние годы знаменитый конструктор объездил почти весь мир. Пришла его очередь делиться впечатлениями, а моя – слушать его рассказы. С особым интересом мы обсуждали те города и памятники, которые видели оба, но в разные годы, находя по рассказам, что изменения произошли в различных городах мира. Совершить совместное заграничное путешествие нам так ни разу и не довелось.

И хотя Михаил Тимофеевич после очередного путешествия говорит: «Все, больше никуда не поеду», – я уверен, он полон сил и энергии для путешествий.

Открытие Америки

Я уже не раз говорил, что М.Т. Калашников долгие годы был закрыт не только для внешнего мира, но и для своих соотечественников. Это может вызвать улыбку, но были случаи, когда люди, работающие рядом с Михаилом Тимофеевичем, отправляли ему письма в Москву, а оттуда их пересылали конструктору в Ижевск.

А вот однажды Михаил Тимофеевич получил письмо из США от доктора Эдварда Клинтона Изелла. Это известный американский ученый. Он завершал большой энциклопедический труд по истории стрелкового

оружия мира, и вполне закономерно оружие Калашникова занимало в нем ведущее место. У автора в связи с этим появился ряд вопросов к Михаилу Тимофеевичу, связанных в основном с некоторыми биографическими данными. Хотелось ему иметь фотографию прославленного оружейника. В письме доктор Изелл писал: «Как историк стрелкового оружия, я считаю, говоря без лести и преувеличения, что Вы оказали решающее влияние на развитие этого класса техники во второй половине XX века. Думаю, что это обстоятельство обязывает нас отнестись с особым вниманием к Вашей творческой деятельности, которая сыграла важнейшую роль в формировании известного нам облика мира... Помимо научного и человеческого интереса такого рода знание представляет большую воспитательную и образовательную ценность для молодого поколения и, как мне кажется, может способствовать росту взаимопонимания и взаимоуважения между народами наших стран». Американский ученый адресовал Михаилу Тимофеевичу вопросы, на которые просил ответить.

Время было такое, что самостоятельно принимать решение: отвечать или не отвечать, было нельзя. Михаил Тимофеевич обратился за советом к генералу КГБ Н.И. Неверову. Тот порекомендовал ему отмолчаться. Михаил Тимофеевич так и сделал.

Прошло какое-то время, и вдруг – звонок из Министерства иностранных дел СССР. Москва интересовалась, почему Калашников не отвечает на письмо из США. Калашников честно признался, что следовал советам КГБ. Представитель министерства объяснил, что внешняя политика нашей страны претерпела существенные изменения и взят курс на всестороннее сотрудничество с Соединенными Штатами Америки. Следовательно, Михаил Тимофеевич должен ответить на письмо американского ученого. Получив официальную поддержку, Михаил Тимофеевич отправил ответ на письмо Изелла. Это был первый, заочный контакт с иностранцем. А вскоре от Э. Изелла пришла бандероль, в которой была его книга «История стрелкового оружия мира». Интересно то, что американец, не зная точного места проживания Калашникова, отправил книгу по такому адресу: Казахская ССР, г. Ижевск, Калашникову. Бандероль доставили Михаилу Тимофеевичу, и книга ему очень понравилась. Это капитальный, солидный труд ученого, в котором изделия Калашникова представлены в деталях и очень полно. Удивительно и то, что Изелл довольно точно описал его биографию. Стало ясно, что американцы многое знали о нашем «засекреченном» оружейнике.

При встрече с М.Т. Калашниковым в личной беседе Э. Изелл сказал: «...Многие наиболее яркие оружейники современности, в частности хорошо известные вам Юджин Стоунер (М-16) и Узиель Галь-Блашников, работавшие с системами Джонсона Холлика (“Узи”) и вашей, считают вашу систему оружия лучшей в мире. Оба просили меня передать вам дружеский привет».

А через некоторое время от господина Изелла пришло письмо Михаилу Тимофеевичу, в котором была просьба дать согласие на приезд группы американцев во главе с Изеллом для съемок фильма. Хоть политика нашего государства и взяла курс на всестороннее сотрудничество, а советоваться в обкоме партии Михаилу Тимофеевичу пришлось. К тому времени с Ижевска сняли статус закрытого для иностранцев города. Уже приезжали немцы и французы на строительство автозавода. М.Т. Калашникову разрешили дать согласие на участие в фильме. Однако Москва предпочла скорректировать место съемок: Михаилу Тимофеевичу сказали в компетентных органах, что билеты до Ижевска американцам не продадут ни при каких условиях. Не идти же им пешком до столицы Удмуртии? И вообще, какая им разница, где снимать Калашникова?

**Сувенир Рюгеру-старшему
от Калашникова. США, 1992 г.**

Начались долгие переговоры между встречающимися сторонами. Наши ответственные чиновники не хотели принимать слишком большую группу специалистов из США. Авторам фильма было предложено взять для работы нашу съемочную бригаду. Со своей стороны американцы поставили два условия: во-первых, им нужна хорошая аппаратура, чтобы обеспечить высокое качество съемок, во-вторых, разрешение на приезд в Союз они должны получить до мая, учитывая то, что бюджет их фильма должны были утвердить в мае. Наши согласие дали, но с большой задержкой. Тем не менее, американцы приехали, сняли фильм в намеченные сроки и качественно. Начало фильма снимали в Москве и Ленинграде, а продолжение – в Америке, куда и направился Михаил Тимофеевич в первый раз.

Свой первый вояж в Америку Михаил Тимофеевич совершал не один, а с дочерью Леной и переводчиком. Принимали их очень хорошо. Для американцев появление такого именитого оружейника стало событием незаурядным. Увидеть русского конструктора стремились даже те люди, которые знали о нем лишь понаслышке, приезжали издалека, из разных штатов. М.Т. Калашников увидел там немало интересного.

Встречался и с военными. Не секрет, что вьетнамские солдаты воевали с нашими АК. Известно, что и американские солдаты, воюющие во Вьетнаме, были не прочь завладеть этим автоматом и при возможности воевали с ним. Когда Калашников встретился с американским генералом, командовавшим морскими пехотинцами во Вьетнаме, он задал ему вопрос: «Вы воевали с АКМ или с М-16?» Тот ответил, что он американец и, конечно, воевал с М-16. Американцы – известные патриоты.

Будучи в Америке в первый раз, Михаил Тимофеевич встречался с Юджином Стоунером, конструктором американской винтовки М-16. Стоунер – богатый человек, говорили, что у него был личный самолет. Состоялась у Калашникова встреча и с автором автомата «Узи», который дал оружию свое имя. По мнению Михаила Тимофеевича, вся внутренняя начинка этого автомата от АКМ. Сейчас этих конструкторов уже нет в живых.

Имя Калашникова и его изделия американцы увековечили тем, что внесли их в специальный компьютерный каталог.

Возвратившись домой, Михаил Тимофеевич подробно рассказал нам о поездке, поделился впечатлениями, показал привезенные подарки и сувениры. Первый визит в США проложил российскому конструктору дорогу в ранее запретный мир. Приглашения буквально посыпались из разных стран. Сейчас на его счету более тридцати заграничных поездок. Только в Америке он побывал шесть раз. Последний вояж за океан он совершил в 2003 году с дочерью Леной и внуком Игорем.

В Америке произошло еще одно интересное знакомство М.Т. Калашникова. Японец Масами Токой собрал уникальный материал об автоматическом оружии мира. Жил он тогда в Германии, а встретился с Калашниковым в Америке. Масами подарил Михаилу Тимофеевичу альбом, в котором было показано устройство механизма стрелкового оружия, принципы его работы. В своей книге японец сделал вывод, что многие страны, создавая автоматы внешне непохожими на АК, позаимствовали принцип их действия у Калашникова. Масами Токой дважды приезжал на юбилей Михаила Тимофеевича.

Зная, что Михаил Тимофеевич любит охотиться, в первый же приезд в Америку ему организовали охоту на дикого индюка, а в один из приездов – на бурундука и землеройку. На более крупного зверя охота в то время была запрещена. Михаилу Тимофеевичу и в голову не приходило охотиться на таких зверьков, и подобную охоту он считает несерьезным занятием, а в бурундуков вообще отказался стрелять.

Все поездки в Америку отличались хорошей организацией. Принимающая сторона всегда заранее сообщала М.Т. Калашникову программу пребывания: место размещения, все встречи и мероприятия, день и время вылета домой. Кроме того, американцы брали на себя многие расходы, а в первое посещение даже разрешили Михаилу Тимофеевичу и Лене приобрести в магазине сувениры на сто долларов, заранее оплатив эти расходы.

Побывал Михаил Тимофеевич в США на юбилее Билла Рюгера. В подарок богатому владельцу оружейных заводов, главе фирмы «Штурм, Рюгер и К°» он преподнес уменьшенную модель автомата АК, помещенную в специально изготовленную и украшенную вязью стелу. Был приготовлен подарок и у переводчика В.Н. Шилина, который ездил с Калашниковым. Он подарил юбиляру картину с изображением Божьей Матери. Но позже этот подарок обернулся для Михаила Тимофеевича неприятным сюрпризом. Через некоторое время после визита в английской прессе появилась статья, в которой было написано, что Калашников подарил Б. Рюгеру не только Божью Матерь, но... и портрет Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко на обратной стороне картины. Это была последняя совместная поездка Калашникова и Шилина. Встреча с Биллом Рюгером в городе Феникс штата Аризона дала возможность Михаилу Тимофеевичу побывать у Гранд-каньона. Это чудо природы произвело на него очень сильное впечатление.

Одна из поездок М.Т. Калашникова в Америку состоялась по частному приглашению вдовы Изелла. Михаил Тимофеевич ездил к ней с Леной и Игорем и пробыл в гостях недели две. Жили они в частном особняке. Застолья, как в России, устраивать в Штатах не принято, но интересных встреч было достаточно. Михаил Тимофеевич с Игорем отправились домой, а Лена еще неделю оставалась в гостях у госпожи Изелл.

Не только Америка, но и весь мир

Во всех зарубежных поездках Михаил Тимофеевич чувствовал к себе повышенное внимание. За ним буквально бегали по пятам, но не только корреспонденты, а и самые обычные люди, желающие получить автограф. Оказывается, многие считали, что легендарного Калашникова давно нет в живых. Немало и тех, кто думал, что Калашников – не реальная личность, а название автомата, который создавал не конструктор, а какое-то научное закрытое учреждение. Поэтому, слышав о живом конструкторе знаменитого АК, его все стремились увидеть, приглашали на радио и телевидение, брали интервью.

Многие поездки М.Т. Калашников совершает в составе делегации государственной компании «Росвооружение». Трудно даже перечислить все страны, где конструктор побывал за последние годы: Америка, Англия, Франция, Германия, Венгрия, Китай, Аргентина, Болгария, ЮАР, Турция, Арабские Эмираты, Индия, Бразилия, Иран, Финляндия, Колумбия, Швейцария... Конечно, каждая поездка оставляла богатые впечатления, память о встречах с интересными людьми, порой – главами государств, министрами обороны и другими важными государственными деятелями.

Так, при посещении Америки конструктора старались познакомить не только со специалистами стрелкового оружия, но и с коллекционерами. Оказалось, богатые любители оружия обладают целыми арсеналами стрелковых образцов, изготовленных фирмами разных стран. Коллекционеры демонстрировали Калашникову свои действующие экспонаты, предлагали пострелять из любого, не ограничивая в выстрелах. Михаил Тимофеевич относился к этому равнодушно, а вот внук Игорь воспользовался случаем, чтобы развлечься. Ведь в России патроны стоят недешево, и покупать их ради стрельбы из спортивного интереса вряд ли кто-то станет.

В Аргентину Калашников ездил на выставку оружия, где ему подарили револьвер аргентинского производства. Участвовал в охоте на диких кроликов, которых было видимо-невидимо. Стрельба по кроликам, как правило, весьма результативна, но... Михаил Тимофеевич привык охотиться на крупных зверей.

Михаилу Тимофеевичу довелось увидеть самые знаменитые среди туристов мира места, признанные чудесами света. В США его специально возили посмотреть каньоны. А из Аргентины самолетом отправляли в Бразилию полюбоваться знаменитым водопадом. Интересно замечание: в аэропорту царят порядок и пунктуальность. Люди не толпятся, никто не опаздывает, самолеты взлетают минута в минуту. Водопады в Бразилии открыты для всех туристов. Все предусмотрено: места для еды, для купания, отдыха. «Они умеют отдыхать», – сказал Михаил Тимофеевич. В Арабских Эмиратах его поразила и восхитила столица, построенная на голом месте: руки и талант человека превратили пустыню в чудный город, где все благоухает в зелени и цветах. Каждое здание – произведение архитектуры, не похожее на другое. Богатые материалы – мрамор, золото, которыми отделаны многие здания, – отражение благосостояния страны. Но жители Арабских Эмиратов не забывают о своем историческом прошлом, чтят и соблюдают традиции. Некоторые городские жители регулярно выезжают к аборигенам, чтобы на какое-то время окунуться в атмосферу древних обычаев и обрядов. А по поводу дорог в этой экзотичной стране Михаил Тимофеевич сказал, что они ровнее, чем стол, за которым мы сидим.

Не раз ему пришлось бывать и в Европе. В Швейцарии посетил места, связанные с именем знаменитого русского полководца А.В. Суворова. Швейцарцы бережно относятся к историческому прошлому. М.Т. Калашников был удивлен чистотой и порядком, не прижившимися, к сожалению, на территории нашего государства несмотря на многочисленные кредиты, вливания и инвестиции иностранцев. Проезжая небольшие швейцарские города, Михаил Тимофеевич видел коров, гуляющих прямо по городу и вблизи него. Их ухоженный вид вызвал настоящее восхищение русского конструктора. Позднее он нам в шутку сказал, что их, наверное, моют шампунем. Из Швейцарии он привез два оригинальных сувенира – колоколь-

чик, который посят на шее коровы, и поз, интереснее которого я в жизни больше не видел.

В Болгарии Калашников был три раза, в том числе отдыхал на курорте Золотые пески вместе с супругой Екатериной Викторовной.

Запомнилась Михаилу Тимофеевичу поездка в Финляндию. Гостю показали карты с подробным описанием военных действий в финской войне и выразили свое мнение по поводу того, что Советская Армия понесла много потерь в этой кампании: не была достаточно готова к ведению боевых действий в условиях Севера и недооценила финских солдат.

Посетив Индию, Михаил Тимофеевич привез мне оттуда привет, чем очень удивил. Оказалось, там он встретил мою давнюю знакомую Любовь Францевну, родом из Сюмсинского района Удмуртии, которая была дочерью моего коллеги по работе на опытной станции, человека интереснейшей судьбы Яна Франца Бернардовича. В то время ее муж работал в посольстве в Индии. В этой стране Калашников увидел одно из чудес света, шедевр мировой культуры и свидетельство романтической, вечной любви – дворец Тадж-Махал.

В 1991 году Калашников с сыном Виктором и технологом Евгением Шумковым ездили в Китай. В Пекине он выступал перед специалистами оборонной промышленности. Организаторы встречи возили Михаила Тимофеевича в музей Гугун, который находится в Императорском дворце, в институт легкого оружия, где Калашников тренировался в стрельбе из автомата с коротким стволом. Побывал он в городе Чун-Чин на заводе стрелкового оружия и еще на двух оружейных заводах. Очень интересно прошла экскурсия на Великую Китайскую стену и в каменный лес – чудо природы. У нашего человека с Китаем и китайцами связаны самые разные ассоциации. Удивительно было услышать, что в тех местах, где побывал Михаил Тимофеевич, идеальная чистота: ни бумажки, ни мусора: «Словно они не едят и не пьют».

Из этой поездки Михаил Тимофеевич привез много интересных воспоминаний, но не обошлось там и без неприятностей. Во время стрельбы из автомата кто-то сдернул с него наушники, а его слуховой аппарат и раньше был очень чувствителен. Уши сразу отреагировали воспалением. Калашникова показали специалистам, предложили лекарства, но посоветовали лечиться дома.

Проблемы с ушами были у Михаила Тимофеевича давно. Как-то заманили его в США на лечение. Надеюсь, что там помогут, он поехал. Но врач, осмотрев пациента, сказал, что время потеряно: лечить уши поздно. Михаил Тимофеевич был очень недоволен. «Лучше бы он мне просто воды выписал, обнадежив, чем так говорить», – сказал он впоследствии.

По приглашению главы фирмы «Г. Браун Электроник» господина Гюнтера Брауна и его друга Клауса Юргена Мюллера Калашников летал в Германию вместе с Игорем. Там он выступил на Международном симпо-

зиуме-97 и подарил музейный экспонат – АК-47 с памятной табличкой и своим автографом. В ту поездку побывал он и во Франции. В военном музее на выставке видел прославленный танк Т-34. Этот танк ему знаком не по картинкам – воевал на таком же.

Интересно, что на знамени Мозамбика вместе с книгой и мотыгой изображен автомат Калашникова как символ борьбы этой страны за независимость. И такой флаг есть в коллекции сувениров у Михаила Тимофеевича. Его в дар конструктору вручил сам министр обороны этой страны в официальной обстановке, но... в шортах. Нашему человеку немного неловко было видеть министра Мозамбика в столь легкомысленном одеянии, но это официальная военная форма. А мальчикам этой страны родители нередко дают имя Калаш – в честь знаменитого конструктора.

Одна из внучек Калашникова, Женя, живет с мужем в Колумбии. Знаменитый дедушка побывал в гостях у внучки, увидел своего правнука, полное имя которого звучит так: Камалито Надхар Ветшев.

Ездил Михаил Тимофеевич и в ЮАР. В его спальне на полу лежит экзотическая шкура зебры, подаренная ему во время визита.

А совсем недавно М.Т. Калашников совершил еще одну знаменательную поездку в Америку через Германию вместе с Леной и Игорем. Дело в том, что в Германии Михаил Тимофеевич оказался не просто с дружественным визитом, а по коммерческим делам. Как сообщали различные информационные источники, немецкая компания ММІ заключила со знаменитым конструктором контракт об использовании его имени при производстве различных товаров. Из Германии дорога лежала в Америку.

Конечно, это просто замечательно, что человеку удастся путешествовать по миру, который, как оказывается, разнообразен и необычайно прекрасен этим разнообразием. А Михаил Тимофеевич из каждого путешествия привозит восторженные впечатления, много рассказывает об увиденном. Показывает нам многочисленные подарки и сувениры, фотографии, фильмы.

Хорошо, что в жизни иногда происходят перемены. Мог ли Михаил Тимофеевич еще совсем недавно представить, что все эти красоты мира он увидит собственными глазами, а не по моим рассказам!

Интересные люди в моей жизни

Так складывалась жизнь, что судьба забрасывала меня в разные части света: от центральной России до Камеруна. Могу с уверенностью сказать, что интересные, замечательные люди есть всюду. С кем-то дружеские отношения связывают на многие годы, завязывается переписка, происходят встречи. А бывает и так, что, повстречавшись с человеком единожды, с теплотой вспоминаешь эту встречу всю жизнь. Мой путь наполнен и встречами и дружбой. А еще могу сказать, что мне просто везло на интересных и знаменитых людей. Представьте, видел Сталина, крупнейших военачальников нашего и других государств, сколько именитых ученых довелось повидать и общаться со многими. А дружба с Калашниковым? Конечно, не назвать всех имен. Очень многих уже нет в живых, но о них я до сих пор храню теплые и дорогие сердцу воспоминания.

К.И. Барулин

Константин Иванович Барулин – крупный ученый-физиолог. Он был известен не только в нашей стране, но и за рубежом. Профессор Барулин – яркая личность. Закончил два факультета Саратовского университета и аспирантуру у академика Богомольца. Владел тремя иностранными языками: английским, немецким, французским.

Не только узкая научная деятельность была интересна этому человеку, он хорошо рисовал, увлекался охотой. Предпочитал охотиться в основном на пернатую дичь – боровую и болотную. Отпуск ежегодно проводил на охоте в компании интересных людей.

Мне очень хотелось познакомить Михаила Тимофеевича Калашникова с Константином Ивановичем Барулиным, и это знакомство состоялось в Москве на квартире профессора. Константин Иванович рассказывал нам

о семье Вавиловых (родная сестра Барулина была женой академика-генетика Н.И. Вавилова), о том, какие научные и идейные споры происходили между Н.И. Вавиловым и Т.Д. Лысенко и как однажды подобный спор закончился словами Николая Ивановича: «Нас рассудит время».

От Константина Ивановича узнали мы, как в экспедиции был арестован академик Н.И. Вавилов. А брат Вавилова – Сергей Иванович – перед назначением его на пост президента Академии наук СССР был вызван к Сталину. Они беседовали о развитии науки в стране. Когда деловой разговор завершился, Сталин спросил Сергея Ивановича, нет ли у него личных просьб. С.И. Вавилов поблагодарил его и сказал, что хотел бы узнать о судьбе арестованного брата Николая Ивановича. У семьи Вавиловых тогда еще теплилась надежда, что Николай Иванович жив. Иосиф Виссарионович позвонил куда-то, вскоре раздался ответный звонок. «Жаль, что не сумели сохранить жизнь этому крупному ученому», – сказал Сталин. Стало ясно, что искать брата среди живых уже бессмысленно.

Тогда решили узнать, где захоронен Николай Иванович. С этой целью в Саратов, где находился под арестом академик Вавилов, несколько раз выезжал его сын Юрий. Однако точного места захоронения ученого установить так и не удалось. Говорили разное, например, что тело академика бросили в могилу вместе с телами уголовников. Показывали разные места захоронения. Таким образом, длительное время было неизвестно, где его могила.

Опальный в нашем государстве Н.И. Вавилов был признан почетным академиком и выдающимся ученым ряда стран. На титульном листе английского Королевского общества испытателей природы среди портретов четверых ученых с мировым именем, рядом с великим Дарвином – портрет нашего соотечественника Н.И. Вавилова. Отдавая ему дань, в одну из юбилейных дат англичане решили возложить венок на могилу великого ученого, не зная, что ее не существует. И тогда в спешном порядке на центральном кладбище города Саратова в первом ряду было установлено надгробие с барельефом Н.И. Вавилова. Так вот рассудило время.

Я был в Саратовском университете, где до войны преподавал Николай Иванович. Именно там он прочитал ставшую всемирно известной лекцию «Закон гомологических рядов», имеющую такое же значение для растениеводов, как таблица Менделеева для химиков. Мы с О.С. Карповой, профессором НИИ Саратова, возложили цветы на могилу академика.

В то время, когда я учился в институте, К.И. Барулин заведовал кафедрой. Я был председателем физиологического кружка. Под руководством Константина Ивановича выполнял научную работу, связанную с исследованиями крови. Объектом моих опытов являлись лабораторные мыши, лошади. Я бывал на различных конезаводах, проводил исследования там. Свои научные изыскания представлял на Межвузовской московской конференции. Моя работа заняла первое место сначала в институте, затем на

Всесоюзной научной конференции в МГУ. Доклад делал на физиологической секции, которую возглавлял академик Каштаянц. На пленарном заседании в МГУ министр высшего образования СССР профессор Столетов вручил мне грамоту и часы. К.И. Барулин был не просто моим преподавателем. Общая научная деятельность, взаимное уважение и дружеские отношения надолго связали нас.

Константин Иванович Барулин не раз приезжал в Удмуртию на охоту. Обычно ездил он со своим московским другом хирургом Е.Н. Поновым, тоже страстным охотником, который увлекался живописью и не раз выставлял свои картины. Бывая в Удмуртии, они восхищались нашей природой, делали пейзажные зарисовки.

К.И. Барулин корнями своей родословной связан со староверами, и любопытство влекло его в те места, где еще до сих пор сохранились обычаи и культура старообрядцев. Однажды мы всей компанией выехали в Кезский район (бывший Кулигинский), за Кулигу, где и сейчас живут староверы. Узнав, что предки профессора принадлежали к их вере, они тепло, по-родственному приняли его, устроили на постой к милой доброй старушке. К.И. Барулин и Е.Н. Понов проявили большой интерес к реликвиям этих людей – иконам, образам, предметам быта. Видимо, вещи для них были настолько ценными, что они за них отдали все, что можно было отдать, даже очки.

Опишу еще один забавный случай, который произошел с Барулиным у нас в Удмуртии. Мы собирались на охоту: походная одежда, рюкзаки и зачехленные ружья за спиной. Время было летнее, встали в очередь к киоску за морсом. Подходит к нам незнакомый мужичок в изрядном поддунитии, обращаясь к Константину Ивановичу, спрашивает: «Ты кто?» Константин Иванович ответил, что он врач. Незнакомец не поверил, всем своим видом показывая удивление, и в оскорбительном тоне произнес примерно

С учителем и другом К.И. Барулиным

такую речь: «Ты такой сякой. Посмотри, на кого ты похож. Разве врачи такие бывают?» Конечно, никто не стал с ним связываться. А вечером того же дня, у костра, К.И. Барулин рассмешил нас: «На кого же я тогда похож, если тот мужик не поверил, что я врач? А скажи я ему, что профессор, так он бы мне обязательно физиономию набил». При встречах с Константином Ивановичем мы вспоминали тот случай.

В памяти еще одна история, тоже довольно забавная. К.И. Барулин, приезжая в Удмуртию охотиться, ездил с нами в деревню Поздеры. Оставившись у бабушки Насти, мы пользовались услугами бакенщика Виктора. Он перевозил нас через реку к охотничьим угодьям, помогал в других вопросах. Человек он был деревенский, выезжал куда-либо очень редко. Константин Иванович был прост и легок в общении. Пригласил он Виктора в гости, в Москву.

И вот однажды, когда мы с Серафимой Павловной были оба дома, раздался звонок в дверь. Открываем – Виктор в парадной форме речника. Слово за слово, поинтересовались, куда он собрался. «В Москву», – говорит. Проводили мы путешественника. Приехал он к Константину Ивановичу. Его супруга Ирина Ростиславовна – очень непростая женщина, настоящая мадам – к гостю из глубинки отнеслась настороженно. А Виктор еще и до выпивки всегда был охоч.

Надо сказать, что с собой у него была некоторая сумма денег и заказы: ведь в столицу поехал. И вот с самыми благими намерениями он вышел из дома и направился за покупками. Но... на пути – питейное заведение. Зашел, выпил. Подсели к нему какие-то «доброжелатели», поняли, что человек приезжий, с деньгами. И в следующую порцию спиртного зелья, видимо, что-то подсыпали. Совсем наш Виктор обалдел. Очнулся, а где находится, не может понять. Обобрали и выкинули на улицу. Остались на нем сапоги, штаны, да тельняшка. А время зимнее.

Барулины жили на Ленинском проспекте. Константин Иванович возвращался со службы домой. Видит, вдалеке по проспекту бредет человек в тельняшке. Удивился Константин Иванович. Домой пришел, рассказал Ирине Ростиславовне: вот ведь как люди ходят. А та сделала предположение: не наш ли это гость разгуливает полураздетым... Оказалось, так оно и есть.

Поведал Виктор о своих злоключениях. Что интересно, деньги у него отобрали, да не все. Часть была спрятана в голенище сапога, а воры не догадались снять их. Конечно, с горя Виктор выпил еще. Тут уж супруга Константина Ивановича возмутилась. Пришлось перевозить горе-путешественника к другому охотнику. Но и там он пробыл совсем недолго и вскоре уехал домой.

Т.С. Мальцев

Когда-то имя этого человека было широко известно в нашей стране в научных и сельскохозяйственных кругах. Независимо от того, какой выдавался сельскохозяйственный год, он умел получить высокие урожаи зерновых культур. Особую популярность Т.С. Мальцев приобрел, когда в начале 60-х предложил свою теорию повышения плодородия почв, опровергающую учение известного академика Вильямса. Суть ее была в том, что плодородие почв повышается не только бобовыми культурами, но и злаковыми. А на примере многолетних опытов доказал, что его высокие и устойчивые урожаи являются результатом нового – безотвального – способа обработки почвы. Эти теории Терентия Семеновича были в свое время серьезным нововведением в науке и практике земледелия и вызывали огромный интерес ученых.

Я впервые встретился с Т.С. Мальцевым в 1954 году на ВДНХ. Терентий Семенович выступал с докладом. Его популярность в этот период была настолько велика, что я с большим трудом попал на выступление. Конечно, закономерно то, что его теоретические и практические выводы по земледелию принимались неоднозначно как учеными, так и практиками сельского хозяйства. Но правота ученого подтверждалась высокими урожаями и их устойчивостью.

В связи с этим руководство ВАСХНИЛ приняло по работам Терентия Семеновича постановление, которое предусматривало создание в его колхозе специальной научно-исследовательской лаборатории. Т.С. Мальцев был дважды награжден звездой Героя Социалистического Труда, ему было присвоено звание почетного академика ВАСХНИЛ. А колхозники прозвали его народным академиком. Кстати, Терентий Семенович, как и Михаил Тимофеевич, не имел высшего образования.

В течение десяти лет я руководил Удмуртской республиканской сельскохозяйственной опытной станцией, входящей в зону Урала с методическим подчинением УралНИСхозу, расположенному в Свердловской области. Туда же входило и опытное поле Т.С. Мальцева. Все десять лет мы с Терентием Семеновичем приезжали в Свердловск и отчитывались о результатах своих исследований. На научных конференциях нас, как и всех директоров, избирали в президиум. Мне его выступления приходилось слушать неоднократно, и я выучил их почти наизусть, поскольку содержание доклада народного академика, к моему удивлению, практически никогда не изменялось.

Общаясь с ним много лет, я узнавал его все лучше. Могу с полной уверенностью сказать, что достиг он успехов в земледелии благодаря своему уникальному таланту – чувствовать землю. И этим талантом, не скупясь, делился со своими соратниками. Это был практик и мудрый теоретик возделывания земли. Не только руками, но и босыми ногами он определял

сроки сева. Все, что касалось работы на земле, всегда делал по-своему, не слушая приказов «сверху». Он говорил, что его ругают каждую весну и хвалят каждую осень. Это был истинный чародей земли русской.

Терентий Семенович Малыцев приезжал однажды в Удмуртию по приглашению правительства.

Мне этот необычный человек запомнился на всю жизнь. Он был интересен во всем. Одевался просто, но довольно оригинально: в основном ходил в рубашке типа гимнастерки с отложным воротничком. Заправлял ее под узкий ремешок, а брюки – в сапоги. В ботинках я его никогда не видел. На различных заседаниях в президиуме сидел, как правило, с закрытыми глазами, и было непонятно, слушал ли он то, о чем говорили. Но когда подходила его очередь, быстро «просыпался» и выступал с одинаковой речью: критиковал одесский завод, который не мог ему изготовить какой-то специальный плуг, ругал руководителей хозяйств за слабое освоение его технологии выращивания пшеницы и т.д.

Еще была у Терентия Семеновича интересная черта. Он любил научную литературу, но сам почти не читал. А читал ему вслух П.И. Кузнецов (ныне заведующий кафедры Курганской сельхозакадемии). Разумеется, читать целыми днями Кузнецову надоедало, и он частенько хитрил: зная, что Малыцев не переносит запаха табака, он специально в перерывах старался курить как можно больше, и Терентий Семенович, недовольный этим, прогонял его из кабинета.

Д.Ф. Устинов

Более 190 лет назад на реке Иж был построен Ижевский завод, на котором изготавливались некоторые виды оружия. Поэтому исторически сложилось, что Удмуртия развивалась как кузница оружия для страны. Особая ответственность легла на нашу республику в годы Великой Отечественной, когда на ее долю приходился выпуск большей части вооружения для Красной Армии. За сутки машиностроительный завод Ижевска давал столько оружия, что его хватало для вооружения целой стрелковой дивизии. Производилось оружие и для других родов войск.

А в период «холодной войны» при вооружении армий стран-участниц Варшавского договора Ижевск и Удмуртия в целом стали арсеналом военной продукции вплоть до ракет СС-20. Поэтому на республику всегда было обращено внимание главных военных начальников страны. Здесь работали и начинали свою государственную деятельность Д.Ф. Устинов, Ф.Р. Козлов и многие другие.

Во время войны Дмитрий Федорович Устинов был министром оборонной промышленности СССР, и на него легла ответственность организации работы этой важнейшей отрасли, обеспечивающей победу в войне с фа-

шистской Германией. Через некоторое время после войны Д.Ф. Устинов был назначен министром обороны СССР. В той и другой должности он часто приезжал в Удмуртию, посещал Ижевский машиностроительный завод и другие военные предприятия Ижевска, Воткинска, Глазова.

Разумеется, в послевоенные годы, когда шла работа по созданию автоматического оружия, Д.Ф. Устинов и М.Т. Калашников познакомились. Между ними установились доброжелательные отношения.

Д.Ф. Устинов и М.Т. Калашников

Дмитрий Федорович относился к Михаилу Тимофеевичу с большим уважением, считал его талантливым конструктором. Наша и союзные армии Варшавского договора вооружались АК-47. Когда на политбюро ЦК КПСС был решен вопрос о присвоении М.Т. Калашникову звания дважды Героя, первым его поздравил Д.Ф. Устинов.

Учитывая немалые заслуги Дмитрия Федоровича в развитии Удмуртской Республики и ее столицы, после его смерти было принято решение переименовать Ижевск в город Устинов. Позже, когда стали возвращать населенным пунктам их исторические названия, столице Удмуртии вернули прежнее – Ижевск, а именем Устинова был назван один из районов города.

Генерал А.Н. Сабуров

Александр Николаевич Сабуров – личность героическая. Он – один из героев партизанского движения Отечественной войны, его имя хорошо известно старшему поколению нашей страны и за ее пределами. А.Н. Сабуров был почетным гражданином Чехословакии и ряда других государств. До войны он работал председателем Чемашурского сельского совета в Завьяловском районе Удмуртии. Деревня Чемашур сейчас входит в состав республиканской опытной станции (ныне Удмуртский НИИ сельского хозяйства).

Я познакомился с А.Н. Сабуровым, когда был директором опытной станции. Он приезжал навестить свою родину и места, связывающие его

В. Соколов и А. Сабуров среди пионеров. 1970 г.

с довоенной жизнью. Я показывал ему наше хозяйство, побывали в поселке Первомайском – в школе. Нас приняли в почетные пионеры, повязали галстуки, а Александр Николаевич выступил перед школьниками. Приезжала с ним и жена Инна Марковна Сабурова. Она пишет книги, публикуется в отечественных журналах, занимается переводами с болгарского языка. Со своей будущей женой Сабуров познакомился в партизанском отряде, когда девушку спасли от неминуемой гибели – по национальности она еврейка.

Руководители республики устроили торжественный прием генералу Сабурову. В Ижевске мы с ним побывали у его родственников. В настоящее время одна из улиц города Ижевска названа его именем. Уезжая, Александр Николаевич пригласил меня к себе в гости, в Москву. И однажды я воспользовался приглашением. Гостеприимные хозяева радушно встретили меня, показали многочисленные реликвии военных лет, боевые награды. Они представили меня своему не менее известному соседу по квартире – драматургу Розову.

В один из следующих приездов я вновь побывал у Сабуровых. Они меня пригласили на вечер в Дом литератора, где с большим удовольствием слушал стихи Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Степана Щипачева в исполнении авторов. Это была последняя встреча с генералом. Прошло немного времени, и его жена сообщила мне о смерти Александра Николаевича.

А в первомайской средней школе был установлен бюст этого легендарного партизанского командира и создан музей А.Н. Сабурова, где есть

фотографии и некоторые документы, связанные с жизнью и деятельностью ветерана-партизана. Неоднократно в поселке собирались сабуровцы – партизаны, объединенные боевым братством, вспоминали своего командира, жизнь в партизанском отряде, боевые операции

Родился в борозде и умер в борозде

В советские времена, и это уже не секрет, депутатов Верховного Совета СССР избирали, как говорилось, по разнарядке: столько-то человек от партийных органов, столько-то – от рабочих, столько-то – от колхозников. Меня – единственного от Удмуртии – избрали как представителя научной интеллигенции. Как научный работник, специалист по сельскому хозяйству я входил в состав постоянно действующей комиссии Верховного Совета по делам сельского хозяйства. А Михаил Тимофеевич был членом постоянной комиссии по машиностроению, возглавлял которую депутат от Удмуртии – первый секретарь обкома В.К. Марисов.

Существовало правило: руководителями всех постоянных комиссий назначались первые секретари обкомов. Во главе сельскохозяйственной комиссии стоял первый секретарь Оренбургского обкома партии Александр Власович Коваленко. А в число представителей от науки, кроме меня, входил всемирно известный селекционер доктор сельскохозяйственных наук, академик ВАСХНИЛ, лауреат Ленинской и Государственных премий, дважды Герой Социалистического Труда Павел Пантелеймонович Лукьяненко. Он был известен тем, что вывел новые высокоурожайные сорта озимой пшеницы, в том числе «безостую I», «аврору», «кавказ».

Приезжая на сессии Верховного Совета и работая в одной комиссии, мы с Павлом Пантелеймоновичем проживали в Москве в гостинице «Россия». По утрам пешком отправлялись в здание напротив библиотеки им. В.И. Ленина, где заседали постоянные комиссии Верховного Совета. В те времена П.П. Лукьяненко был уже немолодым человеком, кроме того, фанатично преданным науке, своим исследованиям, и, откровенно говоря, работа в комиссии его не очень интересовала. А в комиссиях приходилось работать подолгу: готовили предложения по корректировке годовых и долгосрочных планов развития сельского хозяйства и связанных с ним отраслей, вникали в статистику, в вопросы производства, решали хозяйственные проблемы, делали депутатские запросы, изучали отчеты и занимались другой бумажной работой. Павел Пантелеймонович иногда откровенно дремал на комиссии, но, как человек дисциплинированный, являлся на все заседания. Председатель комиссии Александр Коваленко, сжавшись над академиком, иногда помогал ему, спрашивая: «Павел Пантелеймонович, у вас, я думаю, есть срочные дела в академии? Вы говорили, что вас там ждут». – «Да-да», – радостно соглашался Лукьяненко, и его отпускали с заседаний.

Я с большим уважением относился к этому человеку. Хотелось познакомиться с ним и моего друга Калашникова. Однажды это знакомство произошло. Мы довольно часто общались, разговаривали в перерывах заседаний сессии, встречались в гостинице. Можно сказать, что у Калашникова и Лукьяненко были общие корни – оба из простых крестьянских семей. В детстве им приходилось заниматься нелегким крестьянским трудом. Однажды Павел Пантелеймонович в разговоре обмолвился, что родился в борозде. Оказывается, мать работала в поле, там и родила. Случилось это в далеком 1901 году.

В годы нашего знакомства академик Лукьяненко возглавлял Краснодарский НИИ земледелия и растениеводства. В том же городе находится и знаменитый Северокавказский НИИ животноводства, куда я часто приезжал по роду своей деятельности. Я думаю, не было ни одного агронома в стране, который не знал бы имени этого ученого.

В 1973 году Павла Пантелеймоновича не стало. Смерть его была неожиданной и внезапной. В одну из своих командировок в Краснодар я узнал от своих друзей Ульяновых, как это произошло. Немолодой уже академик работал над выведением нового сорта пшеницы, и до окончательного внедрения требовалось время. Чиновники министерства сельского хозяйства торопили ученого, поскольку уже существовала договоренность с какой-то немецкой фирмой о том, что ей будут проданы семена нового, удивительно устойчивого к болезням и высокоурожайного сорта пшеницы, выведенного Лукьяненко.

Этой пшеницей было засеяно опытное поле, велись постоянные наблюдения, исследования. Но в один из дней академику позвонили сотрудники его лаборатории и сообщили неприятную новость: пшеница нового сорта поражена ржавчиной. Для Павла Пантелеймоновича это был страшный удар. Не сказав никому ни слова, рано утром он пошел на опытное поле...

Там, в поле, его и нашли мертвым. Сердце не выдержало.

Вот она – судьба: в борозде родился, всю жизнь посвятил землекормилице и умер в борозде.

Командарм Буденный

Семен Михайлович Буденный – личность легендарная и неординарная. Мне посчастливилось встречаться с этим интересным человеком.

После войны я поступил учиться в институт коневодства, курировал его Семен Буденный – большой любитель и знаток лошадей. Учились мы в Голицыно. Это бывшее знаменитое подмосковное имение князей Голицыных – историческое место: в центральном здании в разное время останавливались Кутузов и Наполеон, в церкви, расположенной на территории имения, венчались самозванец Дмитрий и Мария Мнишек. У стен церкви

похоронен брат Александра Пушкина. Видел я высокий пенёк, оставшийся от огромного дуба, который, по преданию, послужил поводом для написания строк стихотворения «У Лукоморья дуб зеленый...».

Был обычный учебный день. Мы, как всегда, сидели на лекции, а окна нашей аудитории выходили в старинный парк. Кто-то из студентов увидел, что по аллее идет Семен Буденный. Что тут началось! Конечно, лекцию пришлось прервать. Мы выбежали в парк, окружили Семена Михайловича, стали задавать вопросы. Беседовал он с нами охотно, с явным интересом. Рядом с ним был мальчик лет семи. Буденный, подмигнув нашим девчонкам, сказал: «Вы только не подумайте, что это мой внук. Нет, это – сын».

Второй раз я увидел Семена Михайловича в официальной обстановке. Закладывался фундамент нового корпуса института коневодства. В таких случаях обычно устраивают митинг, открыл его Буденный. Он произнес речь, которая была по-мужицки проста, но очень зажигательна. Я подумал тогда, что, видимо, не даром в годы гражданской войны Семен Михайлович привлек на свою сторону столько казаков. Умел агитировать. Я же из его выступления помню только то, что он критиковал наших преподавателей, которые предпочитали жить в Москве, а не в Голицыно.

Семен Михайлович был приглашен на наш выпускной вечер. Он поздравил студентов с окончанием учебы и с явным удовольствием поцеловал красавицу-выпускницу. Это – третий раз, когда я видел его.

С тех пор прошло много лет. Однажды снова довелось повстречать Семена Буденного в фойе Кремлевского дворца съездов в перерыве между заседаниями. Мы были вместе с Михаилом Тимофеевичем. Вдруг вижу, ведут под руку старого человека в военной форме. С трудом узнал в нем Семена Михайловича. Совсем старик, казалось, что он уже никого не узнает: глаза потухшие, никакого интереса к жизни, как у смертельно больного. Я рассказал Калашникову, каким видел и запомнил героя революции. Еще в Голицыно, будучи уже немолодым человеком, красный командарм выглядел орлом.

Вскоре Буденного не стало.

Е.П. Славский

Встреча с этим человеком была связана с должностью, которую я занимал в Совете министров Удмуртской АССР. В 1971 году правительство Удмуртии получило решение ЦК КПСС и Совета министров о развитии сельского хозяйства и строительстве в Нечерноземной зоне России животноводческих комплексов. Это предусматривало строительство в Удмуртии целого ряда важных объектов.

Министерству среднего машиностроения было поручено строительство двух птицефабрик в нашей республике. Это министерство возглавлял

Ефим Павлович Славский. В его руках – крупная строительная организация, которая славилась хорошим качеством сданных объектов. Можно сказать, что город Глазов и многие его инфраструктуры развивались благодаря деятельности этого министерства.

Бюро обкома партии приняло решение о том, что бройлерную птицефабрику целесообразнее строить в Ижевске, а не в Глазове. Казалось, что все решено и другого решения быть не может. Мы с министром сельского хозяйства Алексеем Михайловичем Чечилковым заказали документацию в Ростове-на-Дону. Оставалось согласовать этот вопрос с Е.П. Славским. На встречу с ним решили отправить меня.

Поскольку до этого мне не приходилось нигде сталкиваться с этим человеком, то немного информации почерпнул из книги «Депутаты Верховного Совета СССР. Восьмой созыв». Несколько удивлен был его возрастом. Дело в том, что он 1898 года рождения. Конечно, мне он представлялся весьма пожилым человеком.

К назначенному времени я подъехал к зданию Министерства среднего машиностроения. Меня встретили, провели к Е.П. Славскому. Навстречу из-за стола поднялся не старый, крепкого телосложения человек, поздоровался за руку, предложил сесть за стол. Внимательно выслушав меня, он достал карту и, обведя красным карандашом город Глазов, сказал, что дальше этой зоны он строить не уполномочен. Поэтому в Ижевске фабрика не может быть построена. Руководство республики поняло, что спорить с ним бесполезно. Так в Глазове были построены две птицефабрики.

Как-то мне пришлось отдыхать в Белокурихе – это радоновый санаторий в Алтайском крае. Славится лучшим радоном. Там мне показали небольшой домик, в котором жил Е.П. Славский, ежегодно приезжая отдохнуть и поправить здоровье.

Уже в годы так называемой перестройки М.С. Горбачев освобождал очень многих престарелых министров и руководителей. Е.П. Славского он освободил одним из последних. Даже в преклонные годы этот человек был ответственным работником и влиятельным министром.

Долгое время о Ефиме Павловиче Славском не поступало почти никакой информации. Связано это было с его деятельностью. Он стоял у истоков атомной промышленности, дойдя до самой ее вершины. Прошел весь путь от инженера до министра, всегда был в центре событий. Аварии случались часто, особенно в начале. Ефим Павлович всегда первым шел в опасную зону. Как-то после очередной аварии врачи пытались определить, сколько он набрал рентген. Получилось четырехзначное число, то есть три смертельные дозы. Но он выстоял. Его жизнь остановилась на 94-м году.

Ефим Павлович Славский пользовался огромным уважением своих соратников и коллег. Его 100-летний юбилей отмечали закрытые города, урановые комбинаты, атомные станции, институты, больницы, санатории,

дворцы культуры... Это многоточие не случайно. Славский – человек, умеющий не только мечтать, но и воплощать свои замыслы. В буквальном смысле слова он превращал пустыню в цветущий сад: города Навои, Учкудук, Шевченко и другие появились на карте, во многом благодаря министру среднего машиностроения Е.П. Славскому.

И еще один штрих. Заслуги этого легендарного министра не раз отмечены государственными наградами. Достаточно сказать, что у него было три звезды Героя Социалистического Труда и десять орденов Ленина. Лишь однажды он надел все свои награды, чтобы сделать официальный снимок, и сам удивился – как их много.

С.В. Михалков и А.А. Сурков

В марте 2003 года в Москве широко отмечался 90-летний юбилей Сергея Владимировича Михалкова – поэта, на стихах которого выросло не одно поколение детей нашего государства, автора двух гимнов. Можно сказать, что он идет в ногу с историей России.

Работая в Кремле на сессии Верховного Совета, я встречался с ним. Близко мы знакомы не были, а так получилось, что наши кресла в зале были рядом. Уже в то время Сергей Владимирович был заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Ленинской и Государственных премий. В годы войны С.В. Михалков работал военным корреспондентом во фронтовых газетах. С 1945-го началась его деятельность в Союзе писателей СССР. Занимая в этой организации различные должности, в 1970-м стал председателем правления Союза писателей РСФСР. В период работы депутатом восьмого созыва Сергей Владимирович являлся членом Комиссии по делам молодежи Совета Национальностей.

Более близкое знакомство у меня состоялось с другим поэтом – Алексеем Александровичем Сурковым – автором многих популярных песен. Одна из них – «Бьется в тесной печурке огонь». Он был избран депутатом от Базинского избирательного округа Удмуртской АССР. Жизнь этого человека интересна и богата своими перипетиями. Из крестьянской семьи, окончил Институт красной профессуры. Лауреат Государственных премий, Герой Социалистического Труда. В войну работал во фронтовой газете. С 1944-го – главный редактор «Литературной газеты», затем – журнала «Огонек». В советское время это были не просто авторитетные издания – они были популярны. В них публиковалось то, чего не прочтешь в других газетах и журналах.

Я бывал у него на даче. Как-то он приглашал меня к себе после возвращения из командировки в Англию. Рассказывал много интересного.

Алексей Петрович Калашников

Среди тех, с кем мне довелось работать, был еще один Калашников. В свое время очень известный и влиятельный человек. В ряде регионов занимал высокие должности. Когда я познакомился с Алексеем Петровичем, он был директором УралНИСхоза. Знакомство продолжилось в Краснообнинске, где он возглавлял институт животноводства ВАСХНИЛ. Затем ему был доверен головной институт животноводства – ВИЖ. Другими словами, вся животноводческая наука стояла за спиной этого человека.

Однажды мы с Михаилом Тимофеевичем обедали в гостинице «Москва». Там был и Алексей Петрович. Пользуясь случаем, мы его пригласили за свой стол. Так состоялось знакомство двух академиков Калашниковых.

Время от времени меня с Алексеем Петровичем сводила работа. Я знал, что это очень принципиальный и порядочный человек. Могу привести пару примеров, которые красноречиво говорят о характере А.П. Калашникова. Это было еще во времена Н.С. Хрущева. Он приехал в Свердловск проводить совещание. Никита Сергеевич – известный новатор и оригинал. Конечно, его новаторские идеи не обошли стороной и животноводство. В некоторых хозяйствах стали держать коров без привязи и это, по мнению Никиты Сергеевича, должно было вводиться во всех хозяйствах. Не буду вдаваться сейчас в научные тонкости, только скажу, что в то время это было поспешное решение, хотя некоторые хозяйства все-таки применяли его.

В УралНИСхозе проходила проверка. Член политбюро Полянский должен был проконтролировать, как выполняются рекомендации по внедрению беспривязного содержания крупнорогатого скота. Открывает он дверь в коровник, видит – коровы привязаны. Значит, смотреть нечего. Соответственно увиденному был сделан вывод: институт отстал от передовых нововведений, не идет в ногу со временем.

На совещании А.П. Калашникову выговаривают по этому поводу, на что он отвечает: «Отвязать коров ума много не надо. Мы строим специальное помещение, изучим этот вопрос, но торопиться не будем». И что же? Время и научные исследования показали, что Калашников был прав.

Еще один пример принципиального отношения к порученной работе. На место министра сельского хозяйства назначили человека, далекого от этой профессии, работы и вообще малокомпетентного в этой области. Должность А.П. Калашникова была такова, что он, по сути, возглавлял науку в животноводстве. С новым министром сразу возникли трения. Алексей Петрович написал заявление и ушел с должности секретаря-академика ВАСХНИЛ. Но в научных кругах к этому человеку по-прежнему относились и относятся с величайшим уважением.

Когда А.П. Калашникову исполнилось 60 лет, я отправил ему поздравление. Повез его профессор Геннадий Николаевич Бурдов – ныне генерал ветеринарии. Геннадию Николаевичу я объяснил, как добраться до

места и найти Калашникова. Приехал Бурдов в Москву, подошел к нужному зданию – навстречу ему человек. Стал Геннадий Николаевич расспрашивать его, как пройти в административный корпус академии.

– А кого вы разыскиваете? – спрашивает незнакомец.

– Калашникова Алексея Петровича, – отвечает мой посланник.

– Так это я.

Т.Д. Лысенко

Судьба науки в нашей стране не проста во все времена. С середины 1935 года начался натиск на генетику. Пострадала масса ученых, а о том, что наука в этой области оказалась отброшенной на много лет назад, и говорить нечего. Тарас Денисович Лысенко – тот человек, который находился в авангарде борьбы. К началу дискуссии он был отмечен знаками симпатии Сталина, номенклатуры и обслуживающих ее идеологов, прессы. Николай Иванович Вавилов, глава растениеводческой империи и ведущего генетического института АН СССР, терял свои позиции. В 1935-м он был смещен с поста президента ВАСХНИЛ.

По отношению к генетике человека Сталин сначала выразил недовольствие в газетной кампании в ноябре 1936 года. Был снят с должности С.Г. Левит, директор медико-генетического института. Позже этот институт закрыли, а С.Г. Левита в 1938 году арестовали. Он был приговорен к смертной казни и расстрелян. Это стало шоком. Теперь генетика человека ассоциировалась со смертельной опасностью для всякого, кто станет ею интересоваться. В 1940-м арестовали Н.И. Вавилова и многих других талантливых ученых.

В 1948 году (31 июля–7 августа) в Москве состоялась сессия ВАСХНИЛ, на которой выступил академик Т.Д. Лысенко с докладом на тему «О положении в советской биологической науке». До этого в нашем государстве господствовали направления биологии, генетики, связанные с работами Менделя, Вейсмана, Моргана. Их считали формальными генетиками разного толка. Готовясь к докладу, Лысенко понимал, что оппоненты-противники сильны. Понимал он и то, что если на этой сессии он не одержит верх, то его карьере не подняться. Но как говорил сам Лысенко: «Я имею право входа». Речь, конечно, шла о доступе к Сталину. Когда Т.Д. Лысенко заявил: «ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его», то «ЦК» означал «Сталин».

Лысенко отрицал наличие генов, которые признавались в мире большинством ученых. Убрав противников, он провозгласил свое направление в генетике как мичуринское. При обсуждении на сессии доклада Лысенко возникли серьезные дебаты. Так называемые вейсменисты-морганисты-менделисты оказали серьезное сопротивление провозглашению того направле-

ния, которое навязывалось сверху. И все же политика была такова, что победа оказалась на стороне Лысенко. Многие ученые отказались от своих позиций в науке и примкнули к его направлению. Но так поступили не все. Некоторые остались верны своим воззрениям. Лидерами среди тех, кто не признавал Лысенко, были академик Дубинин, член-корреспондент АН СССР Раппопорт, другие видные ученые, которые не побоялись выступить на сессии. Но, тем не менее, Лысенко и его приверженцы взяли верх.

После того, как в стране восторжествовало новое направление, Лысенко надолго занял лидирующие позиции. Подобное положение дел продолжалось в течение 20 лет. За этот период только американцы за разработки в области генетики получили около 20 Нобелевских премий.

Многие ученые понимали, что генетика в нашей стране отстала безвозвратно, так продолжаться дальше не могло. И вот поворотным стал момент, когда академик Н.Н. Семенов, не генетик, но ученый и гражданин, переживающий за развитие науки в России, пошел на прием к президенту Академии наук СССР М.В. Келдышу. Н.Н. Семенов поднял вопрос о том, что пропаганда учения Лысенко, отрицающего наличие генов, губительна для науки всего государства. Академик Келдыш отнесся серьезно к теме, которую поднял Семенов, и поставил эти вопросы перед Л.И. Брежневым.

Сталин и Хрущев поддерживали Лысенко. Возможно потому, что тот всегда обещал решить проблемы, которые возникали перед страной: к примеру, нет картошки. Пожалуйста, яровизация. Нет хлеба – ветвистая пшеница.

Когда академик М.В. Келдыш пришел к Брежневу и рассказал о состоянии генетики в стране, то Брежнев отказался поддерживать то или иное направление в науке, предоставив возможность ей самой поставить точки в многолетнем споре.

В этот период Д.Т. Лысенко из области, связанной с растениеводством, перешел в животноводство. На своей ферме он скрещивал жирномолочных быков джерзейской породы с черно-пестрой и полученные помеси рекомендовал для разведения. Таким образом он предполагал решить проблему с молочной продуктивностью у разводимых в стране пород. Помесям, полученным в результате скрещивания, он приписывал полезно хозяйственные признаки в создании массивов животных крупнорогатого скота, обильную продуктивность и высокую жирность. Не все ученые были согласны с данной методикой. На этой последней рекомендации Лысенко и скомпрометировал себя. Конечно, сыграл определенную роль отказ Брежнева поддерживать Лысенко или кого-либо другого. Ученые почувствовали себя свободнее и стали открыто выступать с опровержениями высоких показателей тех или иных новаций, предложенных Лысенко. Появилось много публикаций, в частности по использованию помеси джерзейской и черно-пестрой пород.

Члены политбюро в павильоне овцеводства.

На переднем плане: Хрущев, Маленков, Молотов, Каганович, Шелепин

В период моей работы на выставке в Москве я лично присутствовал на одном из собраний, где Лысенко и Презент, его правая рука, проводили мероприятие, на котором восхвалялись работы Лысенко. Очень резко против него выступил ученый с Украины. Договорить ему не дали, попросили уйти с трибуны. И он сказал такие слова: «Ваше господство не будет вечным. Ваши работы время раскритикует». Но тогда Лысенко еще был в почете. Такие оппоненты были ему не угодны, и им не давали возможности ни говорить, ни публиковаться.

Работая директором Республиканской опытной станции, а это научное учреждение, я неоднократно выезжал на мероприятия, связанные с пропагандой так называемого передового опыта, который навязывал Хрущев. Командировки были бесконечными: то бобы, то кукуруза, навозоземляные компосты, гнездовые посадки леса и т.д. Предлагалось применять различные новые технологические решения в животноводстве, беспривязное содержание скота. Однажды я выехал в Ленинские Горки, где работал и жил Лысенко, для ознакомления с его работами. Правой рукой новатора там был Егонесян. На первом этапе нашей работы Лысенко к нам не выходил, но когда заканчивалось ознакомление с его достижениями и совещание подходило к концу, он появился и подтвердил: все, что мы видели – резуль-

тат его исследований и труда. А наша задача – применять это в производстве. В Горках я видел отца Лысенко, который с мотыгой в руках возделывал на участке, видимо, свеклу.

В течение 20 лет я возглавлял Удмуртское республиканское отделение Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова и был на трех съездах генетиков и селекционеров. Последнее заседание этого общества проходило в Москве. Со всего мира съехались ученые-генетики, в том числе руководитель Европейского общества генетиков-селекционеров англичанин Герхард.

Мне довелось видеть И.А. Раппопорта, который был уже в преклонных годах. На сессии ВАСХНИЛ он выступал с большим докладом. Видел я и знаменитого Н.П. Дубинина. Есть довольно известная фотография: Ленин встречается с беспризорниками. На этом снимке и молодой Дубинин, ставший впоследствии выдающимся генетиком. В сложные времена для науки Н.П. Дубинин был переведен в Новосибирск, где возглавил один из институтов Академгородка, придерживаясь общепринятых в мире генетики взглядов. Как-то в Академгородок приехал Никита Сергеевич. Ему предложили побывать в институте, которым руководил Дубинин, но Хрущев отказался, полагая, что он возглавляется ученым, находящимся в опале у правительства.

Учение Т.Д. Лысенко было развенчано при его жизни. Эта страница истории нашего государства освещена и в произведениях художественной литературы, таких как «Белые одежды», «Зубр» Даниила Гранина. Сейчас весь мир вернулся к тем исследованиям, которые проведены Вейсманом, Менделем, Морганом.

Истории из жизни

Испытание временем

К моменту нашего знакомства с Михаилом Тимофеевичем авторитет его как конструктора был уже очень высок. Закономерно, что его мнение для окружающих, в том числе и для меня, имело существенное значение. Определенное давление своим «я» он на нас пытался оказывать, особенно при обсуждении политических, общественных, международных вопросов. Но я убежден и в том, а жизнь подтверждает это, что дружба никогда не будет настоящей, а стало быть, долгой и прочной, если один будет постоянно подстраиваться под мнение другого. Наши частые доверительные контакты с Михаилом Тимофеевичем в «годы подполья» позволяли ему говорить со мной достаточно откровенно, выражая свою позицию на прошлое и настоящее. Взгляды по тем или иным вопросам могли совпадать или не совпадать, но не это служило основой дружеских отношений. Сорничества между нами никогда не было. Думаю, если бы Михаил Тимофеевич позволил себе разговаривать со мной свысока, дружба не длилась бы столько лет. Бывает, мы нередко спорим, не соглашаемся друг с другом, по некоторым проблемам у каждого из нас совершенно противоположные мнения, но это не разъединяет, а дополняет. Возможно, именно различие характеров и сближает нас.

На памяти не один случай, когда, казалось бы, конфликт неизбежен, дружба дает трещину, и мы вот-вот расстанемся. Но проходит несколько дней, и каждый из нас уже готов сделать шаг к примирению, потому что нам не хватает дружеского общения. Чем больше мы узнавали друг друга, тем крепче становилась дружба. Сейчас я уверен, что нас уже не разлучить, да и возраст не располагает к тому, чтобы менять друзей.

Тайна семьи

Мы с Михаилом Тимофеевичем – охотники. Поэтому очень часто наши встречи и беседы происходили не за столом, а у костра или в дороге. О многом мы поведали друг другу. Слушая его рассказы о далеком детстве, крестьянской семье, юности и жизни, я всегда поражался упорству друга в достижении поставленной цели.

Нельзя сказать, что Михаил Тимофеевич скрытный человек, нет, но и многословным его не назовешь. О семье, детстве рассказывал не много и не часто. Помню, как удивился тому, что он был восемнадцатым ребенком. Со временем я познакомился с некоторыми из его братьев и сестер. Хорошо был знаком с Виктором Тимофеевичем, простым рабочим, который проживал тогда в Нижнем Тагиле Свердловской области. Он не раз бывал в Ижевске с женой и дочерью Олей, которая и сейчас приезжает к Михаилу Тимофеевичу. Виктор Тимофеевич мне нравился своим спокойным характером и деловыми качествами, умением многое делать своими руками. Уравновешенный, невысокого роста, это был человек, притягивающий и располагающий к себе. У меня он вызывал большую симпатию. В один из приездов помогал Виктору, сыну Калашникова, строить дачный домик.

Вели мы разговоры и о том времени, когда многие люди сгинули в лагерях, были расстреляны фактически без суда по фальсифицированным обвинениям. Тогда я даже не мог предположить, что все это в какой-то мере может иметь отношение к Михаилу Тимофеевичу, его семье. Однажды в приватной беседе Михаил Тимофеевич вскользь упомянул, что его брат Виктор, которого я знал, был раскулачен и сослан. Более он ничего не рассказывал, а я не настаивал. И только спустя десятилетия, в своей книге «От чужого порога до Спасских ворот» он раскрыл тайну семьи, о которой не знали даже жена и дети. Так оно бывает в жизни – всему свое время. Вот и приоткрыл свой «черный ящик» Михаил Тимофеевич.

Когда мы шли на съемку фильма в Кремле, он мне сказал: «В первый раз, когда меня избрали депутатом Верховного Совета СССР, я шел через проходную Спасских ворот и боялся даже в голове держать плохие мысли о вожде народов. А вдруг их засекут...»

К счастью, времена изменились, и все мы можем свободно говорить на многие темы, не боясь поведать свое мнение другим.

«Авантюрист» Соколов

За сорок лет нашей дружбы с Михаилом Тимофеевичем у нас случилось всякое. По характеру мы с ним разные. Я более эмоционален, доверчив, легко попадаюсь на крючок поджигателей страстей. А Михаил Тимофеевич рассудителен, осторожен в принятии решений, однако податлив на мои уговоры, поскольку доверяет.

Наша общая страсть – охота и рыбалка – не раз приводила к различным приключениям. Поэтому экстремальных ситуаций было много. Я уже упоминал, что у Михаила Тимофеевича зрительная память не совершенна, о чем он не раз сокрушался. Может, поэтому у нас повелось, что если мы ездили вместе, проводником был я. Отсюда вытекали и некоторые последствия этого звания: я становился главным виновником всего, что могло произойти в природе или по пути к цели. Испортившаяся погода и плохие дороги, неудавшаяся охота или рыбалка, неточный выстрел, и даже если зверь вышел не туда, где его ждали, все это – результат моих авантур. Обвинения я воспринимал совершенно спокойно, поскольку знал, что говорит так Михаил Тимофеевич не со зла – в сердцах.

А вот как Калашников описывает в книге «От чужого порога до Спасских ворот» наше разделение обязанностей: «Чем бы Валентин Владимирович ни занимался: научной ли преподавательской деятельностью, либо государственно-чиновничьей службой, – был он заядлый охотник и первый по области знаток, где и какой зверь в изобилии, чего можно от того или иного охотничьего угодья ожидать. К этому времени у нас произошло естественное разделение обязанностей: за мной – оружие, за мной – транспорт. За ним – информационное, как нынче принято говорить, обеспечение. И мастерский выстрел, очень часто – решающий».

Разумеется, что за многие годы недостатка в «авантюрах» не было, и Михаил Тимофеевич не раз в шутку говорил, что меня «надо убить». В то же время я знал, что он был совершенно уверен во мне: нигде и никогда, ни в какой ситуации я его не подведу и не скажу о нем ни одного плохого слова.

Водка «Калашников»

Обычно, если к Михаилу Тимофеевичу Калашникову обращались различные предприятия, фирмы с предложением выпускать какие-либо товары, используя его имя, знаменитый конструктор категорично отказывал.

Когда представители Глазовского ликероводочного завода обратились с подобной просьбой к Михаилу Тимофеевичу и предложили назвать водку его именем, Калашников согласился не сразу. Его смущало многое: во-первых, все-таки водка – не лимонад; во-вторых, волновало качество про-

дукта – вдруг возникнет знакомая ситуация: хотели как лучше, а получилось как всегда; в-третьих, это было впервые – отдать свое имя для маркировки продукта.

К разработке рецепта жгучего напитка высокого качества была подключена научная лаборатория Москвы, коллективу которой удалось достичь успеха. Сейчас водка «Калашников» пользуется большим спросом. Несколько позже и зарубежные фирмы, в частности болгарская, изъявили желание производить водку марки «Калашников», но было уже поздно. Михаил Тимофеевич отдал предпочтение Глазовскому заводу Удмуртии. Правда, что будет дальше с этим соглашением – пока под вопросом в связи с тем, что Калашников подписал контракт с немецкой фирмой MMI.

Но вернемся к пока еще глазовской водке «Калашников». Немало спорили из-за этикетки на бутылке. Вначале это было изображение конструктора с автоматом, но этикетка выглядела бледной, невзрачной, а бутылка – обыкновенной. Взяли фото, на котором знаменитый конструктор в генеральской форме, с автоматом в руках выглядит очень солидно. И бутылки стали изготавливать специальные, оригинальной формы, каких еще не было в производстве.

Водка «Калашников» пошла на поток и завоевала большую популярность в Удмуртии и далеко за ее пределами, а Михаил Тимофеевич стал известен не только как создатель всемирно известного автомата, но и как человек, давший «марку» хорошей русской водке.

В мае 1999 года на международной выставке крепких напитков водка «Калашников» получила золотую медаль. В 2000 году, в год своего 100-летнего юбилея, Глазовский ликероводочный завод обновил производственный процесс: отечественное разливное оборудование заменено на немецкое. Это позволило повысить скорость разлива водки и увеличить выпуск продукции.

На праздновании 100-летнего юбилея завода Михаил Тимофеевич произнес такие слова: «Я слежу за тем, чтобы водка по качеству не уступала моему оружию».

«Генеральский» нож

Для молодого поколения имя Леонида Ильича Брежнева, возможно, говорит лишь о том, что когда-то он стоял во главе нашего государства. Людям чуть постарше об этом человеке известно немало. Ведь он руководил страной очень много лет. Это позволило узнать положительные и отрицательные стороны его характера, увлечения и пристрастия. В общем-то, о них в то время знала вся страна.

Л.И. Брежнев, будучи Председателем Президиума Верховного Совета СССР, был с визитом в Удмуртии. М.Т. Калашников, зная, что Брежнев

большой любитель охоты, решил изготовить для него особенный подарок – сувенирный складной охотничий нож. Не обычный режущий инструмент, а нож с секретом. Он имел всевозможные приспособления: пилку, штопор, отвертку и другие: всего около десяти.

По сути – безделица, но нож быстро приобрел популярность, и его начали штучно изготавливать на заводе в качестве подарка именитым гостям и нужным людям. И называть его стали генеральским.

Такой нож Михаил Тимофеевич подарил мне, секретарю Удмуртского обкома КПСС В.К. Марисову и еще многим, в том числе и секретарю Астраханского обкома партии. С этим-то человеком и была связана история, прекратившая существование «генеральского ножа». Однажды Михаил Тимофеевич получил письмо, в котором секретарь Астраханского обкома благодарил Калашникова за прекрасный подарок, но почему-то просил письменно подтвердить, что нож подарен ему именно Калашниковым. Что-то здесь настораживало. Михаил Тимофеевич не ответил на просьбу.

Через какое-то время из Москвы в Ижевск приехал следователь по особо важным делам и попросил Михаила Тимофеевича о встрече. Калашников пригласил его домой, но тот отказался, объяснив, что дело сугубо служебное и встречу лучше провести в Министерстве внутренних дел. Михаил Тимофеевич не знал, что и думать, но в МВД пошел. Первое, о чем спросил следователь, дарил ли Калашников кому-нибудь оружие, которое изобрел. Михаил Тимофеевич ответил, что он пока еще в здравом уме, чтобы дарить оружие, принятое на вооружение в армии. Тогда был задан следующий вопрос: не помнит ли конструктор, как дарил штык-нож от автомата? И тут ответ был отрицательным.

– А вот секретарь Астраханского обкома партии настаивает на том, что вы ему что-то подарили, – парировал следователь.

Тогда и вспомнил Калашников про сувенирный нож, который действительно подарил секретарю при посещении Астрахани. Оказалось, что его сын совершил тяжкое преступление, и отец, по-видимому, желая помочь сыну, попросил у Михаила Тимофеевича подтвердить факт того, что нож – его подарок. Этим он надеялся смягчить часть вины сына, которого обвинили в незаконном хранении оружия и совершении тяжкого преступления.

Узнав об этой истории, В.К. Марисов вернул Михаилу Тимофеевичу его подарок со словами: «Возьми от греха подальше». После этого случая Калашников попросил руководство завода не изготавливать «генеральские» ножи.

Еще один подарок для Брежнева

Приближался очередной юбилей Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Ему исполнилось 70 лет. В Удмуртии, как и в других республиках Советского Союза, задумались о подарке юбиляру. На Ижевском машиностроительном решили изготовить для Брежнева миниатюрную копия автомата Калашникова, того самого, что находится на вооружении армии. Не автомат, а автоматик, но он должен быть действующим.

КБ справилось с уникальным, как сказали бы сейчас – эксклюзивным, заказом. В Кировской области изготовили из березового корня (капа) красивый футляр. Упаковав подарок, Михаил Тимофеевич и первый секретарь обкома В.К. Марисов отправились в Москву на юбилейные торжества.

В тот день в приемной Леонида Ильича высоких гостей было не счесть: министры, маршалы, генералы, секретари обкомов, ЦК компартий и другие – все ожидали приема, чтобы поздравить юбиляра. Когда появился Михаил Тимофеевич, ему было уделено особое внимание. Помощник Генерального сразу доложил Л.И. Брежневу, что в приемной – Михаил Тимофеевич Калашников с первым секретарем обкома КПСС Удмуртии. Леонид Ильич принял их вне очереди, первыми. В разговоре Брежнев задал конструктору вопрос: «Почему американцы и их союзники не берут на вооружение автомат Калашникова, хотя во Вьетнаме предпочитают воевать с ним?» Ну что тут было ответить? «Очевидно, престиж и гордыня не позволяют смириться с тем, что их обошли», – пришли они к общему мнению.

Был преподнесен подарок от Удмуртского края. Леонид Ильич попросил Михаила Тимофеевича разобрать автомат, что Калашников сделал довольно быстро. Только вот при сборке маленького оружия произошла заминка. Л.И. Брежнев поблагодарил гостей из Удмуртии за необычный подарок, за работу для армии и пожелал Михаилу Тимофеевичу дальнейших успехов в его непростой деятельности.

Невесты

Личной жизнью знаменитых людей интересуются многие. Всемирная известность конструктора не могла не привлечь к нему внимания. И когда он остался один, интерес женщин к его персоне возрос. К тому же газеты представляли его одиноким и несчастным: «Обладатель всемирно известного имени в одиночестве бродит по просторной квартире, один сажает цветы возле арендованного домика, сам ходит в магазин, сам убирает в квартире», – писала о нем газета «24 часа» в 1990 году. У кого не сожмется сердце при чтении этих строк.

Переживали и мы – его ближайшее окружение. Сам Михаил Тимофеевич никакой активности в поисках подруги не проявлял, да и свежи еще были переживания от постигшей утраты. Уже взрослые дети неоднозначно относились к идее женитьбы отца, и с их мнением он не мог не считаться. Мы решили взять инициативу на себя. Начались поиски вероятных невест. Недостатка в предложениях не было, но Михаил Тимофеевич ни на одно из них не реагировал должным образом, переводя разговоры в шутку.

Я в то время переписывался со своей однокашницей по институту Эммой, которая в молодости отличалась красотой и незаурядным умом. По иронии судьбы свой идеал она так и не встретила – осталась одинокой. Вот я и подумал, а почему бы нет? Но мой друг отнесся к этому предложению более чем прохладно. Я настаивал, но Калашников был равнодушен. Все-таки однажды их встреча в Москве состоялась, но сердце перспективного жениха не дрогнуло, и все осталось, как было, хотя атаки невест продолжались.

Помнится еще один случай, когда Калашников отдыхал в санатории с Н.И. Неверовым и тот пытался сосватать ему симпатичную докторшу. Дама и сама оказалась не промах: не только проявила интерес к Калашникову, но и настойчиво добивалась поставленной цели, много раз звонила Михаилу Тимофеевичу по вечерам, давала советы на тему: как сберечь здоровье. Пускала в ход все свои чары, но... Этот вариант также ничем не закончился. Я понял, что разговоры и действия в области поиска невест лучше прекратить.

Однако действия предпринимали не только мы. Сами невесты были очень инициативны и не теряли надежды обольстить знаменитого конструктора. Михаил Тимофеевич относился ко всему этому спокойно. А может быть, стал привыкать к одиночеству и самостоятельному ведению домашнего хозяйства.

Пресса продолжала описывать душещипательные сцены из жизни одинокой знаменитости. Эти публикации нашли отклик не только в нашей стране, но и за рубежом. В некоторых письмах, предлагая руку и сердце, поклонницы сразу описывали свои внешние данные: рост, вес, цвет глаз и волос, материальное положение, а также заверяли, что будут хорошими женами. Писем было много, и Михаил Тимофеевич, желая прекратить поток предложений, но не имея возможности ответить на каждое и выслать обратно фотографии, сочинил одинаковый текст. Набрав его на машинке и размножив на собственном бланке, стал рассылать «невестам». Он благодарил женщин за письма и выражал сожаление, что не может принять такое лестное предложение. Аналогичное письмо, возможно по ошибке, адресовал и моей жене.

«Получил Ваше письмо. Искренне признателен за Вашу отзывчивость. Нынешние журналисты весьма скоры до сенсационных повостей и горазды писать все, что заблагорассудится. Так случилось с опубликованием статьи обо мне. Как у многих моих соотечественников, у меня есть жизненные проблемы, но они не так мрачны, как пишет В. Борисенко (ИАН).

Молодой журналист, сочиняя эту статью, не считал возможным хотя бы по телефону познакомиться с человеком, о котором пишет. В домашних заботах мне помогают дети и внуки. А то, что нет особых льгот и привилегий, меня не беспокоит. Еще раз благодарю Вас за внимание и от души поздравляю с наступающим Новым годом. Желаю счастья, здоровья и всяческого благополучия. *М. Калашников*».

Михаил Тимофеевич так больше и не женился, но все-таки подругу встретил. Файруза Узбековна и Михаил Тимофеевич в течение 20 лет проводят вместе много времени. Бывает, что решают совместно какие-то бытовые проблемы, вместе отдыхают, путешествуют.

Путешествие

С тех пор прошло немало лет, но яркие воспоминания об этой поездке сохранились по сей день. Можно сказать, что все началось с фразы: «А не отправиться ли нам в небольшое путешествие...» И так все у нас удачно сложилось, что, действительно, купив билеты, мы оказались на теплоходе «Виктор Халзунов». Маршрут был известен: по рекам Каме и Волге до Астрахани и обратно. Компания собралась небольшая, но тесная и веселая: Михаил Тимофеевич и Николай Иванович Неверов в одной каюте, я и Серафима Павловна в другой. Совершенно занятые люди в обычной жизни, мы чувствовали себя настоящими туристами. Кстати, это именно то путешествие, которое познакомило Михаила Тимофеевича и Файрузу Узбековну.

«Виктор Халзунов» отчалил от пристани города Сарапула. Погода была великолепной. Теплоход не спешил, останавливаясь в приволжских городах и на зеленых стоянках – скучать не приходилось. Отдых на самом теплоходе был организован великолепно. Мы с удовольствием участвовали в художественной самодеятельности, во всех проводимых мероприятиях. К тому же и кормили нас хорошо.

Города Поволжья, мимо которых мы проходили или в которых останавливались, оставили незабываемые впечатления. Набережные Челны и Тольятти были в то время совсем молодыми промышленными городами. В Казани наша туристическая группа побывала в Адмиралтействе, посети-

ла Петропавловский собор и знаменитый Казанский кремль, площадь которого 123 650 квадратных метров. В Кремле в то время была организована выставка артиллерийского оружия. Естественно, ее мы осмотрели подробнейшим образом. Показали нам и знаменитую башню Сююмбеки. Есть романтическая, но грустная легенда: девушка по имени Сююмбеки, не желая жить с нелюбимым, бросилась с этой башни. В ее честь она и была названа. Посетили мы университет, в котором учился В.И. Ульянов, и видели памятник великому татарскому поэту Мусе Джалилю.

В старинном русском городе Костроме побывали в Ипатьевском дворце – реликвии династии Романовых. Это архитектурное произведение поразило нас своей монументальностью и количеством помещений. В некоторых из них расположены музейные экспозиции. Осмотрели исторический торговый центр Костромы.

Ярославль очаровал нас своей великолепной стариной. Такого количества памятников истории я, пожалуй, не видел больше нигде. Можно только позавидовать ярославцам, что им посчастливилось жить в одном из красивейших городов России – жемчужине Золотого кольца.

Ульяновск был отмечен встречей Михаила Тимофеевича с бывшим сослуживцем полковником Д.М. Битаевым. Он провел с нами экскурсию по городу. Особенно запомнился Ленинский мемориальный музейный комплекс. По рассказам, равного ему не было в Советском Союзе.

Останавливался наш теплоход еще в одном старинном торговом и культурном центре – Нижнем Новгороде. До революции купцы считали его торговыми воротами России. В этом приволжском городе прошло детство русских знаменитостей – Максима Горького и Федора Шаляпина. «Домик Каширина» – так называется музей Максима Горького. Создан он по знаменитой книге «Детство», по рассказам родственников и знакомых. Посетили мы и областной краеведческий музей.

Надо сказать, что наше путешествие не осталось незамеченным. В каждом городе нас, точнее, Михаила Тимофеевича, встречала целая делегация. О своих замыслах мы никому не сообщали. Но, видимо, речники передавали из города в город, что на борту теплохода «Виктор Халзунов» путешествует известный конструктор.

Когда мы подошли к Волгограду, то нас вновь встречала представительная делегация. Экскурсия по Волгограду, которую провели с нами руководители области и города, была очень интересной. Останавливались в Волгограде и на обратном пути, осмотрели знаменитую панораму «Сталинградская битва». Посетили всемирно известный памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане, видели Дом Павлова, побывали на Солдатском поле. Для нас, прошедших войну, такие места значат очень много.

Следующей остановкой была Астрахань. Откровенно говоря, мы рассчитывали осуществить свои планы, распланировали весь день до отплы-

тия теплохода. «Виктор Халзунов» пришвартовался, у причала я увидел организованную группу людей с цветами. Стало понятно, что наши планы были преждевременными и свободно погулять по городу не удастся. Так оно и оказалось.

Мы даже не ожидали, что будет оказан такой прием. Нас сразу же повезли в ресторан, где был накрыт шикарный стол. После дружеского застолья мы были представлены руководителям города и области, затем нам показали город, его музеи, вручили грамоты почетных гостей города Астрахани и на катере отправили к притоку Волги – Балде. В таком количестве даров моря я не видел нигде. Было столько икры, осетрины и других деликатесов, что мы не могли осилить и пятую часть из того, что подавалось.

По реке нас возили на особом комфортабельном катере. По рассказам, на нем отдыхали космонавты после возвращения на Землю, президента Академии наук СССР А. Александрова доставляли на нем к небольшому острову, где он отдыхал.

После этих неожиданных, но приятных приключений нас привезли на теплоход, где в своих каютах увидели огромное количество всевозможных фруктов, арбузов и рыбы. В Астрахани я запомнил на всю жизнь, что селедку особого приготовления называют залом. Никогда и нигде я не пробовал больше такой удивительной по вкусу селедки.

Путешествие подходило к концу. Мы были полны впечатлениями от увиденной красоты исконно русских городов, русской природы. Наш теплоход возвращался домой, и колокольный звон высоко звучал над гладью Волги.

Автомобили Калашникова

В далеком 1949 году, когда Михаил Тимофеевич приехал в Ижевск, в городе было лишь несколько кирпичных домов, разбросанных по разным улицам. А о дорогах с асфальтовым покрытием и говорить не приходится: деревянные тротуары, кое-где такие же настилы на дорогах украшали столицу республики. С наступлением осени проехать по Ижевску было невозможно. Буксуя в непролазной грязи, по городу с трудом пробирались лишь грузовики.

Получив первую значительную премию – Сталинскую, Михаил Тимофеевич приобрел себе автомобиль «Победа». В то время в городе в личном пользовании граждан было всего три таких автомобиля, и «Победа» М.Т. Калашникова стала заметным явлением. Но большинство ижевчан не знали, кто ее хозяин. Машину Михаил Тимофеевич водил сам, на ней он выезжал на охоту и рыбалку, ездил по служебным делам.

В 50-летний юбилей, зная пристрастие конструктора к охоте и рыбалке, специально для выездов на природу юбиляру подарили ГАЗ-69. Эта машина стала постоянным спутником М.Т. Калашникова в путешествиях по проселочным охотничьим и рыбацким дорогам. Она служила Михаилу Тимофеевичу двадцать лет, пока не представилась возможность приобрести новую модель – УАЗ-469. На «уазике» мы исколесили многие охотничьи угодья. Но известному и именитому человеку не всегда удобно ездить на вседорожнике, и Михаил Тимофеевич купил «Волгу». Сейчас на ней ездит Виктор Михайлович.

На 75-летие министр обороны РФ подарил заслуженному конструктору УАЗ-3451 военного образца. На нем мы тоже ездили на охоту и рыбалку. Хорошая машина.

Одним из последних приобретений стал «форд», который Михаил Тимофеевич вдвоем с водителем пригнал из Москвы. М.Т. Калашников всегда любил автомобили, бережно к ним относился, до сих пор водит сам. И только в дальних поездках доверяет руль профессиональному водителю.

Другу от Соколова

Для Михаила Тимофеевича охота всегда значила много. Это и развлечение, и отдушина, и общение с природой. Но в последние годы наши выезды на охоту резко сократились. Многочисленные служебные командировки, сбор материала для третьей книги и другие дела занимали у Михаила Тимофеевича слишком много времени. Выразить свое отношение к этому факту я решил стихами и, написав их, вручил другу при очередной встрече.

Конечно, я не поэт, поэтому прошу не судить строго, да и написал эти строки за какие-то полчаса, но свое несовершенное поэтическое произведение хочу включить в книгу, чтобы оно напоминало Михаилу Тимофеевичу и об этом периоде жизни.

М.Т. Калашникову

Спасибо тебе, дорогой фронтовик,
За победу в жестокой войне,
Что, судьбу испытав и все пережив,
Про раны свои навсегда позабыв,
Идешь, как и прежде, в дозоре своем,
Мирный труд и покой охраняя.

С той поры, как Победа на землю пришла
И война, как набат, отгремела,
Для тебя нет покоя и тихого сна.

Жаль, что время так быстро летит...
Ты чуток располнел, поседел
И охоту с рыбалкой забросил.
В кутерьме новых дел про ружье позабыл
И березовый сок пить уж бросил.
Уж не манят тебя глухари на току –
Пусть пернатые все улетают.
Где те зори и пение птиц поутру?
Что к природе любовь пробуждают?

Эх, дружище, герой! На войне и в труде
Много добрых ты дел переделал,
И во славу отчизны от них не устал.
Любишь Родину-мать и всей жизнью ее прославляешь!
Так живи же и здравствуй во славу ее,
Знаем, что судьбы ты иной для себя не желаешь.

Охота и рыбалка

Не только страстное увлечение охотой и рыбалкой влекли меня в лес и к воде. Первый азарт проходит, и появляется жалость к природе, боль за нее. Кроме удовольствия от общения с ней, я был связан со многими необходимыми научными исследованиями, поскольку это была еще и моя работа.

Ни один выезд на охоту или рыбалку не был у нас браконьерским. Так, на лосей мы охотились по спортивным лицензиям, которые выдавали Михаилу Тимофеевичу в Охотуправлении УР. Работая в УдГУ и ИЖГСХА, вместе с коллегами я занимался исследованиями, направленными на рациональное использование в Удмуртии популяции лосей. Ежегодно нам передавали лицензии отстрелянных в республике сохатых всех половозрастных групп. Материалы обрабатывались, составлялся отчет, в котором предлагались рекомендации по ежегодному отстрелу животных. Эти данные передавались в Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных УР, которое длительное время возглавляет Василий Прокопьевич Булатов. Когда-то под моим руководством он выполнил и защитил дипломную работу. Уже в течение нескольких лет В.П. Булатов успешно занимается проблемами акклиматизации в Удмуртии косули.

Мой аспирант А.Ф. Храмов, проведя серьезную научную работу по лосиной проблеме, успешно защитил диссертацию в городе Кирове во Всероссийском научно-исследовательском институте звероводства и охотсобаководства. С его участием составлена программа рационального использования лосиного стада в республике. Сейчас А.Ф. Храмов возглавляет филиал этого института в Удмуртии.

Рыбалка — это тоже подконтрольная область деятельности. Водные ресурсы Удмуртии не принадлежат самой республике, это достояние всей России, всего государства.

Документы, дающие право на проведение научной работы по ихтиологии, ежегодно выдаются бассейновыми управлениями по решению рыбопромышленных советов специалистам НИИ, высших учебных заведений, отделений ГосНИОРХа. В Удмуртии, кроме ихтиолога инспекции рыбоохраны, разрешение выдавалось на мое имя. Но чтобы получить подобные документы, необходимо заранее представить заявку с конкретными указаниями важности изучаемых проблем.

В УдГУ ловля рыбы в научных целях осуществлялась рыболовецкой бригадой, а старший рыбак входил в состав кафедры, и в его распоряжении была машина, снасти и т.д. К выполнению исследований привлекались студенты-дипломники. Помимо исследований, проводимых в УдГУ и ИжГСХА, рыбу отправляли в республиканскую ветеринарную лабораторию и лабораторию санэпиднадзора. Если были излишки, то они по накладной сдавались на реализацию.

Наиболее важными аспектами исследований являлось определение наличия в рыбе тяжелых металлов (ртути, мышьяка, свинца, кадмия, цинка и меди), а также радионуклидов (цезия-137, стронция-90), двух пестицидов и двух паразитов, опасных для человека, – описторхоза и дифиллоботриоза. Результаты ежегодно представлялись в Бассейновое управление «Камуралрыбвод» в городе Перми, поскольку работы проводились по разрешению этого бассейнового управления.

Когда произошла авария на реке Белой и в ее воды вытекло большое количество нефти, то Бассейновое управление «Средневожскрыбвод» города Самары обратилось в ИжГСХА с просьбой провести исследования в реке Белой и Нижнекамском водохранилище на токсикологическую и паразитарную зараженность рыбы. Отчеты по результатам этих исследований теперь также ежегодно направлялись в «Средневожскрыбвод».

Это очень серьезная и важная работа. Попутно мы занимались и экономическими проблемами рыбного промысла в Удмуртии, изучали промыслово-биологические параметры некоторых видов рыб. По результатам научных исследований издано несколько книг: «Рыбный промысел» (В.В. Соколов, И.Г. Кубашев, А.В. Тепляков), «Рыбосырьевая база водоемов Удмуртии и освоение ее промыслом» (И.Г. Кубашев, В.В. Соколов), «Токсикологическая загрязненность и паразитофауна водоемов интенсивного рыбного промысла Удмуртской Республики» (А.В. Тепляков, И.Г. Кубашев, В.В. Соколов, Л.Н. Игнатьева, А.Г. Шмакова). Под моим руководством И.Г. Кубашевым выполнена и защищена кандидатская диссертация, готовятся к защите еще четыре соискателя.

В то время, когда я работал в правительстве УР, шло проектирование и строительство рыбхоза «Пихтовка». Создание в республике полносистемного рыбоводного хозяйства происходило при моем непосредственном участии. В настоящее время «Пихтовка» является одним из лучших рыбоводных хозяйств России. В 2002 году коллектив рыбхоза, возглавляемый

Г.С. Крыловым, получил Государственную премию УР. Примечательно то, что хозяйство находится не в лучшей климатической зоне, а занимается разведением карпа – рыбы теплолюбивой. Это один из примеров того, как можно успешно заниматься разведением теплолюбивого карпа в холодной зоне Предуралья. Объемы товарной рыбы превышают 600 тонн в год.

В течение длительного времени ихтиологические разработки проводились мной на республиканской базе инспекции рыбоохраны. С этой целью там была создана лаборатория и метеоплощадка. В дальнейшем рядом с ней была построена биобазы УдГУ, которая является действующей и в настоящее время. На ней студенты биологического факультета проводят различные исследования.

Еще одно мое детище – это пруд, созданный на базе управления охотхозяйства в Чекерове. Строился он за счет средств мелиорации и существует по сей день.

Введение к охоте

«Поймешь охотника тогда,
Когда пройдешь неоднократно
Надежды полный путь туда
И горемычный путь обратно».

Охота – страсть миллионов, она – «пуще неволи». Среди охотников можно встретить прославленных академиков и писателей, артистов и военных, студентов и рабочих, городских жителей и сельских, молодых людей и людей преклонного возраста. В свободное время любили бродить с ружьем по охотничьим тропам известные писатели Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, С.Т. Аксаков и многие другие. Они были отличными охотниками и ценителями родной природы. Из-под их пера вышло множество замечательных произведений об охоте, природе, красоте родного края.

Вот как описывает непреодолимую тягу к охоте писатель С.Т. Аксаков: «Кто заставляет в осенний дождь и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтобы застрелить кого-либо? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет, в тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки? Охота. Кто заставляет этого немолодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или, пользуясь полуденным отдыхом, в палящий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота. Без сомнения, одна охота. Вы произносите это волшебное слово, и все становится понятным».

Охота приобщает человека к природе, учит познавать ее законы. Благодаря охоте он особенно тонко чувствует красоту утра на реке или

Н.И. Неверов, М.Т. Калашников, В.В. Соколов вышли на охоту

солнечного заката на лесной опушке, проникается величием векового соснового бора или прелестью молодой березовой рощицы. Охота воспитывает в человеке мужество и находчивость, делает его сильным, ловким, выносливым, настойчивым, способным преодолевать любые трудности и препятствия. Сколько выносливости, смелости и находчивости требуется от охотника на крупного и опасного зверя! Какой верный глаз, твердую руку и мужественное сердце должен иметь охотник, встречая идущего на него разъяренного медведя или раненого кабана-секача.

Нигде не чувствуешь себя таким бодрым и здоровым, полным сил и энергии, как на охоте. Она является лучшей формой отдыха и великим средством здорового образа жизни. Пребывание на свежем воздухе, ходьба по топким болотам, по непроходимым лесным чащам или по бескрайним лесным просторам всесторонне развивают человека физически, укрепляют его организм.

У настоящего охотника — стальные мускулы, зоркий глаз, сильные ноги и руки, хороший «мотор». Закаленное тело, крепкие нервы и бодрый дух прекрасно сопротивляются заболеваниям и отдалают старость.

Для тех, кто по-настоящему предан этой страсти, результат определяется не количеством трофеев, а эффектом общения с природой и наслаждением красотой родного края. Своей экипировкой охотник не похож на ос-

тальных людей: в болотных сапогах, в выдавшей виды шляпе или фуражке, с огромным, испытанным немалым огромным рюкзаком. А за спиной, в портном дерматиновом чехле, постоянный спутник – ружье. На лице – смущение за свой пелёпый вид, а в глазах – азартный огонь и предвкушение свидания с природой.

В наше суетное время тяга горожанина к дикой природе не стала меньше, а скорее, наоборот. И охота – одна из лучших возможностей ее удовлетворить. А уж если намотал не один километр по лесу со всей амуницией, если пришлось бродить по колено в снегу, либо под тучами комаров, и ты еле-еле добрался до пристанища, проклиная эту страсть, то каким раем покажутся тебе те моменты, когда есть возможность подремать под треск костра или печурки. Но эти блага только до утра. С зарей неодолимая сила снова тянет на охотничьи тропы, и все повторяется. Вот все это в комплексе и есть жизнь охотника, и лучшей доли он для себя не желает.

А.Г. Кирисов

Долгое время начальником Управления охотничьего хозяйства при правительстве Удмуртской Республики был Анатолий Григорьевич Кирисов – человек разносторонних талантов: хороший руководитель и организатор, опытный охотовед и охотник. Обладал он еще одним качеством, которое привлекало к нему людей – талантом рассказчика. Подолгу и очень увлекательно он мог рассказывать охотничьи байки. Это были настоящие моноспектакли, поскольку Анатолий Григорьевич еще и изображал своих персонажей. Вся его жизнь была связана с охотой и охотниками, а значит, с приключениями. Поэтому в запасе у него «хранилось» множество забавных и увлекательных историй. Мы с удовольствием их слушали.

По приглашению А.Г. Кирисова мы с Михаилом Тимофеевичем обычно ездили в Чекерово. Часто с нами ездили жены. А в свободное от охоты и рыбалки время Анатолий Григорьевич забавлял нас анекдотами и курьезными случаями. Особенно запомнилась одна из этих историй.

На протяжении многих лет, приезжая на охоту в Татарию и Башкирию, наш рассказчик останавливался у местного жителя на одиноком хуторе, что находился на живописном берегу Камы. Звали хозяина дома Гарфеем. Был он уже в годах. Видимо, внешность этого человека говорила о твердости характера, независимости, потому что Анатолий Григорьевич изображал его в виде парящего орла – властелина чудного уголка природы. Именно так и представлял себя Гарфей – хозяином этой красоты, поскольку в этих местах они с женой Зульфией жили долгие годы, и никто не мешал ему рыбачить и охотиться в одиночестве. Лишь иногда их спокой-

ную, размеренную жизнь нарушал приезжавший к ним налоговый инспектор, который интересовался, почему Гарфей не платит налоги за промысел. Но у того на этот счет было свое мнение: он считал, что советская власть должна учитывать его особые заслуги перед ней и не брать палого. Как только инспектор входил в его избу, Гарфей с видом властелина зычно кричал Зульфие, чтобы она принесла ему из сундука документ, подтверждающий, что он был красногвардейцем, а значит, с него ничего не должны спрашивать. Жена долго рылась в сундуке и, наконец, приносила инспектору документ и красный бант. По мнению Гарфея, именно эти атрибуты обеспечивали все льготы.

Интересно начало этой истории с бантом. Дело было еще в Гражданскую. Эти места переходили от «белых» к «красным», и наоборот. «Красные» агитировали селян вступать в их ряды. Естественно, простого человека интересовало: а что дадут? Красный бант и коня. Вступил Гарфей в Красную гвардию, но и повоевать не успел, как попал к «белым». Те высекли неудавшегося вояку и отпустили. На этом военная карьера Гарфея закончилась, но остался красный бант. Анатолий Григорьевич так артистично рассказывал эту историю, изображая Гарфея и его жену, что мы смеялись до слез.

К сожалению, Анатолий Григорьевич Кирисов рано ушел из жизни. А мы с Михаилом Тимофеевичем еще не раз бывали в этих местах, любясь их сказочной красотой. Вспоминали мы и Гарфея – человека, выросшего далеко от политики, от сложностей нашего бытия, ощущавшего себя царем природы.

За грибами

В семье Калашниковых любые грибы – соленые, жареные, маринованные – были любимым блюдом. Но из-за нехватки времени они ездили за ними не часто. Поэтому выехать в лес, на природу, которую так любит Михаил Тимофеевич, очень любила Екатерина Викторовна, всегда было праздником. Мы с Серафимой Павловной тоже были не прочь заняться грибной охотой. Мне это было знакомо с детства, а она, родившаяся в степной зоне и не имевшая раньше понятия о сборе грибов, полюбила это занятие, когда мы жили в колхозе «Двигатель» Воткинского района.

У нас были и свои заветные грибные места даже в Татарии у Красного Бора. Однажды мне сказали, что там много белых грибов. Мы загорелись идеей съездить, а поскольку Михаил Тимофеевич был в то время серьезно занят, с нами поехала только Екатерина Викторовна.

В татарской деревне нас хорошо приняли. Рано утром, взяв корзинки, мы отправились на машине в лес. Это был большой лесной массив, мы раз-

брелись по нему, и вскоре я перестал слышать голоса Серафимы Павловны и Екатерины Викторовны. Ориентировались в лесу они плохо и потеряли дорогу, на которой осталась наша машина. Я вышел к автомобилю, женщин не было, начал звать их и сигналить. Но на мой зов никто не откликнулся, и я забеспокоился. Решил ездить по этой дороге, надеясь, что они все-таки выйдут, услышав шум мотора. Но женщины сами догадались, как выбраться из леса: они пошли по одной из лесных тропинок с уверенностью, что она куда-нибудь приведет. И привела. В деревню. Там им объяснили, как выйти к дороге, на которой ждала машина, и мы к общей радости встретились. Только вот грибов набрали немного: женщины искали дорогу, а я искал их. Но на грибовницу хватило.

Памятный случай произошел с нами на грибной охоте, когда мы ездили вместе с Михаилом Тимофеевичем и его маленьким внуком Игорьком. Было ему тогда четыре года. Екатерина Викторовна очень любила Игоря, баловала, следила, чтобы он был аккуратно одет. В тот раз даже в лес принарядила его, как на праздник: под модным костюмчиком была белоснежная рубашка.

Поехали мы за Якшур-Бодью. Дождей давно не было. Погода стояла не грибная – сухая и солнечная, но хотелось побаловать близких грибовницей, и немного грибов мы все-таки набрали. А на дороге, возле того места, где осталась машина, была огромная лужа с густой глинистой грязью, позеленевшая от застойной воды. Далеко от машины мы не отходили, тем более с нами был ребенок. Но видимо отвлеклись, и на какие-то минуты мальчик выпал из поля зрения.

Вдруг раздался громкий плач Игоря. Бросив все, побежали на крик. Зрелище оказалось не для слабонервных: ребенок стоял по уши в зеленой грязи. Каким ветром занесло его туда, никто не понял, но все бросились на выручку: снимали и чистили одежду, а потом водой из ручья дружно отмывали бедолагу. До сих пор при случае мы напоминаем уже взрослому Игорю об этом приключении и вместе смеемся.

Охота на лося

Раньше, до знакомства с Михаилом Тимофеевичем, на лосиную охоту я никогда не ездил, считал ее неинтересной и неспортивной. Мой друг звал меня с собой каждый раз, собираясь на лося. Пару раз я отказывался, а потом, съездив раз-другой, втянулся, поняв, что интереса и спорта в ней ничуть не меньше, чем в любой другой. Конечно, не каждый подобный выезд был удачным, порой приходилось ездить не один и не два раза, чтобы реализовать лицензию. Да и набегаясь так, что любой вид спорта покажется легкой разминкой.

Сложилась у нас и компания для лосиной охоты, почти не меняясь с течением времени: Михаил Тимофеевич, его сын Виктор, Н.Н. Шкляев, шофер Калашникова Анатолий и я. Бывало, с нами ездил Неверов, иногда Семеновых, Файзуллин и частый гость из Москвы – Дейкин. Организаторами и загонщиками чаще всего были Залазаев и Березин.

Для такой охоты силы нужны немалые: пройти многие километры за лосем, порой по глубокому снегу, дотащить тушу до машины, разделить ее – даже для двух мужчин это непросто. Кроме того, среди охотников существует неписанный закон: не отпустить подранка. Если рука стрелявшего дрогнула, приходилось преследовать лося, идя по следу.

На лосиной охоте у нас с Михаилом Тимофеевичем происходило много разных историй. Ездили мы на «газике» Калашникова. На номер я вставал всегда только рядом с ним. Возможно, потому, что я не допущу «слепого» выстрела, которым можно кого-то зацепить, а еще и для того, чтобы подстраховать друга в непредсказуемой ситуации. На промах я не имел права, а каждый мой удачный выстрел оспаривался Михаилом Тимофеевичем.

И вот – охота. Обнаружили следы у предполагаемого места кормежки или лежки. Встали на номера. Сколько нужно иметь терпения, чтобы часами стоять без движения на номере, ожидая выхода сохатого! Морозы, бывало, доходили до двадцати пяти градусов, холод пробирал до костей. А бураны с ветрами, а снегопады! Уйти «с номера» никто не мог без особого распоряжения. Попробуй уйди: обид и нареканий наслушаешься – на год хватит. А промазать – не дай бог! Естественно, были случаи, когда Михаил Тимофеевич промазывал, но его только мягко журили, мне же попадало на полную катушку, если случалось, что по моей вине лось уходил. Охотиться на лосей мы выезжали почти ежегодно. В последнее время, когда из-за возраста нам все-таки нужен был домашний почлег, стали охотиться в пригородных угодьях. Загонщиками брали, как правило, молодых, физически крепких людей, чаще егерей, хорошо знающих местные леса и повадки лосей. При последних выездах это были А.Г. Кожевников и Г.А. Коробейников.

Михаил Тимофеевич убил лося... моей пулей

Однажды мой сын принес домой пятизарядное английское ружье. Раньше я ничего подобного не видел, но сразу понял: вещь замечательная! И когда мы с Михаилом Тимофеевичем собирались на лося, я решил: со своей двустволкой не поеду. Нужно испытать в деле английское ружье. Как с ним обращаться я не знал, но подумал: ведь рядом со мной знаменитый оружейник – в случае чего разберется.

Стали собирать и заряжать ружья, готовясь встать на номера, я попросил М.Т. Калашникова помочь мне освоить эту гладкоствольную но-

винку. Он заворчал: «Зачем берешь оружие, которым не можешь пользоваться?» Кое-как зарядил я ружье четырьмя патронами вместо пяти. Встал на номер, как всегда, рядом с Михаилом Тимофеевичем.

Вскоре загонщики согнали лосей с лежки, и я увидел, как один из них выходит из леса совсем недалеко от меня: в пятидесяти-шестидесяти метрах. Выстрелил. Оба лося, один за другим, побежали через делянку, где стоял Михаил Тимофеевич.

Я всегда стреляю с левой руки, и вот тут-то незнакомое оружие показало свой норов: во время выстрела затвором ударило мне по пальцу и серьезно поранило его. А поперек патронника застряла гильза, которую не выбросило после выстрела. Лоси уходят, а стрелять я больше не могу. Начал стрелять Михаил Тимофеевич. Каким-то образом мне удалось вытащить гильзу, и я еще раз выстрелил, хотя цель была уже довольно далеко. Лось упал. Мы пошли посмотреть и убедились, что тот серьезно ранен первым выстрелом. Я был уверен, что это – мой выстрел. К убитому зверю собралась вся компания, начали разбираться, кто сколько раз стрелял, кто убил. Мои доводы не были приняты во внимание. Михаил Тимофеевич настаивал, что именно после его выстрелов лось упал. Я сдался: если все согласны, что лося убил он, пусть так и будет. Калашникова поздравили и выпили за его успех.

Как всегда добычу привезли в гараж к Михаилу Тимофеевичу, разделали, поделили между охотниками. Когда разрубали тушу, Виктор обнаружил две пули от гладкоствольного ружья – такое было только у меня. Взяв их, я обратился к Калашникову: «Да, Михаил Тимофеевич, лося убил ты, но моими пулями».

Заблудились

Однажды зимой мы отправились на охоту в Кильмезский район Кировской области. Леса там такие густые и необозримые, что даже бывалый охотник может заблудиться. А поскольку на протяжении многих километров нет ни населенных пунктов, ни охотничьих сторожек, то до людей добраться не просто.

Охота в этот раз не удавалась, лоси уходили из загонов, приходилось часто менять места на номерах. Да и в целом организация охоты была не на лучшем уровне. Я уже говорил, что на охоте мы с Михаилом Тимофеевичем старались держаться рядом. А в этот раз каким-то образом потеряли друг друга из виду.

Затихли голоса загонщиков, вокруг – бесконечный лес и просеки. В зимнем лесу один способ найти кого-нибудь или выйти к людям: лыжный след. Прошел я несколько километров по сплошной целине – ни следов, ни голосов.

Как я узнал позже, Михаил Тимофеевич, потеряв связь со всеми, тоже решил искать лыжный след. Не один год мы охотились вместе, поэтому могли узнать своих товарищей-охотников и по лыжне. Узнав мою лыжню, он пошел вдогонку. Шел долго, даже сомневаться стал: а мой ли это след, но продолжал путь, надеясь, что лыжня все равно куда-нибудь выведет.

Мои поиски были безрезультатными, видимо, компаньоны находились где-то в другой стороне. Я стал делать частые остановки и прислушиваться, совсем не подозревая, что кто-то идет по моему следу. Думал, что один заблудился. Каково же было мое удивление, когда, оглянувшись, увидел друга! Я был удивлен и, честно говоря, обрадован. Вдвоем любая дорога веселей. Михаил Тимофеевич тоже изрядно устал и уже волновался, теряя веру, что догонит кого-то. Мы решили идти, ориентируясь на стороны света – север и юг. Охотничий опыт помог нам выйти к стоянке.

Вот так, понадеявшись на хорошую зрительную память и отличный слух, я умудрился заблудиться. Оказалось, что не только я. Этот случай послужил нам хорошим уроком. Впредь мы старались не отрываться от остальных.

Ночью на дороге

Однажды мы охотились в Шарканском районе. Стояли морозные декабрьские дни, темнело быстро. Охота все никак не складывалась, поэтому решили ехать домой. Но говорят, что уж если день не заладился, то это надолго. Совершенно неожиданно сломалась машина. Шофер осмотрел мотор и безнадежно махнул рукой.

Что значит зимой, в мороз, почти ночью оказаться на дороге в неисправной машине? Если мотор не работает, то ни тепла, ни надежды добраться до людей. Без посторонней помощи такую проблему не решить. Кому-то надо идти, искать деревню, будить людей. Не самое приятное занятие. Благо, поломка случилась недалеко от деревни. Как всегда в таких случаях на поиск подкрепления Михаил Тимофеевич отправил меня: «Ты сельхозник, иди и ищи своих». Пришел я в незнакомую деревню, кругом ни души. На деревенской улице увидел пожилую женщину и спросил:

- Где живет колхозный инженер?
- Далековато будет, однако.
- А председатель?
- Да вот здесь, в соседнем доме.

В окнах ни огонька, очевидно, хозяева уже спали. Решил попытать счастья, постучал в калитку. Раздался лай собаки. Вскоре на крыльце появился мужчина. Я узнал его, это был бывший председатель Шарканского

райисполкома Березин, мне не раз приходилось встречаться с ним по работе. Он тоже узнал меня, пригласил в дом, стал угощать. Но на дороге мерзли мои друзья, и я попросил его поскорее организовать нам помощь. По телефону он нашел людей, которые помогли устранить поломку. Остаток ночи мы провели в теплых постелях дома, и на душе тоже было тепло оттого, что есть на свете отзывчивые люди.

Зимой – по-летнему

Однажды собрались мы на охоту в расширенном составе – наша обычная компания и сослуживцы Михаила Тимофеевича по «Ижмашу»: Файзуллин, Семеновых, Докучаев, Коробейников и другие. Местных егерей решили с собой не брать. В тот раз роли загонщиков исполняли наиболее молодые и физически сильные охотники. Выбор пал на Докучаева, человека крепкого телосложения, совсем еще молодого, правда, немного полноватого, но, тем не менее, очень подвижного.

Нашли следы лосей, объехали квартал, где они легли на дневку, и встали на номера. Новоиспеченный загонщик пошел по следам, чтобы поднять сохатого с лежки. Но первый загон был неудачным: лось перехитрил нас и ушел, не выходя на охотников. Стали делать второй загон. Загонщик решил сначала обследовать участок и пошел на лыжах по следам лося в лес. К порученной роли Докучаев отнесся очень серьезно – старался. А побегай-ка по лесу на лыжах в охотничьей амуниции... Стало жарко нашему загонщику. Расстегнутой курткой он не ограничился, а разоблачился до самой тельняшки.

В это самое время деревенский егерь обследовал свой участок. О нашей охоте он ничего не знал, мы в этот раз его не предупредили. Вдруг видит впереди себя идущего по лыжне человека с ружьем и... в тельняшке. Егерь, естественно, очень удивился. «Всяких браконьеров пришлось в жизни повидать, но чтобы в зимние морозы в тельняшке – такого видеть не приходилось», – сказал он нам позднее. Увидев огромного мужика, он сразу подумал: «Браконьер!» Но, будучи опытным егерем, в открытую схватку с таким «бандюгой» вступать не торопился. Просто осторожно шел по следу, намереваясь выследить нарушителя. А вскоре, заметив на номерах знакомых людей из окружения М.Т. Калашникова, он все понял. После егерь позабавил нас этим рассказом.

Пожалел голову Михаила Тимофеевича

Вспоминается еще один случай, связанный с лосиной охотой. Лось из первого «оклада» ушел, об этом нам по радиации сообщил загонщик. Нужно было переместиться на новые места. Мы шли втроем по дороге и вдруг на просеке увидели крупного лося-красавца. Раздумывать было некогда. Залазаев и Калашников оказались в первой шеренге, я – за ними. Моя позиция была неудобна, поскольку я стоял сзади. Поэтому мог стрелять только между ними, что очень рискованно. Прицелился, но спусковой крючок не нажимал: сделай они лишь шаг в сторону или качни головой – и все! Пуля попадет в голову человека. А он, красавец, как специально стоит, ждет. Искушение, конечно, было, но я не выстрелил.

Залазаев и Калашников выстрелили. Михаил Тимофеевич спросил меня: «Ну что, ты стрелял?» Я слукавил, ответив утвердительно. Друг был уверен в том, что если я стрелял, то промазать не мог.

Подшли к месту, где стоял лось, насчитали 360 шагов (далековато). А лежал сохатый в десяти метрах от просеки. Редкий по красоте зверь: на рогах целых семь отростков. Такие красавцы не часто попадаются.

А когда вечером, дома у родителей Березина, мы отмечали удачную охоту: лакомились деликатесами, делились впечатлениями, я признался, что не стрелял, потому что не мог рисковать. Михаил Тимофеевич тогда очень удивился, но к этой истории больше не возвращался.

Голову зверя Калашников отправил в Киров к мастеру. Ее там прекрасно выделали, и много лет она украшала сначала его спальню, затем комнату на даче.

Лесные охотники

Природа Удмуртии богата и разнообразна. Лесные массивы занимают немалую территорию, а потому всякого зверя и птицы у нас вдоволь. Не было такого сезона, который мы бы с Михаилом Тимофеевичем пропустили. Каждый охотник знает, что не бывает охоты, похожей одна на другую. Вот и у нас, несмотря на то, что ходили на лося каждый год, случилось много разных историй. Были удачи и неудачи, победы и промахи. Но как-то произошел случай, который запомнился надолго. Можно сказать, что однажды нам пришлось участвовать в охоте на лося в компании волков.

Дело было в Шарканском районе. Все шло как обычно. Нашли следы лося, обложили квартал леса, где, как мы были уверены, бродит сохатый. Никому из нас и в голову не приходило, что где-то, буквально за нашими спинами, рыщут в поисках добычи кровожадные хищники.

Вроде, все рассчитали, но — увы! — лось не вышел ни на одного из нас. Пытаясь понять, где мы совершили промах, набрали на место кровавой разборки. Даже бывалые охотники остолбенели от ужаса. Охотничий опыт и воображение помогли нам представить, какая драма разыгралась в лесу.

Видимо, взяв след, волчья стая окружила лося. Подходя все ближе к добыче, они сжимали кольцо. Не давая сохатому опомниться, хищники яростно кидались на него, разрывая острыми зубами живую плоть. Лось был крупный, он отчаянно отбивался рогами и копытами, но силы были неравными. Вожак стаи совершил последний прыжок и впился сохатому в глотку. В несколько минут все было кончено. Лесные охотники обглодали тушу, оставив лишь части скелета.

Мы понимали, что таковы законы природы — кто-то кого-то ест. И вроде бы ничего неординарного не произошло, но находясь на месте расправы, мы не могли оставаться спокойными. Волков уже и след простыл, а мы в порыве готовы были броситься в погоню за хищниками, чтобы отомстить: то ли за мучения сохатого, то ли за то, что они лишили нас добычи. Но, поостыв, смирились с тем, что произошло, ведь законы природы жестоки, а человек далеко не так всесилен, как ему иногда кажется. Вот и в невольном соревновании охотников и волков хищники победили, ведь они преследовали лося не ради спортивного азарта, а ради того, чтобы выжить. А нам достались лишь рожки да ножки.

Удачный день

Николай Николаевич Шкляев, кадровый офицер, на охоте пользовался авторитетом меткого стрелка. Не раз случалось так, что его выстрел решал успех охоты. Поэтому Николая Николаевича ставили всегда на самые ответственные номера. На памяти один интересный случай из совместных поездок на лосиную охоту.

Первый загон в этой охоте был неудачным, шофер Михаила Тимофеевича Анатолий то ли промахнулся, то ли ранил лося, и тот ушел. Стемнело, мы сидели в машине, смирившись с тем, что отправляемся домой без трофея. Строили планы на ближайшие выходные, поджидая загонщиков. Вдруг услышали приближающийся лай собаки. Он становился все громче, и вот — уже рядом с машиной. Настроение у нас было не очень бодрым, выходить никто не захотел — решили, что собака лает просто так. Мне же чутье охотника подсказывало: все это неспроста. Стал я уговаривать Шкляева выйти посмотреть. Говорю ему вроде в шутку:

— Там лось, пужно его убить.

Он, конечно, смеется, не верит.

— Сам иди, стреляй своего лося.

Все же после долгих препирательств он уступил, но с недовольным видом. Взял первое попавшееся под руку ружье и вылез из тепла машины в холодную темноту леса. Буквально через какие-то мгновения мы услышали выстрел. Все тут же выскочили из машины.

Так и есть! Красавец-лось убит наповал с первого выстрела. Николай Николаевич чувствовал себя героем.

Собаке тоже перепало похвал: это ведь она, умница, подогнала зверя прямо к машине. Но если бы я не обратил внимания на ее настойчивый лай, лось благополучно ушел бы в лес.

Охота на лосей в Татарстане

Татарстан – край, богатый охотничьими угодьями. Мой друг Амсар Хакимович Фазульзянов несколько раз пытался организовать нам охоту в Татарстане. Но Михаил Тимофеевич не любит выезжать за пределы Удмуртии, если не уверен в хорошей организации охоты, поэтому всегда отказывался. Мне удалось убедить его в том, что если Амсар Хакимович берется за дело, то все будет организовано как надо. Поскольку Калашников доверял мне, то все-таки согласился.

И вот назначено время сбора нашей охотничьей команды. Не было лишь Виктора Михайловича. Так совпало, что это был День милиции – 10 ноября. Чтобы избежать всяческих неожиданностей, руководство МВД предложило сопроводить нашу машину до Киясово, а там передать своим коллегам из Агрыза, которые проводят нас до места охоты к маленькой деревушке Комсомолке. Добрались благополучно.

В деревне встречали начальник управления охотничьего хозяйства Республики Татарстан Александр Федорович Кадаш и его друзья. Разместили нас в охотничьем домике. К угодьям мы ехали на КамАЗе, приспособленном для перевозки пассажиров.

Егерь Мансур и охотинспектор Агрызского района хорошо знали места, и вскоре мы сделали первый загон на лося. Сохатый вышел на Апатолня Перевощикова, который ранил его. К сожалению, все попытки догнать животное в этот и другой день не принесли успеха. Возможности оставаться в Комсомолке дольше у нас не было. И пусть не повезло в охоте, но общение с прекрасными людьми, радушно встретившими нас, хорошо организовавшими охоту, пребывание на природе оставило приятные впечатления.

Михаил Тимофеевич подарил новым друзьям сувениры: свою книгу, открытки, значки. А организаторы охоты очень долго переживали, что мы не смогли увезти из Татарии трофей. В декабре следующего года из Казани от Амсара Хакимовича последовало новое приглашение на охоту в те же места.

Поездка Михаила Тимофеевича была под вопросом: его пригласили в Москву, где отмечалось 300-летие учреждения высшей награды России – ордена Святого апостола Андрея Первозванного. В приглашении, полученном Калашниковым, было указано место за столом под номером один. Но Михаил Тимофеевич не поехал в Москву, и это не признак неуважения к высокой награде, а верность слову, которое дал друзьям, пригласившим его раньше.

В тех местах, где мы были в прошлый раз, за год кое-что изменилось: домик, в котором провели две ночи, сгорел. Встретили нас в Киясово и повезли в деревню Комсомолку. Разместили на добротной даче со всеми удобствами, баней. Уже знакомый нам А.Ф. Кадаш приехал не один, а с сыном Алексеем, учеником 9-го класса, которому хотелось увидеть Михаила Тимофеевича.

На утренней заре, взяв двух собак, под руководством егеря Мансура мы выехали искать удачи в охоте на лося. Охота редко обходится без приключений. В тот день мы потеряли одного из загонщиков, долго его искали, но нашли. Первый день прошел без единого выстрела. А вот во второй пальбы было предостаточно. Как всегда, много мазал беспокойный Толя. Но охота складывалась удачно, и к вечеру мы имели трофей – молодого самца, второй лось ушел раненым. Утром следующего, уже третьего дня – вновь загоны, преследования и меткий выстрел Фарида. Израсходовав все лицензии, мы вернулись в деревню, где отметили успешную охоту. Было много тостов, разговоров. Я пел романсы. Михаил Тимофеевич оставил в этом доме свою фотографию, на которой перечислены имена и фамилии всех участников охоты, а также открытки с изображением его изделий.

Особо запомнилось мне блюдо из печени, которое приготовил Константин – повар из ресторана города Казани. Больше ни разу не довелось пробовать ничего подобного. Эти несколько вечеров мы подолгу засиживались все вместе, беседуя и делясь интересными историями из собственной практики охотников. И если бы мы провели там не две ночи, а больше, все равно не смогли бы рассказать обо всех охотничьих приключениях.

Три дня, проведенные на природе, в движении, в общении с друзьями, оставили самые лучшие воспоминания. Для меня ценность любой охоты – не в трофее. Что может быть лучше общения с природой, когда ты, уже достаточно взрослый человек, можешь активно двигаться, видеть красоту леса, вдыхать пьянящий воздух.

Однако в тот раз мы с Михаилом Тимофеевичем впервые почувствовали свой возраст. На высокий КамАЗ подняться без помощи друзей было трудно. Мы чувствовали, что в нашем календаре все меньше остается листочков для таких поездок, а потому они раз от раза становились ценнее и дороже.

На охоту с сыном Л.И. Брежнева

Удмуртия, являясь крупным поставщиком оружия на мировой рынок, никогда не испытывала недостатка визитов высоких чинов. Частенько навещался сюда для решения разных вопросов по экспорту вооружения заместитель министра внешней торговли СССР Брежнев, сын Леонида Ильича.

Руководители республики и заводов, куда приезжали гости, старались помочь не только в решении производственных проблем, но и организовывали досуг, учитывая интересы и увлечения. Сын Брежнева, как и сам Леонид Ильич, любил охоту. Было решено организовать для него лосиную охоту в одном из пригородных охотничьих хозяйств.

Охота прошла удачно: был убит крупный лось. Думаю, что высокий гость остался доволен и, кроме впечатлений, привез в Москву часть своего трофея и множество интересных фотографий.

Второй раз не промазал

Каждая охота – это приключение, это новые ощущения и впечатления. Особенно, если охотишься на крупного и сильного зверя.

Обычно, когда я шел на номер в охоте на крупного зверя, Михаил Тимофеевич давал мне свой карабин «Медведь». Но в Удмуртии случилась беда: бывший председатель Совета министров случайным выстрелом из карабина убил егеря. У всех охотников нарезное оружие было конфисковано. Разрешили оставить только Калашникову. На охоту мы выезжали, но после на шумевшей истории при очередном выезде он отказался дать мне свой карабин и посоветовал взять с собой гладкоствольную двустволку. Я поехал с Иж-54.

В декабре день недолгий, много загонov не сделаешь, и если выйдет на кого-то лось – не воронь. Лось вышел на меня. Мне была видна только его голова примерно в семидесяти метрах от меня. Я выстрелил. Ни живого, ни мертвого лося нигде не было.

Собравшись вместе, друзья смотрели на меня с явным укором. Охота пропала. Я упрекнул Михаила Тимофеевича: «Вот, не дал карабин, получай результат». Загонщики предложили сделать еще один загон – слепой. Я пошел на свой номер, когда поравнялся с Михаилом Тимофеевичем, он снял с плеча карабин и протянул мне.

– Да что уж теперь, такая удача вряд ли повторится.

В карабине было четыре патрона вместо пяти, но Михаил Тимофеевич сказал, что этого мне хватит. Встал я на делянке на пенек, стал молить Бога, чтобы больше в этот день мне не пришлось увидеть лося: если промажу еще раз – жизни не будет.

Стоял и ждал. Но не сохатого, а скорейшего завершения неудачной охоты. И вдруг, подняв глаза, увидел, как примерно в двухстах метрах передо мной перебегают делянку крупный лось. Чистое место он уже пробежал и мчался по кустарнику.

Не стрелять – значит попадет за ротозейство, стрелять – далеко и темно, все равно не попаду. Стал стрелять. Патроны кончились. А лось, выскочив из кустарника, встал передо мной, словно на картинке. Досада была неописуемой... Как раз пятого патрона и не хватило! Не знаю, как у меня выдержало сердце. Я побежал к Михаилу Тимофеевичу:

– Пристрели меня, я опять промазал!

Он не поверил и предложил пойти посмотреть. По пояс в снегу добрались мы до лосиного следа. Михаил Тимофеевич посмотрел след и уверенно сказал:

– Не промазал.

На медведя

Охотничий опыт у нас с Михаилом Тимофеевичем был уже немалый. И историй про разные приключения в нашем багаже собралось достаточно. Но была у нас, можно сказать, заветная мечта – охота на медведя. От других охотников слышали о ней много. А уж о том, какой медведь умный, а порой хитрый и коварный зверь, написано и рассказано немало. Охота на каждого зверя требует от человека особых знаний и навыков. И это не только острое зрение и меткий выстрел: повадки и привычки зверя, умение предугадать его следующий шаг – вот что важно.

Медведь – зверь особенный, потому что не просто пытается избежать гибели, уйти от человека, а тягается с ним хитростью и умом. Может быть и очень агрессивен, особенно шатун. Как-то один охотник из Кильмезского района Кировской области, побывавший в лапах медведя, показал нам свои раны и рассказал, как было дело. От смерти его спасло только чудо. Раненый шатун огромного роста бродил по лесу и наткнулся на собаку лесника-охотника. Собака бросилась к леснику под ноги, ища защиты и спасения: за ней бежал медведь. Лесник выстрелил, но не убил зверя. Раненый, обезумевший от боли медведь схватил человека и начал трепать. Хорошо, что в пасть разъяренного зверя вначале попал патронташ лесника с патронами. Мы видели патроны, побывавшие в зубах медведя: они были полностью расплюснуты. Тем не менее, человеку досталось: медведь оторвал у лесника ухо, откусил ягодицу, оставил серьезные шрамы на лице и по всему телу. И хотя охотник боролся со зверем изо всех сил, с медведем одному не сладить. Выручило его то, что был он не один. Товарищ шел следом с топором в руках, увидев, как шатун напал на лесника, в первые мгновения растерялся и сбежал. Но, видимо, все-таки сумел преодолеть

страх и вернулся как раз в тот момент, когда лежавший под медведем человек совсем обессилел, истекая кровью. Со всего размаха он ударил топором по голове медведя, который выпустил лесника и перекинулся на товарища. В это время раненый, собрав последние силы, вынул из голенища нож и умело воткнул его медведю между лопаток. Только тут медведь начал медленно оседать.

Совсем терял силы и лесник. Товарищ с трудом дотанцил его до места, где была машина, и раненого доставили в больницу. Находился он там полтора месяца. Вот как раз в день его выписки мы и приехали с Михаилом Тимофеевичем. Что удивительно: лесник стал собираться с нами на медвежью охоту. Его жена и пятеро детей выстроились перед ним, умоляя не ходить больше в лес, не испытывать судьбу. На наших глазах разыгралась настоящая драма, мы были не рады, что встретились с этим лесником. А его жене дали слово, что с собой его не возьмем. Но каково было наше удивление, когда утром, еще раньше нас, он, с молчаливого согласия жены, уже был готов к охоте.

Охота на медведя – дело непростое, требует определенной подготовки. Нам с Михаилом Тимофеевичем счастье на медвежьей охоте улыбнулось в Красногорском районе, куда нас пригласили, сообщив, что на поляну, где посеян овес, стал выходить медведь. Косолапые – известные любители овса, особенно когда он достигает молочной спелости. Поэтому лесники специально засевают поляны, чтобы приманить зверя.

На деревьях мы сделали три лабаза и, приехав с вечера, засели ожидать медведя. Но он на овес не вышел, видимо, почуял что-то. Через неделю поехали снова. А по дороге стали делить шкуру убитого медведя. Михаил Тимофеевич предложил тянуть спички: кто вытянет длинную, тому главный трофей и достанется. Повезло мне, но медведь, шкуру которого поделили охотники, еще бродил по лесу.

Смеркалось, мы сели по своим лабазам. В удачу как-то не верилось, а время шло. Я задремал. И вдруг, открыв глаза, увидел на середине овсяной поляны медведя. Раздумывать было некогда, и все мы начали по нему стрелять. Медведь убежал. Уже почти совсем стемнело, и стало не видно, что делается поодаль. Мы спустились со своих лабазов на землю и решили немного пройти в ту сторону, куда ушел зверь. Но, как оказалось, заходить в чащу не было необходимости: у кромки леса лежал мертвый медведь. Михаил Тимофеевич несколько раз выстрелил вверх, салютуя победу, и в шутку сказал, что об этом событии будет знать вся Россия.

Этой же ночью мы вернулись домой с добычей. Михаил Тимофеевич оставил машину у дома, сообщив Екатерине Викторовне, с каким трофеем прибыл. Она не поверила, попросив не бредить, а быстрее ложиться спать. Утром наша охотничья команда собралась у дома Калашникова. Мы стали решать, где обработать медведя, ведь туша немалая. Я предложил поехать на реку Позимь, и все согласились. Приехали, начали работать. К нам под-

ходили рыбаки, просто любопытные, удивленные нашим трофеем. Конечно, все интересовались, где подстрелили зверя. Мы, шутя, объясняли, что прямо здесь, где стоим, медведь нам и попался.

Шкуру, которая все-таки досталась мне, хорошо выделали, и она долго напоминала о первой удаче в охоте на медведя. Михаилу Тимофеевичу досталась косточка медвежьего... полового члена.

Прошло немного времени, и об охоте напомнило некое анонимное послание, которое пришло в обком партии на имя В.К. Марисова с сообщением о том, что известные в городе люди (и были перечислены наши фамилии) убили медведя прямо в зеленой зоне Ижевска. Марисов попросил дать письменное объяснение. Я сопротивлялся, объясняя, что это была шутка. А об убитом тогда медведе действительно узнал весь мир, как в шутку предрекал Михаил Тимофеевич: один из журналистов описал охоту в газете, повторив нелепый слух, что зверя убили прямо в городской зоне. В.К. Марисов часто попрекал меня этим медведем. Однажды я должен был сопровождать заместителя министра легкой промышленности СССР в поездке по льнозаводам Удмуртии. Напутствуя нас, Марисов рассказал заместителю министра, как Соколов «проштрафился»: убил медведя на охоте. Гость ответил, что он гордился бы своей удачей, если бы удалось убить такого зверя.

Можно сказать, что несмотря на осложнения по поводу нашей охоты, первый успех нас окрылил. Мы мечтали выехать на охоту вновь. Михаил Тимофеевич был занят, а я отправился в тот же район, взяв свое гладкоствольное ружье. В этот раз охота чуть не закончилась для меня трагично: огромный медведь, которого я ранил, бросился на меня. Выручила собственная реакция. Не успев испугаться, я дважды выстрелил в грудь стоящего передо мной на задних лапах оскаленного зверя, готового разорвать меня. После прогремевших выстрелов медведь не упал, а, внезапно повернувшись ко мне спиной, бросился прочь и исчез в лесу. Слышен был только хруст сучьев.

Конечно, я был не один и, обсудив с друзьями обстановку, втроем мы осторожно направились по кровавому следу. Совсем скоро увидели его, сидящего в странной позе. Очевидно, смертельно раненный моими выстрелами, он еще пробежал несколько метров и упал. Но, падая, зацепился за березу и так застыл в позе сидящего.

Вернувшись домой и находясь под впечатлением того, что произошло, я во всех подробностях рассказывал Михаилу Тимофеевичу о состоявшейся охоте. Но он как-то не сразу поверил и даже пошутил: «А ну-ка, снимай штаны, посмотрим, сухо ли там». Все расспрашивал меня о том, как я убил зверя. Возможно, это недоверие объяснялось тем, что я убил крупного зверя из обычного ружья.

Редкая удача

У друга Е. Климченко в Белоруссии. 1980 г.

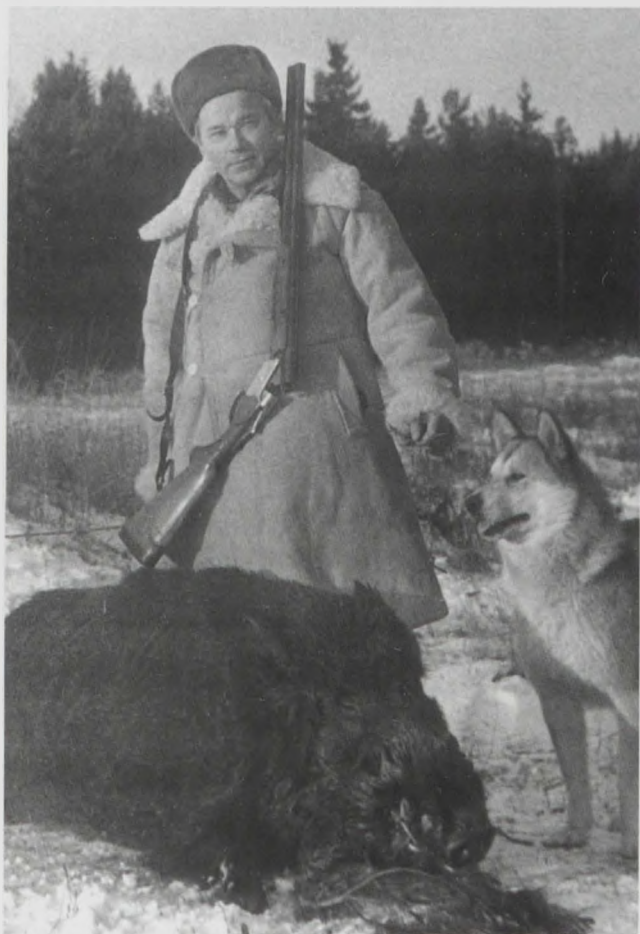
В этот раз ходили на лося с сыном Брежнева. 1977 г.

Охота на кабанов.
Крайний слева Владимир Сергеевич Дейкин

М.Т. Калашников на
острове Саарема. 1980 г.

После удачной охоты. 1998 г.

Трофей один на двоих. Сын В.В. Соколова Владимир (слева) с товарищем

**Хороший пес — залог успешной охоты.
Владимир Соколов с Греем**

**Виктор Михайлович готовится
встать на номер**

Вот это улов! А.И. Сочнев и В.В. Соколов

Раздолье... Возле базы инспекции рыбоохраны. Река Сива, 1996 г.

Душевный разговор

Друзья на любимой базе в Чекерово

Уже позже, когда прошла эйфория от успеха, ко мне пришел страх. Трезво оценив ситуацию, в которой оказался, я понял, что находился на волосок от гибели. Сейчас, вспоминая этот случай, думаю, что хотел бы иметь не шкуру этого грозного медведя, а фотографию, запечатлевшую нас друг против друга. Видимо, Бог мне помог да еще молниеносная реакция опытного охотника. Иначе не быть мне в живых.

И все же азарт охотника сильнее страха. От опасного увлечения я не отказался. Наоборот, один из своих отпусков решил посвятить охоте на медведя в Красногорском районе Удмуртии. Местом охоты избрал деревню Бараны. Остановился у пчеловода Н. Баранова, но компаньонов для охоты мне не нашлось: в деревне было всего дворов десять, мужчин мало.

В день приезда я сходил на овсяное поле убедиться, что косолапые туда навешиваются. Нас было двое. Дело шло к вечеру. Мы сели на лабаз в ожидании. Было еще достаточно светло, когда послышался топот. Это шел своей тропой к овсяному полю взрослый медведь. Очевидно, учуяв наш запах, на поляну он не вышел, а вернулся в лес. Через несколько минут оттуда послышался такой треск, будто кто-то бросал что-то тяжелое. Вполне можно было подумать, что люди работают на лесозаготовке. Как потом выяснилось, я ошибся: медведь, почуяв, что в его владения вторглись чужаки, таким образом выражал свое недовольство. А через некоторое время из леса, всего метров за сто от меня, по вырубке вышел огромный медведь. Помня, что на предыдущей охоте зверь ушел после двух моих выстрелов в упор, на этот раз я из своего ружья стрелять не стал, к тому же понадеялся, что он пойдет в мою сторону, и я выстрелю наверняка. Но медведь прошел по опушке леса и направился в противоположную от нас сторону. Вся эта история меня так раззадорила, что, отпустив водителя с машиной, решил остаться в Баранах.

Километров за пять от того места, в лесу, я нашел поляну, засеянную овсом, на которую тоже навешивался медведь, приготовил там лабаз и стал ходить на засидку. Медведь все не появлялся. Возвращаться домой мне приходилось ночью по лесу, и, разумеется, было страшновато: а вдруг косолапый выследит меня раньше, чем я его, и захочет отомстить? Стал я в деревушке искать напарника, но никто не хотел по почам ходить в лес, да и мужиков там – по пальцам перечесть. Днем же они были заняты своими делами. Один из жителей, которого я уговаривал пойти на охоту, сказал, что неподалеку живет дед Матвей – большой любитель охоты, может, он согласится на мое предложение? Дед Матвей на мое предложение ответил так: «У меня с медведями завязано навсегда». И рассказал, почему пришел к такому решению.

Раньше он был профессионалом-охотником по пушному зверю. Ходил за белкой, куницей. Однажды, когда промышлял куницу, громкий лай его собаки предупредил об опасности. Дед Матвей увидел на дереве медвежонка и выстрелил по нему дробью. Мишка полез еще выше по дереву.

Охотник выстрелил еще раз, и медвежонок упал замертво. Поднял его дед, привязал к поясу и пошел в деревню. Но вскоре понял, что за ним идет матерая медведица. Обнаружив ее, дед Матвей стал стрелять дробью, поскольку пулевых патронов не было. Медведица злилась, рычала, но близко не подходила. Чем чаще звучали выстрелы, тем сильнее она ожесточалась и, наконец, решила расправиться с обидчиком. Огромный зверь шел на человека, и никакие выстрелы уже не могли его остановить. Набросившись на охотника, она прокусила руку, содрала с головы кожу, покусала спину, грудь. За голенищем у деда Матвея был нож, и он пытался им защищаться, но, обливаясь кровью, стал терять силы. Обхватив лапами, медведица увлекла его за собой в лог, и борьба продолжалась. Одним из ударов ножа охотник, видимо, попал медведице в сердце. Та медленно разжала лапы и свалилась замертво. Израненный, дед Матвей с трудом выбрался на дорогу, где его подобрал проезжавший мотоциклист и отвез в сельскую больницу. Охотника поставили на ноги, но с тех пор не решается он тягаться с медведем, к тому же и возраст уже не тот. Так и остался я без напарника, и удача от меня отвернулась. Но может, оно к лучшему.

Расскажу еще одну историю, произошедшую на медвежьей охоте. Поведал ее организатор многих наших охотничьих выездов, прекрасный загонщик Анатолий Кожевников.

«Как-то раз мы с Г. Холмогоровым и В. Заварзиным поехали в Селтинский район охотиться на медведя с лабазов. Сидим на деревьях, вдруг под моим деревом хрустнула сухая ветка. Я спустился, чтобы посмотреть на следы, но ничего не обнаружил. Забрался обратно и увидел неподалеку, в шестидесяти метрах, медведя. Он принюхался и пошел в мою сторону. Вот он уже в тридцати метрах. Я два раза выстрелил, видимо, ранил зверя. Снова зарядил ружье, и тут медведь направился к лесу. Я вначале растерялся, затем пошел за ним. Следы на земле говорили о том, что медведь серьезно ранен, слышно было его тяжелое дыхание примерно в 8–10 метрах от меня. Я предложил сходить к машине за собакой, но В. Заварзин отговорил меня, и мы стали подбираться к медведю. Подошли к нему с двух сторон. Медведь лежал: голова на лапах, уши прижаты. Я собрался сделать последний выстрел, но не успел: зверь выбил ружье из моих рук, сломав его. Мы сцепились друг с другом, он за плечо подтягивал меня к своей пасти, пытаясь вцепиться зубами в лицо. Я отворачивался, но его пасть была так близка – не увернуться. Наклонив голову, хотел поднырнуть под него, и тут он цапнул меня за затылок, порвал кожу на голове и стал драть спину. «Смерть моя пришла», – промелькнула мысль. Но вдруг чувствую – хватка начинает слабеть. Мы упали, я оказался под ним, а в это время В. Заварзин выстрелил, рискуя попасть в меня. Выстрел оказался смертельным для зверя. Весь окровавленный, я выполз из-под медведя, замотал голову снятой с себя рубашкой и пошел к костру, где нас ждали друзья. Они обработали мне раны, а потом занялись и медведем».

Удивительно и необычно то, что через три дня, еще весь забинтованный, с зашитой раной на голове, этот охотник вновь пошел на медведя и вернулся с трофеем. Так что народная мудрость: «Охота пуще неволи» и тут оказалась права. Настоящего охотника не пугают не только неудачи, но и собственные раны.

Удача в охоте на медведя так и не улыбнулась Михаилу Тимофеевичу. Он продолжал мечтать о шкуре этого зверя. Однажды мы с ним ездили на рыбалку километров за 35 от Ижевска на деревенский пруд. Там от мельника мы узнали, что один житель деревни накануне убил медведя, который повадился лакомиться медом на его пасеке. Нас заинтересовал этот случай, и Михаил Тимофеевич решил, что появилась возможность осуществить мечту. Мы поехали к этому пасечнику и попросили продать медвежью шкуру. Хозяин охотно согласился, и М.Т. Калашников тут же с ним рассчитался за покупку. Но на другой день Михаил Тимофеевич сообщил мне, что шкура не годна для выделки, мездра подопрела, а мех лезет. Решили вернуть ее хозяину за ненадобностью.

Приехали в деревню, но хозяина дома не оказалось. Негодный товар вернули жене, а деньги так и остались подарком Михаила Тимофеевича пасечнику. До сих пор Михаил Тимофеевич не приобрел желанного трофея.

Волчья шкура

Еще до знакомства друг с другом и я, и Михаил Тимофеевич увлекались охотой. У каждого из нас были свои охотничьи приключения, забавные и просто интересные случаи. Сдружившись, мы охотились вместе, за редким исключением, когда кто-то был уж слишком занят. Разумеется, у каждого охотника есть определенные охотничьи мечты, которые тот стремится осуществить. Это может быть желание поохотиться на определенного зверя или иметь какие-то охотничьи трофеи: шкуру, чучело и т.д.

Однажды со мной произошла история, связанная с осуществлением охотничьего желания безо всякой охоты. Как-то, придя ко мне в гости, Михаил Тимофеевич был просто сражен от удивления тем, что увидел: на стене висела отлично выделанная волчья шкура. Он знал, что на волков я никогда не охотился. Откуда шкура?

А случилось все так. Мы с Михаилом Тимофеевичем частенько ездили на рыбалку в устье реки Белой. Знакомые местные рыбаки базировались на островке. Там у них был небольшой домик, в котором можно переночевать, укрыться в непогоду от дождя, приготовить себе еду. К этому островку иногда причаливал танкер, перевозивший по Каме нефтепродукты. Капитан танкера Н.А. Тепаев был заядлым охотником и зимой, когда заканчивалась навигация, занимался охотой. Жил он в Башкирии, где

в степях водятся волки. Охотясь на хищников, капитан научился хорошо выделявать шкуры, может быть, для продажи.

Бывая на этом островке, от рыбаков узнал, что к ним иногда приезжает профессор со своим другом – известным конструктором автомата АК. Как и многие, он был наслышан о Калашникове, но никогда его не видел. А тут такой случай! Для него было неожиданностью и то, что Михаил Тимофеевич тоже любитель охоты и рыбалки, а значит, есть о чем поговорить.

Возвращаясь из Уфы, танкер в очередной раз причалил к островку. Так совпало, что в это же время я приехал туда на рыбалку, правда, без своего друга. Рыбаки познакомили нас, и капитан пригласил меня и моего спутника-аспиранта на судно, предложив вместе пообедать. Я приглашение принял и угостил всех водкой «Калашников». А когда увидел в каюте гитару, признался, что люблю и умею петь. На память пришла старинная песня про капитана «Серая юбка». Возможно, песня напомнила ему что-то дорогое. Капитан Тепаев разволновался, куда-то вышел. А вернувшись через некоторое время в каюту, принес красивую, прекрасно выделанную волчью шкуру. Я даже не предполагал, что она предназначалась мне в подарок. Капитан долго уговаривал принять ее. Я чувствовал неловкость оттого, что мне предлагали такой дорогой подарок, отказывался. Но все-таки пришлось взять, чтобы не обидеть человека.

До сих пор с благодарностью вспоминаю капитана Н.А. Тепаева. Мы с Серафимой Павловной частенько любимся красивой шкурой, появление которой так удивило Михаила Тимофеевича.

Охота на кабанов

Михаил Тимофеевич всегда был желанным гостем военных. Где только не довелось ему побывать. Зная, что он – заядлый охотник, военные нередко специально для конструктора организовывали охоту.

На машиностроительный завод довольно часто приезжал начальник спортивной стрелковой базы Михель Паэрде из города Эльва. Он много рассказывал про охоту на кабанов и приглашал в свои края Михаила Тимофеевича и руководителей завода, а остановиться предлагал в гостинице на своей базе.

И как-то мы решили принять его предложение и из Москвы самолетом вылетели в Эстонию. Михель встретил нас в аэропорту города Таллина и на автомобиле отвез на базу в Эльву по дороге через Тарту. На базе нас очень удобно устроили, наш организатор собрал охотничью команду, и мы отправились в лес.

Мне приходилось охотиться на кабанов в Германии, а Михаил Тимофеевич был только наслышан об этом звере и охоте на него. По дороге на

угодья охотники рассказывали нам разные случаи о том, что этот зверь достаточно бесстрашен, чтобы броситься на человека и покалечить клыками. Случалось, что крупный секач убивал охотника. Особенно опасны раненые самцы. И вот со всеми этими знаниями мы приступили к охоте на зверя.

Охотники были с маленькими песиками, обученными на кабана. Нас с Михаилом Тимофеевичем оставили пока на хуторе, где жили старики-крестьяне, а сами решили сначала объехать угодья, чтобы определить, где днюют кабаны, и только после этого расставлять стрелков. Выяснив обстановку, охотники забрали нас и поставили на номера. Михаилу Тимофеевичу определили то место, на которое, вероятнее всего, должен был выйти зверь. Поскольку для Михаила Тимофеевича это была первая охота на кабана, то он сомневался в том, что его действия будут безупречны, и не сразу согласился становиться на такой ответственный пост. Но основное условие этой охоты – стоять очень тихо и не передвигаться – так и не захотел по-настоящему выполнить. Я стоял от него недалеко, а подстраховывал нас от возможных непредвиденных неприятностей егеря.

Началась охота. Собаки подняли кабанов, и один из них, молодой и некрупный, килограммов на шестьдесят, вышел прямо на Калашникова. Мой друг выстрелил, но промахнулся. Эстонец подошел и, убедившись, что Михаил Тимофеевич попал в ветку на дереве, попросил оставаться на месте. Прошло совсем немного времени, и на Михаила Тимофеевича выбежал другой кабан, такой же, как первый. Калашников выстрелил, кабан споткнулся, но убежал. Опять подошел эксперт-охотник, и Михаил Тимофеевич поинтересовался у него, почему споткнулся кабан. Егерь ответил, что обычно такого не бывает, и пошел по следу. Вскоре мы услышали: «Готов!» Михаил Тимофеевич был очень доволен своей удачей. В тот день убили еще двух кабанов. Мы с Михаилом Тимофеевичем привезли домой кабанину, из которой готовится очень вкусный карбонад.

Побывали мы и на окончании охотничьего сезона. Эстонские охотники пригласили отметить этот традиционный праздник, на который они собираются вместе с женами и вспоминают лучшие эпизоды из охотничьей жизни. Делились и мы своими впечатлениями от первой охоты на кабанов. Интересен был рассказ Михаила Тимофеевича о том, как он боялся кабанов, наслушавшись рассказов об их повадках, не мог стоять спокойно на месте, но неожиданно для себя подстрелил одного.

Путь из Эстонии лежал через Москву. Калашников решил угостить своих друзей из министерства обороны кабаниной в ресторане гостиницы «Москва». Пришлось долго уговаривать работников ресторана приготовить блюдо из кабанины. Те объясняли, что не имеют права готовить еду из не проверенных санитарной службой продуктов, но все же их удалось уломать. Повара приготовили кабанину по особому рецепту.

Михаил Тимофеевич побывал в Эстонии еще раз. На острове Сааре-ма охотился на кабанов. Эта охота тоже была удачной.

Позже кабаны появились и в Удмуртии. Они не были завезены, а естественным путем мигрировали в наши края. Вместе с Михаилом Тимофеевичем и порознь мы неоднократно выезжали охотиться на них. Были и удачи, и разочарования. Чаще всего охотитились на кабанов в Граховском районе. Михаил Тимофеевич ездил туда в компании работников республиканского военкомата, а я – по приглашению граховских друзей. Организовывал наши выезды В. Поспелов, бывший офицер, отличный охотник, хорошо знающий местные уголья и повадки зверей.

Как-то раз у нас была запланирована охота. Михаил Тимофеевич по каким-то причинам выехать не мог, и я решил отправиться без него, захватив свой Иж-54. Был В. Поспелов с товарищами, взяли собак. В тот год выпало много снега, а в такое время кабаны кормятся в глухих местах, передвигаются мало. У кабанов ноги короткие, и пробираться им по большому снегу трудно. Поэтому, если они и передвигаются, то чаще всего по проторенным тропам.

При расстановке на номера я оказался как раз на кабаньей тропе. Загонщики поднимали кабанов, я стоял тихо и ждал. Перед этим мне посоветовали зарядить ружье картечью. Так я и сделал. Вскоре недалеко от меня послышались какие-то звуки, похожие на хрюканье. А еще через некоторое время на тропе, не далее чем в 30-35 метрах от меня, я увидел огромного секача. Почувяв человека, он остановился, а я, не раздумывая, выстрелил. Кабан стремглав бросился в сторону, но на снегу остались капли крови, и я понял, что не промахнулся. Стало ясно и другое: для такого великана моя картечь не смертельна. Обсудив с товарищами ситуацию, мы решили преследовать кабана. Дело шло к вечеру, поднялась пурга, а кабан пошел труднопроходимой овражной местностью. Загонщики двигались медленно, и мы решили прекратить преследование. Конечно, я огорчился, что не смог взять секача. Не знаю, какова была дальнейшая судьба этого кабана, но слышал, что еще не раз он преподносил охотникам сюрпризы, удивляя своей находчивостью, выносливостью и опытом. За эти необычные качества его прозвали «профессором». Не всегда охота на кабанов была удачной, но запомнились эти выезды не количеством трофеев, а интересными случаями, неожиданными поворотами.

Охотился на кабана, а поймал полицейского

Эта история произошла со мной много лет назад, в первые годы после войны, когда я еще служил в Германии. Мне был предоставлен отпуск без выезда в СССР. Я решил съездить в Тюрингию – немецкую Швейцарию. Место, куда приехал, называлось Гарц. Это были действительно красивые места и замечательные охотничьи уголья. Когда-то здесь охотилась немецкая знать. На территории угодий стояли специальные вышки, которые по-

звояли наблюдать за животными. После окончания войны немецкому населению не разрешалось иметь оружия, поэтому охотников было мало, в основном русские.

Егерь, который в довоенное время обслуживал эти места, рассказал мне о том, что очень удачной может быть охота на кабанов. В лесном массиве показал ручей, к которому по ночам приходили эти большие любители грязевых ванн на водоной, питались тут.

На охоту я вышел не один, у меня появился знакомец – солдат. С ним мы и сели в засаду по разные стороны ручья. Совсем стемнело, взошла луна. Мы тихо сидели и ждали появления кабанов. Послышался шорох, который приближался ко мне все ближе и ближе. Разумеется, я ждал появления кабана и был готов увидеть его. Приготовился стрелять. Но вдруг в лунном свете совсем близко от себя увидел силуэт человеческой головы в немецкой форменной кепке! Я опешил от неожиданности. Но все-таки опыт военной жизни помог сориентироваться быстро, и я крикнул: «Хенде хох!» Человек, конечно, испугался. Стал умолять не убивать его. Задав ему несколько вопросов, я узнал, что он служит в полиции, а здесь в лесу охотится, как и мы. Немца я отпустил, а винтовку у него забрал.

Таким был неожиданный трофей.

В Дебессы за зайцами

Очень интересными и запоминающимися были выезды в Дебессы. Туда мы ездили не просто охотиться, а встречались с моим давним другом Вениамином Дмитриевичем Шкляевым. Его я знал еще тогда, когда он учился в Ижевском сельскохозяйственном институте. Это был опытный зайчатник, держал гончих собак костромской породы и знал эту охоту в совершенстве. Особенно мне запомнился его кобель Фагот.

После окончания института Вениамин Дмитриевич работал зоотехником, затем долгое время – председателем колхоза. Часто приглашал нас в свои угодья. Это было очень далеко, но мы с Михаилом Тимофеевичем несколько раз приезжали к нему в колхоз за тридевять земель по осенним грязным дорогам, чтобы поучаствовать в охоте на зайца. Не помню случая, когда бы охота была безрезультатной. Но что интересно: в случае удачного попадания заслуга приписывалась Михаилу Тимофеевичу. Если же мы пытались оспорить этот факт, Калашников невозмутимо говорил, что на каждой дробине у него стоит буква «К» и мы можем легко проверить, чей это трофей. Естественно, делать этого никто не собирался, просто все дружно с ним соглашались.

После охоты жена Вениамина Дмитриевича Надя угощала вкусными перепечами. Для нас всегда топили баню. Мы чувствовали себя в этой дружной и гостеприимной семье как дома.

Недобрые воспоминания остались от небесских дорог. Не знаю, может быть, сейчас что-то изменилось, но в те времена «газик» Михаила Тимофеевича покрывался несмываемой небесской грязью до такой степени, что нас останавливали инспекторы ГАИ. В подобных случаях Михаил Тимофеевич никогда не козырял своим именем. Он спокойно показывал необходимые документы. Но однажды нас обыскали: возможно, стражей порядка смутил вид машины, может, не узнали Михаила Тимофеевича, а может, просто решили продемонстрировать рвение в службе.

Гнали, гнали, но...

На зайца мы охотились не только в Дебесском районе. Однажды А.Г. Кирисов, начальник Управления охотничьего хозяйства Удмуртской Республики, пообещал нам организовать хорошую охоту на зайца в хозяйстве Чекерovo. Он пригласил нас с Михаилом Тимофеевичем, а в помощь выделил охотоведа Якшур-Бодьинского района с гончей собакой. В назначенное время все мы встретились в охотничьем хозяйстве. Для заячьей охоты погода была великолепной: мягкий снег, небольшой морозец, безоблачное небо. Одно удовольствие ходить по лесу. Кроме нас на охоту пошел сторож охотничьей базы бодренький старичок Максим Иванович.

Гончая быстро подняла зайца. Мы встали на гон. Но, не сделав и одного круга, собака зайца потеряла, вернулась к хозяину и больше работать не захотела: ходит следом за хозяином, ложится. Вот так не начавшаяся еще по-настоящему охота тут же и закончилась. Было очень досадно, нам хотелось побыть в лесу еще, поохотиться.

Мы решили не падать духом и, отпустив обескураженного охотоведа с собакой, продолжили охоту примитивным способом, как это часто делают начинающие. Один из охотников должен пойти по следу зайца с голосом, то есть, имитируя собачий лай, а остальные подстраиваются под гон. Гнать зайца было поручено Максиму Ивановичу. Поначалу голос его был хорошо слышен, затем затих. Охота не терпит спешки и суеты: минут тридцать мы ждали. Потом, посоветовавшись, решили пойти по следам Максима Ивановича и разобраться, в чем дело. Пройдя некоторое расстояние, обнаружили, что заяц пошел налево, а следы гонщика – направо. Стало ясно, что последний действительно потерял след. Пошли по следам нашего загонщика, и вскоре они привели нас на базу. Там и нашли Максима Ивановича. Важно восседая за столом, он чаевничал. Так бесславно завершилась наша охота. Мы поехали по домам с надеждой на удачу в следующий раз.

Глухарина охота и другие приключения

Приходилось нам охотиться и на глухаря. Эта охота проходила в Красногорском районе. Начальник милиции района был моим знакомым. Звали его Владимиром. Как-то раз по договоренности с ним поехали мы охотиться на глухарей. Сам он, кстати, был заядлым охотником на любую дичь. А его отличную лайку мы брали с собой уже не один год.

Прибыв с Михаилом Тимофеевичем в Красногорское, поселились в комнате для приезжих в райкоме КПСС. Вечером за ужином договорились встретиться в пять утра, Володя должен был прийти со своей лайкой. В условленное время все собрались, но каково было наше удивление, когда вместо лайки мы увидели маленького щенка у Володи на руках. Он объяснил, что матка заболела, а щенка все равно надо приучать к охоте. Нас несколько разочаровал такой поворот событий, но охоту не стали отменять и поехали по дороге на Валамаз, куда утром прилетают глухари. Там на них можно охотиться прямо с машины. Первую птицу подстрелили почти возле Валамаза. В поисках других кружили по лесным дорожкам. Вдруг с земли поднялся большой глухарь. Мы с Михаилом Тимофеевичем оба выстрелили, и кто-то из нас ранил его в крыло. Лететь он уже не мог и, опустившись на землю, стал бегать между деревьями. Стали ловить подранка. И выглядело это так: впереди бежит глухарь, за ним Володя, затем мы с Михаилом Тимофеевичем, а позади всех с лаем – маленький щенок. Со стороны, наверное, это было очень смешно. Долго мы гонялись за раненой птицей. Но вот щенок, обогнав всех, поравнялся с красавцем, вцепился ему в хвост и, придерживав, помог Володе поймать его живым. Это был крупный красавец-самец в нарядном оперении. Посадили мы его в багажник «газика» и поехали.

Неожиданно погода испортилась: небо затянуло, пошел дождь и, видимо, затяжной. Охота закончилась. Володя уговаривал нас возвратиться в Красногорское, а я настоял заехать на охотничью дачу строительного треста. Мы приехали туда и встретились с ижевским начальством: министром внутренних дел И.А. Желновым, председателем КГБ Н.И. Неверовым, первым секретарем Ижевского ГК КПСС М.Е. Зыковым. С ними был егерь и, к нашему удивлению, Володина лайка. Для Володи его министр, несомненно, важнее, и мы не были в обиде. Они тоже вернулись с охоты, но их трофей оказался скромнее наших: один рябчик. А нашим красавцем-глухарем все залюбовались.

Вернувшись в Ижевск, я вышел у дома первым, забрав застреленного глухаря, поскольку живой достался Михаилу Тимофеевичу. Позвонил Екатерине Викторовне, предупредив ее, чтобы встречала мужа с музыкой. Она не очень-то поняла, в чем дело, но потом мне рассказали, что глухарь своей необыкновенной красотой привел в восторг весь женский состав семьи Калашниковых. Птицу посадили в ванную. На следующий день Михаил Ти-

мофеевич позвонил мне, попросив прийти и убить глухаря. Я отказался, поскольку считаю, что охота – это одно, а убивать беззащитное животное – совсем другое. Михаил Тимофеевич меня и не уговаривал. Не знаю, кто и как это сделал, но птицы не стало.

Охотиться на дичь в Красногорское мы ездили довольно часто. Однажды, глубокой осенью, мне рассказали, что там, в истоке пруда, много пролетной утки и хорошо ловится рыба. Поверив в это, я уговорил ехать и друга. Прибыли мы на место к вечеру и решили започевать в стогу сена. К ночи резко похолодало, пошел снег с дождем, усилился ветер. Стало ясно, что до утра в таких условиях не высидеть, тем более уток и следа не было. Решили ехать в Красногорское, в гостиницу. Приезжая в командировки, я иногда вынужден был там ночевать. Она была плохонькая, щитовая, но мы надеялись, что если и не будет очень комфортно, то хотя бы укроемся от дождя и ветра.

Прибыли мы в гостиницу во всей охотничьей амуниции: с ружьями, рюкзаками и попросили устроить на ночь. Видимо, чем-то мы не понравились хозяйке, встретила она нас неприветливо. Узнав, что мы охотники, высокомерно заявила, что «здесь и хорошим-то людям нет мест, а вам тем более». Никакие уговоры не смягчили нрав административной дамы. Тогда я попросил разрешения хотя бы позвонить, потому что перспектива у нас была незавидная: в дождливую осеннюю ночь остаться на улице в чужом поселке. Позвонил я первому секретарю РК КПСС А.М. Арчибасову. Дома его не оказалось, и я позвонил К.И. Алалыкину – председателю райисполкома. Трубку передал Михаилу Тимофеевичу, сказав, что председателя зовут Клавдий Иванович. Калашников взял трубку и отчетливо произнес: «Здравствуйте, Клавдия Ивановна».

Я не мог удержаться – рассмеялся от души. Видимо, он просто не расслышал имени. Взяв трубку, я извинился перед Клавдием Ивановичем и обо всем договорился. Нас поместили в комнату для гостей райкома партии, где мы поужинали с К.И. Алалыкиным и хорошо, в тепле, отоспались.

Таких поездок у нас было много, и Михаил Тимофеевич называл их авантюрами.

Случай на пасеке

Мне часто приходилось принимать гостей со всех концов нашей страны. Вот как-то из Москвы приехал мой друг студенческих лет Л.С. Кириллов, ныне профессор, доктор ветеринарных наук со своим товарищем – преподавателем из МГУ. Надеясь поохотиться, они взяли с собой подружейную легавую. Встал вопрос, куда поехать на боровую дичь. Мне вспомнилась охота на тетеревов за Чутырем. Там были большие вырубki леса,

и весной хорошо токовали тетерева. Неподалеку от этих мест находилась пасека. Решили ехать туда, полагая, что пасечники, как правило, люди доброжелательные и дадут нам пристанище на время охоты.

У местного пастуха поинтересовались дорогой, а он порекомендовал обратиться к сторожу пасеки, который как раз шел из Чутыря на свое рабочее место. Сторожу объяснили, кто мы такие: не воры, не разбойники, а охотники из города, и опасаться нас не надо. Он доехал с нами до места. Выгрузив багаж, машину мы отпустили, наказав, чтобы за нами приехали через три-четыре дня. А на вечерней заре, осматривая местность, убедились, что молодые тетерева выходят по вечерам на кормежку именно в этих местах.

Предвкушая хорошую охоту, мы торопились попасть на угодья. Не перекусив и не распаковав вещи, оставили все на попечение сторожа. Перед уходом дружелюбно посоветовали угощаться всем, что ему понравится в наших рюкзаках.

Сторож, облюбовав некоторые напитки из наших запасов, хорошо ими заправился. Мы не могли и предположить, что этот человек страдает запоями да еще и болен белой горячкой. Опьянев и впад в состояние, близкое к помешательству, он вообразил, что на пасеку напали грабители, от которых нужно защититься, взял ружье и стал ждать воображаемых бандитов.

Мы задержались в делянках до темноты. Ничего не подозревая, вернулись на пасеку. Я шел первым, поднявшись на крыльцо, в темноте нащупывал ручку двери. И совершенно неожиданно увидел, что из приоткрытой двери прямо на меня нацелен ствол ружья. Раздумывать было некогда: моментально схватив за ствол, подтянув его на себя, отвел в сторону. Мы вошли в дом, пьяный сторож стал умолять не убивать его. Осмотрев ружье, я понял, почему не прозвучал выстрел: будучи сильно пьяным, сторож не смог правильно зарядить его. Выстрелив в упор, он, несомненно, сразу бы убил меня. Разговаривать с ним было бесполезно. Осмотрев весь дом, спрятали топор, ножи, ружье, однако на душе все равно не было покоя. Утром мы ушли на поиск выводков тетеревов, вновь оставив сторожа одного. Возвращались очень осторожно, опасаясь, что он может еще что-нибудь натворить. Подходя к пасеке, увидели, что он на корточках, снова очень пьяный, спускается с лестницы. Было ясно, что оставаться здесь небезопасно. Решили сходить в деревню, чтобы позвонить в Чутырь директору совхоза А.И. Баринovu. Директор с инженером приехали на пасеку и очень удивились нашему выбору постоя. Баринov предложил поехать в Чутырь и поселиться в его квартире. Мы так и сделали.

Далее на охоту выходили уже с инженером В. Русских. Возвратившись в Ижевск, долго еще обсуждали драматичность этой поездки. А у меня в памяти на всю жизнь осталась картина: ствол ружья, нацеленный прямо в грудь.

Охота на гусей и тетеревов

Лишь однажды довелось охотиться на гусей. Приехали на место, устроили засаду на кормящуюся в поле гусиную стаю. Вот она поднялась. Над головой Михаила Тимофеевича летел не один гусь, а целая стая. Промahnуться было невозможно, и успех, казалось, был обеспечен, но подвел охотничий азарт. Михаил Тимофеевич решил сбить не одного, а сразу двух и выстрелил между двумя летящими гусями в надежде, что дробь заденет и того и другого. Получилось все как в пословице: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». Гусиная стая пролетела над ним, и все гуси остались целыми и невредимыми. Как потом рассказывал мой друг, ему было видно не только красивое осеннее оперение, но и гусиные лапки во всех подробностях. Птицы умчались в теплые края, а у Михаила Тимофеевича уже больше не было шанса подстрелить гуся. До сих пор он вспоминает ту неудавшуюся охоту и жалеет о своем решении.

Охота на тетеревов была более удачной. По молодым тетеревиным выводкам лучше всего охотиться с легавой собакой (сеттером, пойнтером, спаниелем, драт-хартом). Эта азартная охота волнует кровь не только охотников, но и собак, которые по следу подводят охотника к затаившейся птице и, сделав стойку, дают сигнал хозяину. Но как бы ни был готов к выстрелу охотник, птица все равно взлетит неожиданно. Вот уж переживаний-то бывает, когда она из-под носа упорхнет. Зато как дорог трофей, если охота удачна.

Сын М.Т. Калашникова Виктор давно облюбовал места скопления тетеревиных выводков на вырубках вблизи деревни Патраки. Он не раз охотился там и всегда возвращался с добычей. Решил и Михаил Тимофеевич попытать счастья. Я не мог поехать с ними на охоту и попросил взять моего сына Владимира.

Охота складывалась удачно. Тетерева с шумом поднимались с коромышки, будоража кровь охотников. Виктор Михайлович – меткий стрелок – и в тот раз не промахнулся. С трофеем вернулся с охоты и Михаил Тимофеевич. А мой сын приехал домой не в настроении, на вопросы отвечал неохотно. Скупно рассказал, что все удачные выстрелы Михаил Тимофеевич приписал себе, а ему посоветовал учиться стрелять. Но домой пришел он все-таки не с пустыми руками, а с трофейным тетеревом.

Выстрел мог быть роковым

Подошел к концу очередной охотничий сезон. По традиции завершение его мы отмечали чарочкой в гараже у Михаила Тимофеевича: вспоминали охотничьи достижения, неудачи. В тот год М.Т. Калашников вернулся из какой-то южно-американской страны. Там ему подарили небольшой красивый пистолет. И вот он, видимо, решил его нам показать.

Надо сказать, что Михаил Тимофеевич всегда был осторожен в обращении с любым оружием. Требовал этого и от нас: приучил не садиться в машину с заряженными ружьями, не покидать номера, не совершать слепых выстрелов. Что касалось замечаний Михаила Тимофеевича в отношении оружия, мы всегда принимали их без возражений.

Маленький пистолет пошел по рукам. Кто-то предложил его испытать. На бетонную стену гаража прикрепили лист бумаги – своеобразную мишень. Порывистый и нетерпеливый Толя Перевощиков, не дожидаясь разрешения, выстрелил из пистолета. Пуля от бетонной стены дала рикошет, и я почувствовал, как она прошла по волосам у левого виска.

Стало очень тихо... Все были в шоке. Для меня это было совершенной неожиданностью, но я первый и заговорил. Возможно, речь моя была эмоциональна.

Пистолет Михаил Тимофеевич, конечно, сразу прибрал. А мы решили поскорее забыть этот эпизод. Прошло много времени, но в моей памяти эти воспоминания остались яркими по-прежнему.

Введение к рыбалке

Мы с Михаилом Тимофеевичем не только азартные охотники, но и не менее азартные рыбаки. Порой из таких переделок выбирались, что удивительно, как живы остались. Где мы только ни бывали в поисках рыбацкого счастья! На что только ни пытались поймать рыбку! Ловили на удочку с берега и с лодки, блеснами, спиннингом, ставили переметы, ставные и плавные сети. Чехонь ловили на резинку, щуку – на жерлицы, леща – на кольцо, всякую мелочь зимой – на мормышку. Словом, все перепробовали в поисках рыбацкого удовольствия.

Только рыбаку доступно особенное счастье: любоваться восходом солнца рано утром, видеть пробуждение природы и живого мира, а на исходе дня наблюдать вечернюю зарю, упиваясь тишиной и божественной, неповторимой красотой заката. Вот от легкого ветерка пробегает по воде рябь, чуть колыхнется трава, звенящая тишина окутывает все вокруг... В такой момент душа переполняется ликованием и восторгом, каждую букашку готов любить, как самого близкого человека!

Природа – это стихия. Особенно остро чувствуешь ее на больших реках, в море, когда вздымающаяся волна готова раздавить человека вместе с утлым суденышком. Дух захватывает от сильнейшего ветра и шума, когда не видно берегов, а всюду только вода. Но с каким облегчением, радостью и благодарностью нога вновь ступает на твердь земную.

Может ли представить неискушенный в рыбацком деле человек, сколько волнения и душевного трепета испытываешь в те минуты, когда поплавок вдруг становится словно живым, и ты чувствуешь: вот она, пришла! Но неизмерима огромная обида и досада, когда счастье, бывшее так близко, вдруг покидает тебя и рыбина, кажущаяся самой огромной в твоей жизни, уходит, исчезая в глубине. Только истинный рыбак может оценить то терпение и выдержку, которые так важны для удачного результата у ледовой лунки.

Со всей убежденностью я заявляю: «Ради этого стоит жить!»

Разумеется, далеко не каждая наша рыбная ловля была удачной. А при удачном улове большую часть раздавали друзьям, знакомым. Нас всегда увлекал сам процесс рыбалки да еще уха, которую чаще всего отменно варил Михаил Тимофеевич. Он умел приготовить любую из них – двойную, тройную и т.д. Рецептов у него множество.

Бывало, я брал с собой жену, Серафиму Павловну, и ... перину. Втроем в двухместной палатке было тесно. Михаил Тимофеевич располагался в палатке, а мы с Серафимой Павловной – на перине. Но мой аскетичный друг считал, что это роскошь – брать с собой и жену, и перину. Однажды без обиняков заявил, чтобы я все лишнее оставлял дома. Ну что было делать? Перину на рыбалку мы больше не брали. А Серафима Павловна все-таки время от времени с нами выезжала. Калашников до сих пор посмеивается: «Соколов на все рыбалки ездил с женой и периной». Кстати, ей удача улыбалась даже чаще, чем мне.

Как правило, дорога до места была трудной, почти непроезжей, ведь мы старались забраться как можно дальше. Ездили в те места, где меньше рыбаков, зато много рыбы. Благодаря тому, что у Михаила Тимофеевича был «газик» с цепями на колесах да лебедка, мы забирались в такие дебри, где редко ступала нога человека.

Помню, как на реке Ита, куда мы с другом приехали из совхоза «Суроновский», ничего не поймав, залюбовались красотой цветущего луга. От захватившего нас восторга мы обнялись и расцеловались! Красоту этих мест не забыть никогда.

Рыбалка на Сиве

Удмуртию не зря называют родниковым краем: воды многих рек и озер омывают ее благодатную землю. Река Сива – излюбленное место для рыбалки. На базу инспекции рыбоохраны в устье Сивы мы ездили часто, поскольку там был почлег под крышей, баня, лодка. Но база находилась вблизи от устья реки, где мы обычно рыбачили. Рыбалка с сетями требует не только снастей, но и тяжелых грузов для их фиксации в водоемах. Всегда хотелось подъехать поближе, поскольку тащить на себе всю амуницию от базы было нелегко.

Уровень воды в Каме и ее притоках часто зависит от работы Воткинской ГЭС. Когда производится сброс воды в реку, она стремительно поднимается, затопляя низины побережья. Иногда подъем воды в Каме достигает двух с половиной метров. Однажды мы приехали к устью Сивы, разгрузились на выбранном месте, начали рыбачить. Внезапно пошел сильный сброс воды. Она быстро заливала прибрежную часть, в том числе дорогу, по которой мы приехали. Машина оказалась в воде. Мы бросились к машине, чтобы уехать по уже залитой водой дорожке, но умудрились провалиться в яму. Намучились тогда здорово, но выбрались. Правда, с потерями: Михаил Тимофеевич потерял очки в хорошем футляре.

Часто ездили на берег Сивы и другой дорогой – через поселок Волковский, за 15-17 километров. Дорога была тяжелой, не обходилось без приключений, но все эти тяготы вознаграждались, когда добирались до места. Там мы были полноправными хозяевами берега, и никто нам не мешал.

Но постепенно комната на дебаркадере, где мы ночевали, стала приходить в негодность, пол сгнил, и однажды Михаил Тимофеевич чуть не провалился, вставая с койки. Все требовало финансовых вложений, но их было недостаточно. А это место навсегда останется в нашей памяти только в приятных воспоминаниях. Тут мы пережили радости и огорчения, успехи и неудачи, но из этого и складывается рыбацкое счастье.

Помнится, большие проблемы в этом месте создавал крутой глиняный берег. При небольшом уровне воды или в сухую погоду все было нормально, а вот если шли дожди или ГЭС сбрасывала воду, берег размокал и становился непреодолимым. Забираться наверх приходилось с большим грузом: мешками, мокрыми снастями. Если берег был подмокшим, мы с Михаилом Тимофеевичем складывали свои снасти в мешки и поднимали на себе. Однажды, нагрузив Михаилу Тимофеевичу полный мешок сырых снастей с металлическими грузилами, мы отправили его подниматься в эту гору. Почти до самого верха он добрался благополучно. Оставалось менее метра, как вдруг он поскользнулся на глине и вместе с мешком покатился по крутому берегу вниз. Скорость нарастала, и вот, уже догоняя друг друга, летели с горы человек и мешок – почти до самой воды!

Калашников поднялся весь перемазанный глиной, растерянный и в то же время счастливый оттого, что все закончилось благополучно: руки, ноги целы, голова на месте! Пока он катился вниз, мы, наверное, даже дышать перестали, но зато когда он «домчался до места», мы от души посмеялись, потому что выглядел Михаил Тимофеевич довольно забавно. Потом отмывали его от глины.

Случалось и застревать на бездорожье. Однажды, отрыбачив, мы с Михаилом Тимофеевичем и его сыном ехали домой, был и кой-какой улов. Но, попав в глубокую, залитую водой колею, «сели» на оба моста. Это та ситуация, когда без помощи не обойтись. Осмотревшись, заметили, что в пойме стоит трактор «Беларусь», и обрадовались: помощь будет.

Мы с Виктором подошли к трактору, возле которого спали двое пьяных трактористов. Рядом сидела женщина и ругала, видимо, мужа, который напился в рабочее время. Надеясь на ее содействие, мы начали их будить. Первым отозвался ее муж, и мы стали уговаривать его вытащить нашу машину. Но спяну он махнул на нас рукой, намереваясь спать дальше. Тогда пришлось использовать безотказный запасной вариант: пообещали бутылку водки. Он с радостью согласился, но теперь воспротивилась жена, ругая его и нас. Он обманул ее, сказав, что возьмет деньгами. Вызволив нашу машину, мужичок наотрез отказался от денег и потребовал горячительный напиток. Когда ему вручили водку «Калашников», он поинтересовался, кому помог. Узнав, что вытаскивал самого конструктора М.Т. Калашникова, совсем отрезвел и вернул бутылку со словами: «Я служил в армии с его автоматом, и мне стыдно брать плату». Мы его все-таки уговорили взять водку и выпить с друзьями.

А как-то мы поехали на Сиву втроем: я, Михаил Тимофеевич и Н.И. Неверов. Николаю Ивановичу по должности было положено личное оружие (пистолет), и оно было при нем, однако генерал никогда не спешил доставать его.

Прибыв на свое излюбленное место, обнаружили, что нас опередили. Браконьеры заняли нашу традиционную территорию и раскинули сети. Мы решили попросить их оттуда убраться. В том месте, где браконьеры поставили сеть, Неверов стал забрасывать спиннинг, пытаясь зацепить ее. Сеть поймали. Спрашиваем у мужиков: «Чья?» Сначала они от нее, разумеется, отказались. Мы начали вытаскивать ее в свою лодку. Когда почти всю достали из воды, они заявили: «Хватит валять дурака, оставьте сеть и мотайте отсюда, иначе так вас нагреем, что потом долго будете охлаждаться! Воды-то много!» На эту угрозу Николай Иванович ответил: «Если купаться, то будем вместе, но вы можете и не вынырнуть...» Мужики сообразили, что у нас есть оружие, и спор на этом закончился. Чуть позже к нам подъехал начальник рыбинспекции М. Шишкин. Ему мы передали номера лодок браконьеров, которые предварительно переписали.

Рыбалка с острогой

Однажды Михаил Тимофеевич обнаружил у себя в кладовке старую острогу. Мне никогда не приходилось рыбачить с острогой, а вот Михаил Тимофеевич когда-то этим занимался. Вообще подобный вид рыбной ловли является запретным, но очень интересным.

Когда мы в очередной раз поехали рыбачить на Чекеровский пруд, он прихватил острогу с собой. Для такой рыбалки нужна подготовка. Острогу Михаил Тимофеевич наточил поострее. Приготовили сухого смолья, на лодку положили жестяный лист, на котором будут гореть смолевые дрова.

Острожат обычно поздней осенью, как правило, ночью, когда рыба стоит у берега. Вода должна быть прозрачной. От сжигаемого смолья дно освещается, и рыба хорошо видна. Рыбак, прицелившись, колет ее острогой, и если удачно, то рыба оказывается в лодке.

Зажгли мы смолье, озарив пруд ярким светом костра, и лодка двинулась по воде. Чтобы управлять лодкой, специально взяли напарника. Так провели на воде часа два, но ни одной рыбки не только не закололи, но даже не видели. Самое забавное, что от смолья, которое сильно дымило, наши лица покрылись сажей, и мы стали чернее негров. Глядя друг на друга, смеялись от души. Пожалуй, никогда не было нам так весело.

На обратном пути, уже находясь у берега, услышали, что на базу кто-то приехал. Выглядели мы очень экзотично, поэтому показаться кому-либо нам было неудобно. Приезжим оказался второй секретарь Удмуртского обкома КПСС Е.П. Никитин. И хотя мы были знакомы, решили не выдавать своего присутствия и, умывшись, ушли спать. Больше мы никогда не ездили на рыбалку с острогой.

Рыбаки пропали

Иногда самые благие намерения оборачиваются совершенно непредвиденными обстоятельствами. Расскажу все по порядку. Мы с Михаилом Тимофеевичем не из тех рыбаков, которые в гордом одиночестве любят посидеть с удочкой в уединенном месте. Как правило, мы рыбачили или вдвоем, или ездили семьями, а бывало, что собирались компанией. Однажды на рыбалку нас пригласил начальник инспекции рыбоохраны Бурлаков. Когда-то я принимал его на работу. Он произвел приятное впечатление и мне очень понравился. Тогда у меня не возникло и подозрений в том, что мой коллега «дружен с зеленым змием». Обнаружилось это лишь со временем, когда из-за его пристрастия к зелью мы попали в очень неприятную историю.

Так вот, пригласил Бурлаков нас порыбачить, обещая улов и отдых, на Каму, на базу отдыха завода «Электонд», что ниже Саранула. Собрались

мы с Михаилом Тимофеевичем и Екатериной Викторовной. Погода стояла отличная. На месте уже ждали и сразу по приезде предложили отобедать. Поскольку мы не проголодались, то от обеда отказались. Главного организатора это несколько огорчило, ведь по его распоряжению нам настряпали пельмени, а главное, приготовили обильную выпивку. Когда мы выразили желание заняться рыбалкой, оказалось, что ничего не было готово и Бурлаков просто тянул время. Но по нашему настоянию он все-таки вызвал какого-то рыбака весьма неприглядного вида на плохонькой старой моторке. Тот заявил, что может взять с собой только одного человека. Ладно, решили, что поедет Михаил Тимофеевич, а мы с Екатериной Викторовной останемся на берегу. Вернуться обещали через час-полтора, не дольше.

Ждем час, два, три, пять...

На душе становилось все тревожней, не могли ни есть, ни спать. Прождали на берегу всю ночь, а Михаила Тимофеевича все нет и нет. Екатерина Викторовна в слезах. Я как мог ее успокаивал, но и сам не знал, что думать: лодка-то была плохонькой. А Бурлаков как ни в чем не бывало принял допинг и уснул. Вот и утро, а рыбаков все нет.

Я уже собирался ехать в Сарапул и заявить об исчезновении Михаила Тимофеевича, хотя знал, что попадет за это в первую очередь мне. После полудня, больше чем через сутки, мы услышали рокот моторки, а потом увидели и долгожданных рыбаков. Радости не было предела. Главное, что вернулись живыми, хотя и без единой рыбешки. Михаил Тимофеевич выглядел не лучшим образом: очень уставшим и измученным. Он рассказал, что лодка много раз ломалась – выходил из строя мотор. А ночью во время дождя они укрылись под ней. Разумеется, никакой рыбалки не получилось.

Бурлаков, проспавшись, вновь пригласил нас на «банкет», только на этот раз не в столовую, а на борт подошедшего катера. Какой-то солдат с гитарой пытался развлечь нас песнями, но нам было не до этого. Домой уехали, радуясь, что Михаил Тимофеевич нашелся живым и невредимым.

После этого случая я думал, что ни за что больше не поеду на рыбалку. Но прошла неделя, и мы, позабыв о пережитом волнении, уже снова были готовы в путь.

Хитрая рыба

Щука часто ассоциируется с хитростью. Может быть поэтому для рыбака она – всегда желанный трофей. Конечно, мы с Михаилом Тимофеевичем ловили эту рыбу. Пытались взять ее на спиннинг, на блесну, но не всегда удавалось: срывалась, уходила вместе с блесной, оборвав леску.

Помню два случая, когда крупная щука попадала в сеть – оставалось лишь поднять ее в лодку. Но не так все просто! Щука крупная, сильная

рыба и борется до конца. А дело было так. Однажды на Чекеровском пруду нам с Михаилом Тимофеевичем в сеть попала большая щука. Пытаясь уйти, она таскала сеть по пруду. Подойдя ближе на лодке, мы поняли, что зацепилась она только зубами и жабрами. Как ее взять? Решили поднимать сеть, надеясь, что зацеп хороший и выдержит. Но при подъеме сети щука рванулась и, оторвавшись, ушла.

Второй раз встреча с хитрой рыбиной произошла на Сиве, когда рыбачили с Виктором. Вода из залива почти ушла, и щука оказалась на мелководье. С лодки мы отчетливо видели «большое бревно» – это была она – желанная добыча, зацепившаяся зубами и жабрами за сеть. Помня о прошлой неудаче, мы решили действовать по-другому: взять рыбину за жабры и поднять. Но и на этот раз щука оказалась изворотливее. Не успел Виктор схватить ее за жабры, как она, выгнувшись, рванулась, оторвалась от сети и ушла. Мы пытались окружить ее и загнать обратно, но ничего не получилось. Так, кроме воспоминаний, ничего от щуки не осталось и в этот раз.

Меркасим и другие знакомства

Довольно часто мы с Михаилом Тимофеевичем ездили на рыбалку в Татарию в деревню Рысово к Меркасиму Вахитову. Этот приветливый и гостеприимный человек был профессиональным рыбаком, бакенщиком. Мы всегда останавливались у него дома, а его жена тетя Рая принимала нас очень радушно, заботясь как о родных. Это была маленькая, хрупкая женщина, а воду ей приходилось носить из Ижа. Приезжая к ним, я старался помочь тете Рае натаскать воды для бани или других нужд. За это меня прозвали снохой. В деревне нас уже все знали, и мы чувствовали себя совершенно свободно: как дома. Завели знакомство с разными людьми и даже похаживали к ним в гости.

Видимо, ходили разговоры о том, что знаменитый, но все-таки «закрытый» конструктор Калашников ездит в глухую деревню. Конечно, прослышало об этом и начальство. И вот первый секретарь Агрызского райкома партии, тогда еще районного центра, Нургалий Сафин решил познакомиться с нами. Неподалеку от села Салауши, у реки, стоял домик рыбака Нурия. Вот там и было решено встретиться.

Поскольку Н. Сафин не знал, есть ли у Калашникова охрана, как к нему подступиться, насколько он доступен, то для знакомства собрал представительную компанию. Пригласил В.Н. Задорина, заместителя министра внутренних дел УР, приехал председатель местного колхоза им. Пушкина Гайса Шарифуллин. Все были с женами. Конечно, такой выезд рыбалкой не назовешь, но кроме прекрасно организованного отдыха мы познакомились с замечательными людьми.

К сожалению, не только эти поездки, но и Рысово остались лишь в воспоминаниях. Когда создали Нижнекамское водохранилище, то деревня была затоплена, а большинство жителей переселено в Салауши.

История на пароме

Можно собираться на рыбалку, даже выехать, но это не значит, что она состоится. Порой эти замыслы превращались в какое-нибудь происшествие. Вот об одном из них я хочу рассказать.

До деревни Рысово было 127 километров, если считать от самого дома. Дорога была местами просто ужасной. В распутицу некоторые отрезки пути представляли собой море грязи, да еще предстояла переправа через реку Иж. Но, несмотря на все дорожные трудности, нам нравилось бывать в этих местах. В тот раз мы выехали вдвоем: я, Серафима Павловна и водитель машины. Берега у Ижа разные: пологий и крутой. Нам предстояло перебираться на крутой. Паром находился на месте, но не было ни одного паромщика. Все справляли Сабантуй. На паром мы въехали, переправились через Иж, но без помощи паромщиков не обойтись: нужны специальные сходни, чтобы машина поднялась на крутой берег. Стали ждать оказии.

Вскоре у парома оказалась компания человек из пяти, а самое главное, на тракторе «Беларусь» подъехал молодой парень встречать эту компанию и везти в село. Разумеется, такое количество людей не могло поместиться в трактор, и я предложил трактористу, чтобы он вытащил нашу машину, а я отвезу его гостей. Водитель «Беларуси», молодой парень, был под хмельком. На мое предложение – вытащить машину наверх – откликнулся охотно и стал разворачивать трактор. Но, видимо, что-то не рассчитал, и трактор полетел вниз с крутого берега прямо на паром... Какое счастье, что никто не пострадал! Тракторист выбрался из воды живым и здоровым, и мы отделались лишь испугом. А трактор оказался в воде между берегом и паромом, который теперь еще и заклинило.

Люди ушли, обругав и обвинив нас во всем происшедшем. А мы остались ждать. Наступила ночь. Вдруг послышался звук работающего двигателя. Это подошел гусеничный трактор, чтобы вытащить «Беларусь». Но его силенок не хватило. Мы вновь остались одни. Вскоре подъехали уже два трактора, более мощных, которым удалось поднять из воды затонувшую машину.

Я обратился к трактористам с просьбой помочь и нам, но они отказывались до тех пор, пока я не предложил расплатиться водкой. Нашу машину вытянули наверх и мы, наконец, могли добраться до цели путешествия.

Незнакомая дорога

Как правило, к Меркасиму ездили на «уазике», учитывая плохие дороги. А вот однажды Михаил Тимофеевич решил поехать на «Волге». С нами была Екатерина Викторовна. Возможно, это сыграло роль в выборе машины, потому что самочувствие ее было не лучшим, да и подвернулся попутчик с вездеходом — чех Еленок, который заверил, что вытащит из любой ямы. Нас это устраивало, и мы отправились в путь в сопровождении вездехода. Еленок предложил нам другую дорогу, не ту, по которой ездили обычно. Так, вверив судьбу «Сусанину», мы тронулись в путь.

Вначале Еленок был верен своему слову и всякий раз, когда машина «садилась», цеплял нас к вездеходу и вытягивал из очередной лужи. То ли «садились» мы слишком часто, то ли это занятие ему надоело, но, выдернув нас в очередной раз, «Сусанин», ни слова не сказав, просто уехал вперед и скрылся из виду. Мы даже не успели удивиться.

Путь лежал по незнакомой дороге, а вскоре машина капитально увязла в очередной луже. Время шло к вечеру, смеркалось. Мы не знали, где находимся. Сколько еще ехать? Куда обращаться за помощью? Но было ясно, что без нее выбраться не удастся. Настроились провести ночь в машине, засевшей в грязи «по уши». Но вдруг в ночной темноте показался «москвич», который ехал в том же направлении. Машина остановилась, из нее вышли молодые люди навеселе. Они откликнулись на нашу просьбу и помогли выбраться из лужи. А потом сами предложили ехать за ними, гарантируя, что больше «сидеть» не будем. Дорога, по которой они нас вели, шла узкими лесными тропами, машина едва проходила, но нам оставалось только покорно следовать за «москвичом». Уже за полночь мы подъехали к какой-то деревушке и остановились у избы. Молодые люди предложили зайти к ним в гости. Учитывая поздний час, мы не стали беспокоить гостеприимных хозяев. Расспросив, как доехать до деревни Рысово, продолжили свой путь.

На Вятке

Бывая в Рысово, рыбачили, как правило, на Каме. Но однажды решили изменить традицию и заехать на Вятку: слышали, что там рыбалка лучше. В Малой Пурге повернули не на Агрыз, а на Можгу. Можно сказать, что о дороге знали только то, что нужно добраться до деревни Крымская Слудка.

В Можге, на заправке, у нас произошел неприятный случай. «Пистолет» заправочного автомата находился в баке машины. Неожиданно из бака на землю потек бензин. Я выхватил «пистолет» и как из брандспойта

облил бензином Михаила Тимофеевича с головы до ног. Он не испугался, а спокойно пошутил: «Чиркай спичку».

Доехав до Крымской Слудки, мы остановились у колхозной конторы, и я пошел узнать, где можно рыбачить. В конторе застал председателя, и тот, узнав, что я с конструктором Калашниковым, очень удивился: сам Калашников – и без охраны! А по поводу места для рыбной ловли рассказал, что километра за три от дороги на берегу есть пасека, и посоветовал нам ехать туда, пообещав, что сам подъедет позже.

Мы нашли указанное место и стали ждать. Вскоре подъехал председатель с двумя рыбаками и снастями. Все вместе мы перекусили, и они пригласили одного из нас в лодку. Михаил Тимофеевич отправился с ними, а через пару часов рыбаки вернулись с хорошим уловом. Приготовили чудесную уху, у костра было много разговоров. Нам понравились эти люди, серьезные и доброжелательные.

Мы остались там еще на день, но рыбачили на озерах, правда, немного. Видимо, председатель колхоза сообщил о нашем приезде в райком партии, и к нам в полном составе прибыло все бюро во главе с первым секретарем. Так рыбалка плавно перетекла во встречу с официальными лицами, но, как сейчас говорят, без галстука.

Настоящей рыбалки, в прямом смысле этого слова, на Вятке не получилось, зато остались приятные впечатления от общения с хорошими людьми. Домой приехали поздно. На утро я узнал от Михаила Тимофеевича, что знакомство с рыбаками из Крымской Слудки на этом не закончилось. Только он лег спать, как раздался телефонный звонок. Рыбаки из Крымской Слудки сообщали, что они попались инспекторам рыбоохраны Кировской области и у них отобрали снасти и лодки. Чтобы как-то выкрутиться, сказали, что ловили рыбу для конструктора Калашникова. Естественно, Михаилу Тимофеевичу это очень не понравилось, и он заметил: «Почему не сослались на Брежнева?» Я все же попросил его выручить рыбаков. Неохотно, но он согласился и позвонил первому секретарю Кировского обкома партии. Тот его просьбу удовлетворил, но больше Михаил Тимофеевич в Крымскую Слудку рыбачить не ездил.

А через некоторое время до меня дошли слухи, что Михаила Тимофеевича на всех рыбалках сопровождает охрана: полковник небольшого роста все время с ним рядом. Я понял, что это меня приняли за работника КГБ. Не верится людям, что такой человек, как Калашников, может свободно разъезжать по лесным дорогам без всякого прикрытия.

Нас приняли за браконьеров

Дача Михаила Тимофеевича стоит на берегу пруда. Отдыхая там, обычно мы рыбачили на удочку с лодки или с берега. Улов небольшой, но на уху хватало. А самое главное – удовольствие от процесса рыбалки, спокойной беседы.

Как-то я приехал с друзьями к Михаилу Тимофеевичу на дачу попробовать поставить на ночь сеть в пруду. У меня было разрешение «Камуралрыбвода» на ловлю рыбы сетями, поскольку я регулярно проводил с аспирантами ихтиологические исследования в водоемах Удмуртии. Здесь мы ни разу не ловили рыбу сетью, но от сторожа участка, где расположена дача Калашникова, слышали о хорошем улове. Сторож не раз браконьерил. Когда мы ставили сеть в Ижевском пруду, он подошел к нам и начал давать советы с учетом своего опыта. Снасти мы поставили, и один из друзей остался в лодке возле сети на всю ночь из опасений, что ее могут украсть.

Рано утром к лодке подъехал инспектор с двумя милиционерами и у нашего приятеля, почевавшего в лодке, потребовал документы на право рыбачить запрещенной снастью. Как раз в это время я вышел из дачного домика и отправился к берегу, с которого была видна наша лодка. Поняв, что нас проверяют, я вернулся за документами, которые затем и показал инспектору. Претензий к нам не было, да и рыбы в сеть в тот раз почти не попало.

А через несколько дней в инспекции рыбоохраны мне рассказали, что эта проверка не была случайной: тот самый сторож навел на нас инспектора. Очевидно, он думал, что гости Михаила Тимофеевича – браконьеры.

Чуть не утонули

Зная пристрастие Михаила Тимофеевича к охоте и рыбалке, ему часто дарили вещи для этих занятий. Так, однажды пограничники подарили конструктору резиновую лодку. Она удобно управлялась на воде и была легкой: ее без усилий можно было переносить с места на место. По неосторожности мы прокололи ее сучком дерева. Лодку было жаль, и Михаил Тимофеевич решил заняться ремонтом. Однако заплатка при вулканизации не приставала к ее особому материалу. Последовав чьему-то совету, Михаил Тимофеевич все-таки заклеил дырку. На очередную рыбалку мы взяли лодку с собой.

Сначала все шло хорошо. Уже поставили снасти и направились к берегу. Внезапно лодка стала издавать звуки, похожие на выхлопы. Я сообразил, что заплатка оторвалась, и крикнул другу: «Заткни дырку пальцем!» Михаил Тимофеевич с большой расторопностью отыскал дыр-

ку и сунул в нее палец. К сожалению, лодка была однокамерной, да и палец не заменит заплаты, воздух все равно выходил. Когда в лодке почти не оставалось воздуха, до берега было метров пятнадцать. Еще немного, и прохладная ванна обеспечена. Все бы пичего, если не учитывать одно обстоятельство – Михаил Тимофеевич не умеет плавать. Думая об этом с ужасом, я не был уверен, что смогу его спасти. Значит, оба пойдем ко дну, решил я. Положение осложнялось еще тем, что в это время Воткинская ГЭС делала сброс воды, открыв шлюзы, и течение было очень сильным.

Можно сказать, что мы чудом дотянули до мелководья. Осмотрев на берегу лодку, поняли, что беда на самом деле была рядом. Оторвись заплата на расстоянии больше пятнадцати метров от берега, могли бы и не добраться до суши.

Купание в луже

Чекеровский пруд не раз уже звучал в моих рассказах. Это – наше излюбленное место рыбалки. Нравилось нам рыбачить и на истоке реки Иж. Красота природы там неопишима! Да и результаты выездов были хорошими. А на базе Управления охотничьего хозяйства Удмуртии можно остановиться на ночевку, а иногда и попариться в баньке. Словом, нас туда манило. И хотя дорога часто бывала тернистой, мы ездили на эту базу.

Однажды, уже отрыбачив, мы с Михаилом Тимофеевичем поехали домой. На пути оказалась разлившаяся от дождей глубокая канава. Мы попытались преодолеть водную преграду с ходу, но не получилось. Сели так глубоко, что машину наполовину залило водой. Стало ясно: в одежде делать тут нечего, нужно раздеться и, в чем мать родила, спускаться в канаву. Занятие не из приятных, если учесть, что вода была не из разряда «Кристалльной» и теплой ее не назовешь. Что только мы не предпринимали, чтобы выбраться, но все впустую. Намучились! Решили поставить машину на скорость и крутить рукоятку. Буквально сантиметр за сантиметром машина стала выползать из канавы. Хорошо, что мы кое-как, но выбрались, ведь помощи ждать неоткуда: на базе транспорта никакого, а до ближайшей деревни далеко.

Вспоминаю и последнюю поездку в эти места. Нас с Калашниковым пригласил Василий Прокопьевич Булатов отметить его успешную защиту дипломной работы. С нами были профессора А.И. Ерохин, А.Н. Ульянов. Места эти просто замечательные. А в то время там была еще достопримечательность: маленькие лосята. Работник базы выкармливал осиротевших детенышей.

На обратном пути мы заехали на дачу Михаила Тимофеевича, строительство которой завершалось.

Лодку унесло

Иногда, вспоминая наши выезды, я сам удивляюсь тому, что мы возвращались живыми и здоровыми. Ведь иногда случались просто драматические истории.

С Николаем Ивановичем Неверовым и Виктором Калашниковым мы ездили на Каму под Воткинскую ГЭС. Поставили сеть в протоке, выходящей в Каму. Николай Иванович, причалив к берегу, не зафиксировал резиновую лодку. Не потрудился ни привязать, ни поднять ее на берег. Такая небрежность могла закончиться чем угодно. А время было – начало мая. Для моржевания хорошая пора.

Лодку смыло и стремительно понесло из протоки в Каму. Когда мы опомнились, ее отнесло уже далеко, а другого транспорта у нас не было. До ближайшего населенного пункта пятнадцать километров. Брести в деревню по лесам и болотам – удовольствие для экстремалов. Устраивать погоню вплавь – вода холодная. Что делать?!

На наше счастье, лодка при выходе из протоки в Каму зацепилась за торчащую из воды корягу. Но чтобы вернуть наше суденышко на берег с середины протоки, нужно было туда доплыть, но на чем? Затеяник всего происшедшего, генерал Неверов, категорически отказался доставить ее вплавь: «Хоть убейте, не могу». Самым молодым среди нас был Виктор Калашников. Но и он не решался плыть в студеной воде.

Что интересно, в какие бы сложные ситуации мы ни попадали, никогда не опускали руки – всегда искали выход. И на этот раз пытались что-то придумать. Николай Иванович достал спальный надувной матрас. Накачали его, наложив сверху веток, вместо весел вырубил палки и на таком ненадежном плотике отправили Виктора Михайловича за лодкой. Матрас заливало, но Виктор, находясь в холодной воде, добрался все-таки до лодки, перелез в нее, отцепил от коряги и благополучно вернулся на берег. За храбрость и для профилактики простуды налили ему водки, растерли всего, одели в сухое. Так благополучно завершилась эта история.

Рыбалка на Белой

На реке Белой мы рыбачили не раз. Нам нравились эти места. В тот год наш сын Владимир, учась на экономическом факультете УдГУ, был направлен на практику в совхоз «Каракулинский». Мы с Серафимой Павловной поехали его навестить. Зная, что совхоз расположен на берегу Камы, взяли с собой удочки. Директора совхоза я помнил еще с тех пор, когда он был студентом. Узнав, что я приехал к сыну, он сказал, что может организовать нам рыбалку более интересную – неводом, поскольку у него есть рыболовецкая бригада. Предложение было заманчивым, и я тут же позвонил

в Ижевск Михаилу Тимофеевичу. Как раз в те дни у него в гостил Владимир Сергеевич Дейкин из Москвы, и мое предложение приняли.

Все было организовано, и бригада рыбаков на двух моторках «понесла» нас вниз по Каме в устье Белой. Погода стояла прекрасная, мы любовались природой, красотами Камы. Вскоре лодки причалили к берегу, рыбаки развернули и забросили невод. Затем, обогнув плес, стали его тянуть. Мы дружно помогали. Первый улов был очень хорошим, попала стерлядь. Азарт сделал свое дело, и мы забросили невод второй раз. Снова – удача! Больше не ловили, а поехали к месту стоянки. Там уже был накрыт стол. Ко времени и месту пришлось стерляжья уха.

Утром Михаил Тимофеевич уехал домой, так как ему нужно было на работу, а мы остались. Уже днем к нам неожиданно прибился мальчонка лет девяти: то ли сирота, то ли бомжонок. Он бродил среди рыбаков, ел что дадут и на вопросы о том, чей он и откуда, давал какие-то расплывчатые ответы. Одет ребенок был плохо, а надвигалась осень. Да, видимо, и голодал постоянно. Серафиме Павловне стало жаль его, и мы решили отвезти его к родителям. Мальчишка называл то одну, то другую деревню, в которой якобы жил. Стало ясно, что без помощи милиции не обойтись. В Сарапуле подъехали к отделению милиции. Пока я ходил поговорить, мальчонка из машины сбежал, а Серафима Павловна обнаружила, что вместе с ним «сбежал» и ее кошелек. Очевидно, видя нашу заботу, он решил, что имеет право конфисковать у нас некоторую сумму. Мы поняли, что деньги для него – это более существенная и необходимая помощь, чем опека милиционеров. Променять свободу на детприемник мальчишка не захотел.

Попали в засаду

Как-то раз директор совхоза «Воткинский» А.А. Поварницын пригласил нас на берег Камы порыбачить и отдохнуть на новой даче. Мы приняли приглашение. Приехав туда, застали только сторожа. Он был во хмелю и при знакомстве рассказал, что работает здесь недавно, вернувшись из мест заключения. На вопрос «за что сидел» ответил, что за убийство. Ясно, что подобные сведения нас несколько насторожили. Но что было делать? Не возвращаться же обратно. Оставив вещи, поехали в залив ставить свои снасти. Стемнело. Мы были еще на реке. Вдруг тихая сумеречная темнота озарилась огненным факелом. Это горела дача. Раздумывать было некогда. Быстро причалив к берегу, побежали к дому. Пламя охватило только небольшую часть веранды. Мы вбежали внутрь: горел разлитый на полу бензин, валялась пустая трехлитровая банка. Огонь тушили попавшими под руки тряпками, какими-то мешками, плащом. Когда с бедой справились, решили осмотреть дачу. Пьяный сторож спокойно спал в доме. Было совершенно очевидно, что дом кто-то поджег. Все это

беспокоило нас, и мы решили пойти на соседнюю дачу Воткинского машиностроительного завода, чтобы оттуда сообщить о случившемся. Но только вышли из-за ограды, как раздался выстрел из ружья. Дробь застучала по крыше. Мы вернулись в дом и кое-как переждали до утра, чтобы на рассвете уехать восвояси.

Утром я позвонил директору, сообщив о ночном происшествии, попросил разобраться и заявить в милицию. Уже много позже мне стал известен весь сюжет этой истории от начала до конца. А.А. Поварницын рассказал, что раньше на даче сторожем работал другой человек. Из-за пьянства у него было много нареканий, и его решили заменить другим человеком. Уволенный сторож был недоволен таким поворотом событий и задумал отомстить директору. О том, что приехал именитый гость, он, конечно, не знал, когда задумал осуществить план поджога. Разлил на веранде банку бензина, поджег, а сам сел в засаду с ружьем на тот случай, если сторож пойдет звонить о пожаре. Не знаю, чем эта история закончилась, но мы туда больше никогда не ездили.

Серафима Павловна в ледяной воде

Интересна зимняя подледная рыбалка. Чуть ниже ГЭС есть довольно большой залив. Любители подледного лова, приезжая из Ижевска, Воткинска, Чайковского, устраивают ловлю именно здесь. В выходные дни на заливе бывает не одна сотня рыбаков. Мы с М.Т. Калашниковым рыбачили зимой на пруду и на Каме. Один из таких выездов под Воткинскую ГЭС чуть не закончился самой настоящей трагедией. Михаил Тимофеевич в тот раз с нами не ездил.

Со мной были моя жена и сын Владимир. Рыбалка в этом заливе представляла некоторую опасность. При спуске воды льдина, на которой находились сотни людей, всегда отрывалась от берега. В таком случае следовало, не мешкая ни минуты, покидать лед. Рыбаки клали дощатые сходы, которые удерживали ломаный лед, по ним и бежали на берег. Льдину из залива уносило течением в Каму, и для замешкавшихся такая рыбалка заканчивалась трагедией.

И вот возникла та самая ситуация, когда надо как можно быстрее мчаться к берегу. Вода прибывала очень быстро, затрещал лед. Мы побежали. Беда случилась, когда на сходящих Серафима Павловна поскользнулась и очутилась в воде между берегом и льдиной, где плавали куски льда. Одета она была в меховую доху, валенки с галошами. Сотни рыбаков стояли и смотрели, как женщина тонула в ледяной воде. Спасти ее в этой ситуации было практически невозможно. Кто-то стал бросать палки, сын бегал по берегу со словами: «Мама, не утони!» Я был в отчаянии.

И все-таки ей удалось спастись. Распустившаяся доха, очевидно, не дала попасть между льдинами. Какой-то рыбак бросил веревку, ухватившись за которую, она выбралась на берег. Одежда тут же взялась колом – обледенела. Все спешили на помощь: кто-то нес сухую одежду, кто-то подавал стакан водки с закуской. В машине она переделась в сухое, и мы поспешили домой. К счастью, Серафима Павловна даже не заболела, но больше на подледную рыбалку никогда со мной не ездила, сказав, что только с Михаилом Тимофеевичем рыбалка проходит удачно.

Браконьер повел меня на расстрел

Работая в УдГУ, я проводил ихтиологические исследования в реке Каме и ее придаточных водоемах. На базе инспекции рыбоохраны в устье реки Сивы была оборудована метеоплощадка, а на дебаркадере создана небольшая лаборатория по береговой обработке результатов исследований камской рыбы. Со временем госуниверситет построил рядом с базой инспекции свою биологическую базу. Здесь студенты проходили учебную производственную практику, а студенты-дипломники ежегодно выполняли исследования по ихтиологической и рыбоводной тематике под моим руководством. Как руководителю научных исследований мне приходилось часто бывать на базе. Работа, которую мы проводили, была одобрена бассейновым управлением «Камуралрыбвод» и отвечала интересам инспекции рыбоохраны Удмуртии. А сотрудники инспекции помогали студентам, проходившим производственную практику.

В летнее время сюда со мной приезжал и Михаил Тимофеевич. Мы не столько рыбачили, сколько наслаждались отдыхом на природе, тишиной и покоем. В тот раз на базе проводились обычные исследования. Со мной было трое студентов. Ничто не предвещало неприятностей, пока к берегу не причалила чужая лодка. Из нее вышли двое с электроудочками, а в лодке мы заметили пойманную рыбу. Незнакомцы явно браконьерили. А надо сказать, что все студенты, которые приезжали со мной на практику, были оформлены еще и как общественные инспектора рыбоохраны.

Увидев браконьеров с запрещенным орудием лова – электроудочками, – студенты решили их задержать и составить протокол. Тут подключился сторож биологической базы. Оказывается, это он пригласил своих приятелей на рыбалку. Поняв, что его друзей собираются задержать, он страшно рассердился. Стал угрожать оружием, сообщив, что у него есть калашников. Я отвечал за жизнь моих студентов и, разумеется, больше всего испугался за них.

– Ну что ж, – говорю, – расстреливай, но начни с меня. Ребята еще слишком молоды, пусть поживут.

– Ладно, – говорит он, – начну с тебя. Пошли.

И повел меня на свою территорию, чтобы привести приговор в исполнение. Он вел меня по тропинке через кусты. Шли молча. И вдруг на встречу – женщина с ребенком лет пяти-шести. Оказалось, это была жена сторожа.

– Куда ты ведешь этого человека? – спросила она мужа.

– Буду его кончать, – мрачно ответил мой конвоир.

Женщина испугалась и взмолилась не делать этого. Я стоял и слушал их пререкания. Ребенок громко плакал, жена сторожа тоже разрыдалась. Так продолжалось несколько минут. Чувствуя, что под влиянием уговоров сторож готов смягчить свой приговор, я осторожно спрашиваю его:

– Ну что, куда мне идти?

Мужик в ответ послал меня куда подальше. Я вернулся к студентам. В это время к базе причалил катер, на котором прибыл начальник инспекции М.Н. Шишкин. Мы ему все рассказали, показали электроудочки и пойманную на них рыбу. Был оформлен протокол. М.Н. Шишкин, почувствовав, что оставлять на базе ни браконьеров, ни сторожа нельзя, сам увез их в Ижевск той же ночью.

Шторм на Каме

Рыбачить приходилось и на реках и на морях (Черном, Балтийском). Повидал всякого. Но когда случилась эта история, то понял, что так страшно не было еще никогда. А начиналось все хорошо. Приехали мы к своим рыбакам в Усть-Бельск. Нам они предложили выбрать на берегу лодку и самим плыть на остров, где у них стоит избушка. К вечеру рыбаки обещали присоединиться к нашей компании. Лодку мы выбрали и отправились на остров, который находился километрах в пяти-шести, если добираться по Каме.

Видимо, по неопытности лодку взяли не самую лучшую: с пробойной в корпусе. Пробита была только наружная обшивка, она не давала течи внутрь, поэтому неладное заподозрили не сразу. До острова добрались благополучно. Но вода делала свое дело. Постепенно через пробойну она заполнила пространство между внутренней и внешней обшивкой, суденышко стало тяжелым и тихходным. В хорошую погоду это было бы не так страшно. Но погода резко ухудшилась, подул сильный ветер, поднялись волны, пошел дождь. Стало ясно, что это надолго и рыбаки к нам добраться не смогут. Оставалось пережить ненастье на острове. А погода становилась все хуже. Невозможно было выйти из избы, ветер сбивал с ног, и так всю ночь. Надеялись, что к утру ураган стихнет и мы вернемся домой. Но ненастье не утихало. Пошли вторые сутки нашего пребывания на острове, продукты и питьевая вода закончились.

На «большой земле» о нас не забыли. Бригадир рыбаков Валерий Старостин всерьез беспокоился, когда мы не вернулись с острова. Он решил отправиться к нам на своей моторной лодке. Кто бывал на Каме или на Белой в шторм, тот знает, какие там поднимаются волны и как не просто управлять лодкой в такую непогоду. Сколько рыбаков, даже бывалых, погибло в подобных ситуациях!

Валерий не знал, что на острове нас держала не только плохая погода, но и неисправный транспорт. Прибыв к нам и оценив обстановку, принял решение: привязать к борту его моторки наше дырявое суденышко и так идти к берегу. В нашу лодку погрузили мотор, все вещи и посадили одного человека. Остальные разместились в моторке.

От острова отошли с трудом. Ветром нас относило к берегу. Кое-как выбрались на реку Белую, широкую и полноводную. Волна была очень высокой, обе лодки заливало. Приходилось постоянно вычерпывать воду из той и другой. Вышли с Белой на Каму. Волны буквально захлестывали нас, лодку бросало из стороны в сторону. Даже опытный моторист Валерий, до этого все время подбадривающий нас, замолк под напором стихии. К тому же стало очевидно, что прицепная посудина своей тяжестью может перевернуть моторку. Решили так: только почувствуем, что неисправная лодка вот-вот нас опрокинет, тут же перерезаем веревку, иначе окажемся в воде и погибнем. Помощи ждать неоткуда. А у меня в уме в эти напряженные моменты назойливо звучали слова из популярной песни: «...В такую шальную погоду нельзя доверяться волнам».

Из этой серьезной переделки мы выбрались благодаря мастерству Валерия, у которого был огромный опыт управления моторкой, и, конечно, слаженной работе всех нас.

Добравшись до заветного берега живыми, мы дружно выпили «за успех в безнадежном деле!»

Содержание

5	Предисловие
7	Об авторе
	Он – просто мой друг
13	У истоков
15	Первые шаги
19	Обыкновенный человек
23	Екатерина Викторовна
28	Дети
39	Файруза Узбековна Бурганова
40	Первая встреча
41	Команда молодости нашей
	Путь к успеху – это труд
55	Талант, сильный духом
58	«Просто и надежно...»
60	Автомат Г.Н. Никонова «Абакан»
61	Охотничье оружие
62	Мастера-оружейники
65	Родная стихия
	Не только оружие
67	Депутаты Верховного Совета
70	Книги конструктора
71	Научные звания
	Испытание славой
75	Стал известным – держись
81	Кистью художника и глазами режиссера
82	Десант с Британских островов
85	Темная сторона журналистики
87	На что живет Калашников
	Признание
91	Бюст на родине героя
99	Орден Святого апостола Андрея Первозванного
101	Сержант стал генералом
103	Калашников – юбиляр
123	Фонд имени М.Т. Калашникова

123	Альбом «Оружие Калашникова»
125	Книга Изелла «История АК-47»
126	От Заречнова Калашникову
	По фронтовым дорогам
129	Начало пути
131	Кремлевский полк
132	Фронт
140	139-я Рославльская краснознаменная
146	И.П. Абрамов – мой однополчанин
147	Раненая медаль
149	После победы
	И всюду он – желанный гость
157	Встречи знаменитых
161	Калашников и космонавты
162	В гости к суворовцам
163	Встречи со студентами
165	Желанный гость
168	«Воткинские» американцы
169	Президентский полк Кремля
	Весь мир
173	Заграница по моим рассказам
179	Открытие Америки
183	Не только Америка, но и весь мир
	Интересные люди в моей жизни
187	К.И. Барулин
191	Т.С. Мальцев
192	Д.Ф. Устинов
193	Генерал А.Н. Сабуров
195	Родился в борозде и умер в борозде
196	Командарм Буденный
197	Е.П. Славский
199	С.В. Михалков и А.А. Сурков
200	Алексей Петрович Калашников
201	Т.Д. Лысенко
	Истории из жизни
205	Испытание временем
206	Тайна семьи
207	«Авантюрист» Соколов
207	Водка «Калашников»
208	«Генеральский» нож
210	Еще один подарок для Брежнева
210	Невесты
212	Путешествие
214	Автомобили Калашникова
215	Другу от Соколова

217	Охота и рыбалка
219	Введение к охоте
221	А.Г. Кирисов
222	За грибами
223	Охота на лося
224	Михаил Тимофеевич убил лося... моей пулей
225	Заблудились
226	Ночью на дороге
227	Зимой – по-летнему
228	Пожалел голову Михаила Тимофеевича
228	Лесные охотники
229	Удачный день
230	Охота на лосей в Татарстане
232	На охоту с сыном Л.И. Брежнева
232	Второй раз не промазал
233	На медведя
245	Волчья шкура
246	Охота на кабанов
248	Охотился на кабана, а поймал полицейского
249	В Дебессы за зайцами
250	Гнали, гнали, но...
251	Глухаринная охота и другие приключения
252	Случай на пасеке
254	Охота на гусей и тетеревов
255	Выстрел мог быть роковым
255	Введение к рыбалке
257	Рыбалка на Сиве
259	Рыбалка с острогой
259	Рыбаки пропали
260	Хитрая рыба
261	Меркасим и другие знакомства
262	История на пароме
263	Незнакомая дорога
263	На Вятке
265	Нас приняли за браконьеров
265	Чуть не утонули
266	Купание в луже
267	Лодку унесло
267	Рыбалка на Белой
268	Попали в засаду
269	Серафима Павловна в ледяной воде
270	Браконьер повел меня на расстрел
271	Шторм на Каме

*Издательство приносит извинения
за низкое качество любительских фотографий*

Литературно-художественное издание

Валентин Владимирович Соколов

О ДРУГЕ И О СЕБЕ

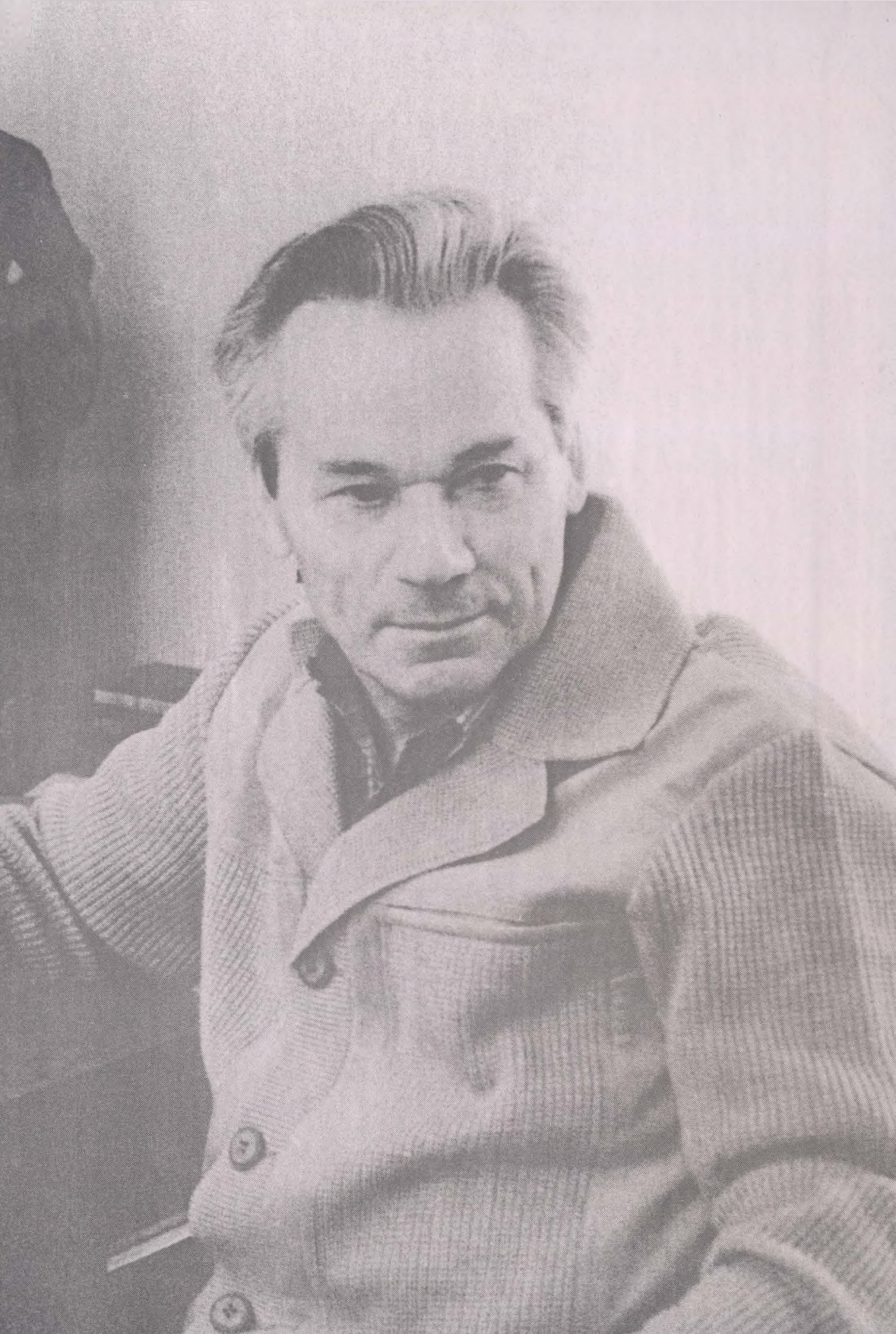
Редактор *Н.К. Швиндт*
Технический редактор *С.В. Звягинцова*
Дизайн обложки *Е.А. Хлыбовой*
Обработка фотографий *Т.А. Сергеевой*
Верстка, допечатная обработка *С.Е. Фокиной*
Корректор *И.В. Ганеева*

Директор издательства *Г.А. Осипова*

Подписано в печать 10.07.2003. Формат 70х100/16. Бумага мелованная
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Усл. печ. л. 22,25
Уч.-изд. л. 21,59. Тираж 3000 экз. Заказ № 262
Отпечатано в типографии Издательства ИжГТУ

Издательство и типография Ижевского государственного
технического университета. 426069, Ижевск, Студенческая, 7

ISBN 5-7526-0155-X

9 785752 601552 >